Деды

дайджест публикаций
о беларуской истории

выпуск 4

«Деды» – научно-популярное издание, предназначенное широкому кругу читателей, интересующихся прошлым своей страны и ее народа.
В дайджесте представлены статьи и очерки, освещающие неизвестные или малоизвестные современным читателям события нашей истории.
Часть текстов перепечатана из беларуских изданий (в переводе на русский язык), часть – публикуется впервые.
Редакция ставит задачей ознакомление читателей с узловыми проблемами развития беларуской нации, с интересными персонажами и событиями, с наследием национальной интеллигенции.

ISSN 2075-5376

9 772075 537002

Редакция альманаха «Деды» и фирма «Витень» планируют проведение научно-практической конференции по проблеме этногегеза беларусов и происхождения беларуского языка. Форма конференции — обсуждение сборника статей «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века» (издан в Минске издательством «Харвест» в сентябре 2010 года на русском языке, 544 страницы, тираж 2 тыс. экз.).

Приглашаем к участию ученых разных специальностей (историков, культурологов, лингвистов, этнографов и т.д.), а также заинтересованных лиц.

Тексты на русском или беларуском языке (статьи объемом 20—40 тыс. знаков, считая пробелы, тезисы 8—10 тыс. знаков) посылать по адресу:

г. Минск, п/о-131,
абонентский ящик 137,
Тарасу А.Е.

или по электронному адресу:
aetaras@tut.by

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

- *Какие этносы были предками беларусов?*
- *Кто и когда создал древние княжества на территории Беларуси?*
- *Кто такие литвины и русины?*
- *Когда и как возник беларуский язык?*

БАЗОВАЯ ГИПОТЕЗА

Славянский праэтнос никогда не существовал. Так называемое «славянство» — явление культурно-лингвистическое, а не антрополого-генетическое. Беларусы — потомки литвинов и русинов. Это две группы балтских племён (ятвягов, дайнова, прусов, кривичей, радимичей, дреговичей и др.), которые в Средние века постепенно перешли на славянскую грамматику (сохранив свою лексику и фонетику) и приняли христианскую веру. Христианство пришло к нам из Великой Моравии, Полабья — Поморья и Новгорода, около трех веков оно бытовало у нас в виде арианства.

Конференция рассчитана на два дня (суббота и воскресенье). Точная дата будет сообщена персонально каждому из участников.
Участие в конференции — за собственный счет.
Статьи и тезисы будут опубликованы в сборнике за счет организаторов.

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 4

МИНСК
Издатель А.Н. Вараксин
2010

УДК 94(476) (059)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск: А. Н. Вараксин, 2010. – 200 с.
ISSN 2075 – 5376

Четвертый выпуск дайджеста содержит 15 статей, в которых рассматриваются вопросы истории Беларуси с XVII по XX век. Это события эпохи феодализма, стереотипы восприятия поляков и беларусов, повседневная практика тоталитарного коммунистического режима, любопытные исторические персонажи. Все статьи публикуются в новой редакции, большинство из них переведено с беларуского языка. Кроме того, помещены рецензии на две книги.

ISSN 2075 – 5376

СОДЕРЖАНИЕ

I. СЕДАЯ СТАРИНА

II. БЕЛАРУСЫ И ПОЛЯКИ

III. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ „ДАВИЛОВКА“

IV. О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

V. ГЕРОИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

VI. НАДО ПРОЧЕСТЬ

I. СЕДАЯ СТАРИНА

ЛИТВИНЫ В МОСКОВСКОЙ СМУТЕ XVII ВЕКА

Максим Петров

МОСКВУ В 1605 ГОДУ ЗАХВАТИЛИ ЛИТВИНЫ, А НЕ ПОЛЯКИ

Кто в начале XVII века семь лет «гулял» по Московскому царству (нынешней центральной России) и дважды занимал Москву?

– «Поляки!» – издавна утверждают в России.

В 2005 году день 4 ноября российские власти объявили общегосударственным праздником – в память об освобождении Москвы от «польской оккупации». Вот только поляков в Кремле осенью 1612 года не было!

Речь Посполитую – конфедеративный союз Королевства Польского и Великого Княжества Литовского – даже российские историки (а тем более «простые граждане») считают польским государством. Поэтому все жители Речи Посполитой для них – поляки, в том числе литвины, предки беларусов.

Соответственно, в войсках первого и второго Самозванцев они видят только поляков и московитов. Но вот выдержка из двух документов начала XVII века. Первый называется «Отписка с Верхотурья в Туринск о присылке Полских пленников и их распросных речей»:

> «Прислали на Верхотурье... Литовских языков двух человек Микитку Павлова, Янушка Петрова».

Название второго документа – «Допросныя речи Полского полоненника в Перми»:

> «Сказывали им Литовские люди Микитка с Быхова города, а Янушка с Чернобыля города: как они с Литвы пришли под Москву, тому четвертый год, стояли под Москвою в Тушине и под Троицею в Сапегине полку...».

Посылали польских пленников, а прислали ...«литовских языков» с фамилиями совсем не польскими. Оказывается, это литвины, служившие в войске Яна Петра Сапеги. Родом они из Быхова (в современной Беларуси) и Чернобыля (в современной Украине), пришли из Литвы. Но Быхов и Чернобыль города не польские, а Литва (ВКЛ) – не Польша!

Речь Посполитая была государством «обоих народов», то есть польской и литвинской (беларуской) шляхты, а также католического и униатского духовенства*. Каждого нового короля магнаты и шляхтичи избирали на специальном съезде. Фактически, король являлся пожизненным президентом.

Органом законодательной власти в Речи Посполитой был магнатско-шляхетский сейм. Он принимал законы отдельно для Польши, отдельно для

* Крестьяне и мещане «народом» не считались.

ВКЛ. Оба союзных государства имели собственную администрацию (в том числе суды и таможни), свои вооруженные силы, свои финансовые системы, чеканили свою монету. Только внешняя политика была общей для Короны Польской и ВКЛ.

Согласно всем трем Статутам ВКЛ (1529, 1566, 1588 гг.), польской шляхте запрещалось занимать в ВКЛ государственные должности любого уровня, а также покупать недвижимость, получать ее в наследство или в подарок. В Польском же королевстве такие ограничения отсутствовали. Поэтому литвины (беларусы) нередко занимали государственные посты и имели земельные владения в Польше.

Например, князь Константин Острожский (1524–1608) с 1559 года был воеводой Киевским, помимо обширных владений в Украине имел крупный участок земли в Польше (в районе города Тарнов). Его сын Януш (1554–1620) с 1593 года был каштеляном Кракова.

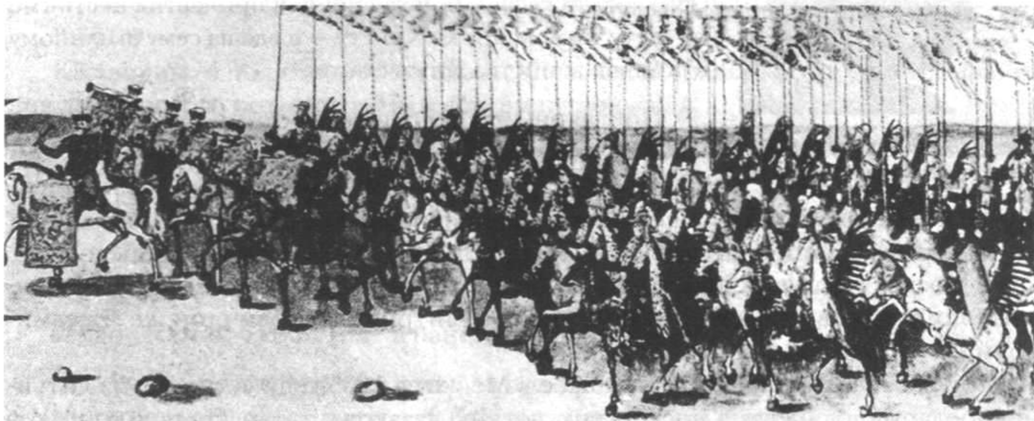
Как известно, Лжедмитрий II (ок. 1580–1610) объявил себя царем Московским летом 1607 года на территории ВКЛ в городе Пропойске (ныне Славгород Могилевской области). Здесь он готовился к походу на Москву, рассылая письма и призывая ратных людей присоединиться к нему.

Но Пропойск находится далеко от польской границы. Если бы Лжедмитрий II собирал войско из поляков, ему было бы удобнее заниматься этим в Польше. Так нет же, он засел в Пропойске. В письмах, которые самозванец рассылал по городам и местечкам Литвы, он называл себя «счастливо спасенным царем Дмитрием Ивановичем» и подчеркивал, что в 1605 году занял Москву с «литовскими людьми»:

> «В первый раз я с литовским людьми Москву взял, хочу и теперь идти к ней с ними же».

Участник Смуты литвин Станислав Борша позже писал в своих записках:

> «Дмитрий /Лжедмитрий I/ потерпел поражение под Севском, отчасти вследствие измены казаков, отчасти от того, что поляки после первого сражения почти все ушли от него с Сандомирским воеводою»...

Панцирные гусары войска ВКЛ (около 1606 г.)

Но если почти все поляки ушли с Юрием Мнишеком (Сандомирским воеводой) уже после первого сражения, задолго до вступления в Москву, то кто ее в 1605 году занял? Выходит – литвины, что и утверждал в своем письме Лжедмитрий II. Нет сведений о том, что потом к Лжедмитрию I опять пришли поляки. Наоборот, документы свидетельствуют, что войско, которое в первый раз заняло Москву, состояло из литвинов. Так, в «Грамоте Дмитрия I к Московским боярам и другим всякого звания людям о правах его на престол Российский» от 4 апреля 1605 года указан этнический состав войска самозванца:

> «А ныне мы великий Государь на престол прародителей наших, великих Государей Царей Российских, идем с Божиею помощью вскоре, а с нами многия рати Руския и Литовския и Татарския».

Поляки не упомянуты. Неужели «царь Дмитрий Иванович» забыл о них?

Митрополит Ростовский, Ярославский и Устюжский Филарет (Романов) в своей грамоте от 30 ноября 1605 года писал:

> «Ространига Гришка Отрепьев, бесосоставным своим умышлением назвав себя сыном великого Государя нашего Царя Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, Царевичем Дмитрием Ивановичем всея Руси, и злым своим чернокнижьем прельстя многих **Литовских людей** и казаков»...

Уж митрополит Филарет, убежденный ненавистник «латинства», обязательно отметил бы поляков, если бы они принимали участие в предприятии «Гришки Отрепьева». Но он упомянул только «литовских людей и казаков»!

Анонимный автор одного из сочинений о Смутном времени – «Плачъ о пленении и о конечном разорении Московского государства», тоже писал только о литвинах:

Лжедмитрий II был из Шклова

> «Воста предтеча богоборнага антихриста, сын тьмы... и безступне нарек себя царем Дмитрием, присно памятнаго царя Ивана сыном... королю же Полскому, и паном раду, и кардиналом, и арцибискупом, и бискупом велми о том радующимся, яко меч на кровь христианскую воздвижеся, – понеже николи причастия несть тме ко свету, ни велияру ко Христу, – и вдаша сему окаянному в помощь воинства Литовскаго».

Популярный в России тезис о том, что в 1605 году «поляки захватили Москву», вероятно, связан с тем фактом, что при свержении Лжедмитрия I было убито до 500 поляков. Но это были поляки, приехавшие вместе с Юрием Мнишеком и его дочерью Мариной на свадьбу Марины и Дмитрия, через полгода после того, как в Москву торжественно въехал на белом коне, радостно приветствуемый ее жителями, царевич Дмитрий, он же царь Дмитрий Иванович, он же Лжедмитрий I.

Войско Лжедмитрия I, вступившее в Москву в 1605 году, состояло из литвинов (беларусов), «беглых московских людей», казаков и татар. Поляки в нем отсутствовали.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ВОЙСКА ЛЖЕДМИТРИЯ II

Вот что писал мстиславскому старосте Петру Пацу (1570–1642), литвину по происхождению, князь Дмитрий Масальский, наместник и воевода Лжедмитрия II в Рославле:

«Чтобы вы прислужились государям нашим прирожденным Дмитрию и Петру /Лжедмитрий II и Лжепетр – *Авт.*/, прислали бы служилых всяких людей на государевых изменников, а там будет добра много; если государь царь и государь царевич будут на прародительском кресле на Москве, то вас всех служилых людей пожалуют своим жалованьем, него у вас на разуме нет».

Аналогичных посланий к полякам историки не обнаружили. Лжедмитрий II поляков к себе не звал.

В начале XX века в России было издано много материалов о «Смутном времени». Это донесения царских воевод, письма из разных городов от местных властей и церковников, протоколы допросов пленных, перебежчиков и т.д. Следует особо подчеркнуть, что авторы всех таких документов – московиты. Так, смоленские воеводы следующим образом сообщали о положении дел под Дорогобужем и Белой в 1608 году:

«4 сентября государь в 22 день писали к нам холопем твоим Воин Дивов Иван Корсаков Григорей Какошкин пришли к Дорогобужу воры и литовские люди...

А в распросе и с пытками нам холопем твоим вязмятин Олексеев человек сказал что литовских людей приходило 200 человек да вязмич детей боярских и дорогобужан и боярских людей 300 человек...

Сентября ж государь в 28 день ... прислали к нам дву человек детей боярских вязмич Михайла Озерева да Данила Еремьева а в распросе государь с пытки те дети боярские нам холопем твоим сказали что в Вязьме с рохмистром Чижем да с вязмичи з детми боярскими с Ываном Осорьиным с Ываном с Челюсткиным с меншим Боборыковым литвы и воров и вязмич и запорожских черкес 450 человек а ити де им из Вязьмы к Дорогобужу.

А под Белой государь сентября в 30 день писал к нам... воевода Семен Ода-дуров пришел де он под Белую, из Белой де государь против его выходили воры и литва».

Как видим, о поляках нет ни слова. Упомянуты только литвины. Ну, а фамилия литвинского ротмистра Чиж совсем не польская.

В «Отписке Устюжан к Вычегодцам о разорении Ростова Литовскими людьми, пленении Митрополита Филарета, о присяге Ярославля, Вологды и Тотьмы Лжедмитрию...» от 27 ноября 1608 года сказано:

«Пришед Литовские люди в Ростов, их плоштвом, потому что жили просто, совету де и обереганья не было, и Литовские люди весь выжгли».

Из донесения о событиях в районе Москвы:

«Вор-де ис-под Москвы посылал под Ерославль против понизовских людей воров и литовских людей... А Крымских-деи татар под Москву ждут вскоре. А что-де пришли воры и литовские люди в Дорогобуж ныне».

О поляках опять ничего. А вот письмо из Вологды в Устюг (1608 год) о допросе пленника:

«Да с пытки-ж, господине, сказал нам литвин Ян Уншинский, а в полках он был у пана Бобовского в роте... А в полках де конской и людской голод великий а просят у вора грошей, а падати нечего, и литва де говорит стояти им до Рождества Христова, а с Рождества им Христова расходится по городам и волостям ротами кормится и грабить».

И здесь поляки не упомянуты, зато отмечено, откуда пришли литвины – современный Бобруйский район Могилевской области, так как имение Бобовье пана Бобовского находилось именно там. Ян Уншинский, видимо, был из деревни Уша (в Березинском районе Минской области). Вероятно, что его фамилия Ушинский, а не Уншинский. Деревня Уша находится недалеко от деревни Бобовье.

Вот сообщение о возвращении Костромы, Ярославля, Ростова и Переяславля от 29 мая 1608 года:

«Кострому и Ярославль и Ростов и Переяславль государевы люди от воров очистили и воров Литовских людей и казаков побили на голову».

Почему же побили только «литовских людей и казаков»? Почему не тронули поляков? Да потому, что их там никогда не было!

Донесение из Ярославля от 1 апреля 1609 года:

«В нынешнем во 7117 году апреля 1 день пришли под Ярославль воры Литовские люди и казаки и Черкасы и Татаровя и государевы изменники русских городов».

Здесь упомянуты, по сути дела, все участники «Смуты»: литвины, казаки (черкасы – тоже казаки), татары и московиты. Поляки не упоминаются.

Сообщение о войске Лжедмитрия II под Вологдой:

«А паном Литовским силы четыре роты больших панов, а в роте по 120 человек да 2000 запорожских казаков да с ними же Ярославских и Галецких детей боярских 1700».

Опять нет поляков!

А это строки из донесения о положении дел под Дорогобужем:

«Ходил-де в Дорогбужской уезд для вестей архиепискупль ж крестьянин Потапка Лаврентьев. И тогда-де Потапка дорогобужские мужики поимали и хотели отвести к литовским людям...

Слышал де дорогобужане у своих крестьян, которые были в полону у литовских людей, что пошло к Москве 3 тысячи литовских людей»...

И здесь поляков нет!

Вот сведения, полученные от пленного:

«Лета 7118 году, ноября в 10 день /1610 г./ ... на вылазке взяты в языцех литовских людей два человека и те литовские люди распрашиваны, а в распросе сказали. Литвин, которого взял Иванов человек сказался, зовут деи его Оникей-

ком Грицков, Быхова города, роты пана Глотцкого, королевского подчашего. Корол деи стоит за Троецким монастырем, а при короле деи радных панов Гетман Жолтовской да Лев Сапега и иные паны, а в Духове монастыре пан стоит Глоцкой, а с ним запорожские казаки, а с Глоцким де литовские людеи и запорожские казаки всего 3000 человек, а Глотцкои де пришол из Литвы тому недели две, а с Глотцким пришло 500 человек».

Снова никаких поляков. Зато указана местность, откуда прибыли ротмистр Глотцкий – из деревни Глоты (в Россонском районе Витебской области) и литвин Оникейко Грицков – из города Быхов. Они расположены на территории современной Беларуси.

Во время переговоров Богдана Величанина, посла короля Речи Посполитой Сигизмунда III, с осажденными защитниками Смоленска произошел следующий диалог:

«Богдан Величанин, сойдясь с русскими сказал: «Его королевское величество удивляется вашему упорству и грубости, что вы не встречаете с благодарностью прибытия в эти страны короля, который, как христианский государь, сжалившись, что столь давно проливается столько христианской крови, пришел сюда остановить кровопролитие и, если вы будете достойны божьей милости, взять вас под свою защиту, так как у вас прекратился род государей. Оцените доброе намерение короля, который хочет пожаловать вас, держать в мире ваших жен и детей, сохранить вам вашу веру, обряды, законы и обычаи».

На это они ответили:

«Хвалим государя короля, что желает обходиться с нами по-христиански, но боимся Литвы; мы от нея не обезпечены; хотя бы король и поцеловал крест, Литва не будет держать крестного целования, как и те из Литвы, которые стоят под Москвой и которые хотя оберегают наших, но сами же берут наших жен, детей, дочек и разоряют наши волости».

Почему смоляне говорили только о «тех из Литвы, которые стоят под Москвой»? Почему не вспомнили поляков? Ведь во время этих переговоров под Москвой находилось войско одного только Лжедмитрия II. Гетман Станислав Жолкевский к Москве еще не прибыл. Видимо потому, что не было поляков у Лжедмитрия II.

Таким образом, документы XVII века свидетельствуют, что войска и Лжедмитрия I, и Лжедмитрия II состояли из литвинов (беларусов), московитов, казаков и татар. Ни в одном документе поляки в армиях обоих самозванцев не упоминаются.

Путь войска Жолкевского от Смоленска до Москвы

* * *

В связи с этим у читателя может возникнуть вопрос. Может быть, тогдашние жители Московского царства просто не различали литвинов и поляков? Или автор специально подобрал такие выдержки, где не говорится о поляках?

Оказывается, в документах поляки упоминаются. Но не на стороне Лжедмитрия II, а в рядах армии царя Василия Шуйского, во время битвы под Болховом 10 мая 1608 года, наряду с немцами:

> «Князь Ружинский /гетман Лжедмитрия II/ дал знак вступить в битву прежде всего полку князя Адама Ружинского и полкам Валавского. Против них выступили немцы и поляки».

В московском войске служили наемниками не только поляки и немцы, но также англичане, шотландцы, французы и представители других национальностей.

> «Гетману /Жолкевскому/ привели двух англичан, захваченных под Белой. Они говорят, что к Белой идут 3000 англичан, шотландцев, немцев и французов и несколько тысяч русских».

В битве под Клушином в войске воеводы Дмитрия Шуйского состояло:

> «5000 французов, англичан, нидерландцев, финляндцев и другого немецкого народа под начальством Понтуса Делагарди и Эдуарда Горна».

Далее поляки упоминаются в связи с армией Речи Посполитой под Смоленском и войском гетмана Станислава Жолкевского, направленным в июне 1610 года королем Сигизмундом III от Смоленска к Москве. Вот что сообщает окружная грамота бояр от 20 июля 1610 года:

> «Ныне Полский и Литовский король стоит под Смоленском, а гетман Желтовский с Полскими и с Литовским людми стоит в Можайску, а иные Литовские люди и русские воры пришли с вором под Москву и стали в Коломенском, а хотят Литовсие люди по ссылке с гетманом с Желтовским государством Московским завладети»...

Аллегория победы под Клушином (худ. Т. Далобелли)

Но и здесь поляки не имеют отношения к Лжедмитрию II – «пришли с вором под Москву литовские люди и русские воры». Поляки упомянуты в связи с осадой Смоленска и с походом Жолкевского. В «Записи гетмана Жолкевского, данной князю Елецкому и Григорью Валуеву» он сам перечислил тех, кто находился под его командованием после вступления в Москву летом 1610 года:

«Я Гетман в полковников и ротмистров, в Полских и в Литовских, и в Черкас и в гайдуков, и за всех служилых Польских и Литовских людей, и за Немец и иных земель, которые ныне при мне Гетмане»...

С кем же пришел С. Жолкевский к Москве?

«За гетманом вышли: хоругвь гетмана – 250 человек; князя Краковского костеляна – 100 человек; крайчего королевского – 100 человек; князя Порицкого – 130 человек; старосты Хмельницкого – 200 гусар; старосты Сандецкого – 200 человек; старосты Тлумацкого – 100 человек; людей Балабана – 100 человек; старосты Хмельницкого – 100 пехоты, казаков – 100 человек; пехоты – 1000 человек».

Краковским каштеляном был Януш Острожский, старостой Хмельницким – Николай Струсь, старостой Тлумацким – Николай Гербурт. Поляками были укомплектованы отряды Януша Острожского, королевского крайчего, старосты Сандецкого, старосты Тлумацкого Николая Гербурта. Это около 500 человек из 2380 (21 %).

Перед битвой под Клушином к Жолкевскому присоединились полки Александра Зборовского (1540 чел.), Мартына Казановского (800 чел.), Самуила Дуниковского (700 чел.), Пясковского и Ивашина (3000 чел.), Людовика Вайера (200 чел).

Таким образом, под Клушином у Жолкевского было немногим более 8,5 тысяч человек. Из них поляки не составляли уже и шестой части.

Александр Зборовский – это полковник войска Лжедмитрия II, который перешел на сторону короля, значит, он командовал литвинами; полки Пясковского (вассала князей Збаражских), а также Ивашина (3000 чел.) состояли из вольных казаков с Украины; в полку Людовика Вайера (старосты Пуцкого) были немцы. Мартин Казановский считается выходцем из Польши, но жил он в то время в Украине. Поэтому большинство солдат его полка (если не все) составляли жители Украины.

Нет сведений о Самуиле Дуниковском и его людях, но Осип Будило (хорунжий из Мозыря) в своем «Дневнике событий» отметил, что ротмистр Дуниковский пришел под Смоленск вместе с ротмистрами Васичинским и Роговским. Значит, они были земляками либо соседями.

Деревня Рогово, от которой произошла фамилия Роговский, расположена в Минском районе. А в Поставским районе Беларуси имеются деревни Васевичи и Дуниловичи, от названий которых могли произойти фамилии Васичинский и Дуниковский. Но даже если все воины Дуниковского были поляки (что весьма сомнительно), то общее число поляков в битве под Клушиным – максимум 1200 человек (14 % войска).

После битвы под Клушином к Жолкевскому присоединилось еще 12 тысяч человек:

«Гетман пошел к Можайску, направляясь к столице. При нем было 10.000 русских, более 2000 французов и других иноземцев кроме войска, пришедшего с ним, с которым все эти отряды соединились».

Набралось более 20 тысяч, из которых половину составили жители Московии. Поляков среди них было, как сказано выше, максимум 1200 человек.

Но и они осенью 1612 года ушли из Москвы, о чем сказано в записках Осипа Будило:

> «Когда в Москву, которую уже два года держали в осаде русские, не являлись ни король с сыном Владиславом, которому русские целовали крест, ни вспомогательное войско, когда и вообще в Московской земле не было никакого уже польского войска, потому что король, взяв Смоленск, возвратился в Польшу, то польское войско бывшее в Москве в то время, когда русские изменили, не дождавшись вспомогательных сил и соскучившись долговременною службой, составило конфедерацию и отправилось в Польшу, в королевские имения, осталось в Москве одно лишь войско Сапеги».

Литвинский князь Ян Петр Сапега (1569—1611)

Здесь говорится о войске Яна Петра Сапеги (1569–1611), который «в августе 1607 года с согласия канцлера ВКЛ Льва Сапеги предложил Лжедмитрию II свою помощь в овладении московским троном», а в августе 1611 года со своим отрядом прорвался в Москву. Но Сапеги – не поляки:

> /Сапеги/ «крупный магнатский род герба "Лис" в ВКЛ, родоначальник которого – Семён Сапега (середина XV века), великокняжеский писарь из полоцких бояр. Они считались вторыми после Радзивиллов в XV–XVIII веках».

Из кого состояло войско Сапеги? Учтем следующую информацию.

(1) К началу военных действий Ян Петр Сапега был старостой Усвят и в его распоряжении имелось ополчение (посполитое рушение) этого повета. А город Усвяты находится далеко от Польши – в нынешней Смоленской области России.

(2) «в XVI–XVII веках Сапеги владели Чареей, Свислочью, Освеей, Дрисвятами, Друей, Кохановым, Ружанами, Бешенковичами, Лепелем, Сенно, Зельвой, Дятловым, Белыничами, Дубровно, Старым и Новым Быховом, Горами, Горками, Тетериным, Круглым, Толочиным, Гольшанами, Лунно, Станьковым, Ляховичами, Тимковичами, Косовым, Смиловичами, Дукорой. В их распоряжении были свои крепости, гарнизоны, военнослужащие, в том числе шляхта».

Все 29 населенных пунктов, названных в этом перечне, находятся на территории современной Беларуси. Следовательно, войско Яна Петра Сапеги было укомплектовано литвинами (беларусами). Это подтверждают и московские документы. Так, в протоколе допроса пленников от 22 января 1612 года сказано:

> «А в Пермских распросных речах Ивана Чемоданова да Пятко Филатова написано. Сказывали им Литовские люди Микитка с Быхова города, а Якушка с Чернобыля города: как они из Литвы пришли под Москву, тому четвертый год, стояли под Москвою в Тушине и под Троицею в Сопегине полку, а из под Троицы

с Сопегом-ж были в Мещенску, а из Мещенска они ходили от Сопеги в Можайск, а из Можайска они, две роты с Выйгуковским паном да Токарским, пришли под Москву к Сопеге в полк... ...А на Москве сидит Литовских людей четыре тысячи и голод и нужда великая...».

Протокол подтверждает факт отсутствия поляков на Москве: к началу 1612 года «на Москве сидит Литовских людей четыре тысячи». Поляки не упоминаются.

Возьмем другой документ – «Отписка 1612 года 11 апреля из Нарышкинского в Кетский острог и копии с распространением речей двух Литовских людей»:

«Сказали им в распросе Литовские языки Пронка Литвин: были они с Сапегою в полку»...

Поляк не мог иметь фамилию «Литвин».

Прокопий Ляпунов, один из вождей Первого ополчения, в своей грамоте в Нижний Новгород в январе 1611 года тоже отметил, что войско Сапеги состояло из литвинов:

«...а к нам они на Рязань шлют войною пана Сапегу, да Струся со многими Литовским людьми».

О том, что с осени 1611 года в Москве не было поляков, сообщает и «Окружная грамота Троицы-Сергиева Монастыря от Архимандрита Дионисия...» от 6 октября 1611 г.:

«А ныне пришел к Москве, к Литовским людям на помощь Хоткевич»...

Здесь назван гетман ВКЛ Ян Карл Ходкевич (1560–1621). Почему Ходкевич пришел на помощь только к «литовским людям»? Да потому, что поляков в Москве к тому времени уже не было!

* * *

Ну, а кем были руководители обороны Московского Кремля – Осип Будило и Эразм Стравинский? (Ян Петр Сапега внезапно умер 15 октября 1611 года).

Осип Будило (или Будзила) – это мозырский хорунжий, который 2 сентября 1607 года пришел со своей хоругвой к Лжедмитрию II. Поляком он не мог быть по определению, так как Статуты ВКЛ запрещали польской шляхте занимать в ВКЛ государственные посты любого уровня. На территории современной Беларуси есть деревня Будилово в Бешенковичском районе, название которой произошло от литвинского имени Будило. В переписи войск ВКЛ 1567 года встречается Николай Будило.

Посполитое рушение (шляхетское ополчение) как ВКЛ, так и Короны Польской формировалось на базе поветов. Шляхта каждого повета составляла одну хоругвь (полк), если было достаточно людей. В случае нехватки людей хоругвь объединяла шляхтичей двух или трех соседних поветов. Командовали такими хоругвями специально назначенные командиры – хорунжие (полковники).

«С начала XVI века начинается постепенный поворот в сторону наемного войска, не столь многочисленного, как посполитое рушение, но постоянного, всегда готового к ведению боевых действий».

Формирование наемных рот происходило следующим образом. Человек, получивший патент на формирование роты, объезжал 100–200 шляхтичей и спрашивал их, желают ли они служить под его командованием? На такой объезд и на снаряжение роты он тратил либо свои деньги (с последующей компенсацией из казны), либо аванс, полученный из казны.

Наемное конное войско состояло из гусарских и казацких рот. В гусары шла более состоятельная часть шляхты, так как их снаряжение, оружие и лошади стоили дорого. Кроме того, каждый гусар содержал за свой счет еще 3–8 конников («почтовых») и личных слуг (конюха, денщика, повара). Среди почтовых было много малоимущих шляхтичей.

Малоимущая шляхта составляла также основной контингент казацких рот. Каждый казак имел 2–4 помощников. Термин «казак» в XVI–XVII веках не имел того содержания, которое подразумевается сегодня. Тогда казаками называли конных воинов любой национальности, но с определенным вооружением – сабля, лук и короткое копье (или рогатина).

Армия Лжедмитрия II была наемной и формировалась по аналогичному принципу. Об этом свидетельствуют как многократные переговоры ее представителей с королем Речи Посполитой, так и многочисленные послы от короля, посещавшие войска Лжедмитрия II с целью подсчета их численности для уплаты жалованья. Об этом также говорят письма самого Самозванца и его помощников, в которых воинам сулят большие суммы за службу «царю Дмитрию».

Мушкетер и капитан польской пехоты

Следовательно, нетрудно установить, кто служил Лжедмитрию II – литвины или поляки, ибо каждый хорунжий подбирал себе знакомых лично ему ротмистров, ротмистры точно так же подбирали себе поручиков, а те набирали воинов в отряды (почты). В подавляющем большинстве случаев роты, а часто и хоругви, состояли из воинов одной местности. Литвины обычно не нанимали поляков, поляки – литвинов.

Отметим еще один факт: военная служба во многих семьях литвинской шляхты являлась семейной традицией. Так, минский историк Ю.М. Бохан в своей книге приводит фамилии литвинских шляхтичей, служивших в начале XVI века Александру, великому князю Литовскому: Якуб Вольский, Габриель Запорский, Ян Заремба, Станислав Пшонка, Янушек Семиховский. Через 100 лет люди с такими же фамилиями были ротмистрами в армии Лжедмитрия II.

Так кто служил в полку Осипа Будило? Известны следующие фамилии ротмистров: Вербицкий (или Вержбицкий), Захулинский, Подгородинский, Семашко, Чаплинский, и еще поручик Тржасковский.

Вероятно, фамилия ротмистра Вербицкого (Вержбицкого) произошла от названия деревни Вербовичи (в Наровлянском районе, недалеко от Мозыря), в те времена относившейся к Мозырскому повету. В Переписи войск ВКЛ 1567 года приводится имение Вербичов Речицкого повета, соседнего с Мозырским.

Литвинский шляхтич начала XVII века

Фамилия Подгородинский может быть связана с деревней Погородно, находящейся сейчас в Вороновском районе Гродненской области. Подгородинский никак не мог быть поляком, так как слово «подгородный» на польском языке звучит как «podmijski».

В переписи войска ВКЛ 1567 года упомянут Филон Семашко из Мозырского повета.

Населенный пункт Чаплин, от которого произошла фамилия Чаплинский, находится недалеко от города Мозырь. После кончины в 1616 году Александра Лисовского — командира легкой кавалерии в армии Лжедмитрия II, Чаплинский стал предводителем «лисовчиков».

Как видим, хоругвь Осипа Будило была сформирована из рот, ротмистры которых преимущественно жили в Мозырском и Речицком поветах. Значит, и личный состав этих рот был набран там же.

Теперь об Эразме Стравинском, командовавшем хоругвой в войске Яна Петра Сапеги.

Стравинские — «шляхетский род герба "Сулима" в ВКЛ». В конце XVI — начале XVII веков жили трое братьев Стравинских: Мартын, Бальтазар и Эразм.

«Мартын (ум. 1594) — тиун и городничий Трокский, маршалок господарский в 1580—90 гг., каштелян Минский в 1590—92 гг. и Витебский с 1592 года. Бальтазар (ум. 1633) — тиун Трокский, каштелян Брестский в 1624—27 гг.».

В переписи войска ВКЛ 1567 года упоминается имение Стравинок (или Стровинок) в Трокском повете, от которого и пошла фамилия «Стравинский». Ныне это территория Летувы. Но, во-первых, Трокский повет — часть исторической Беларуси (Виленского края). Во-вторых, литвин Осип Будило указал фамилию Эразма как Стравинский, а не на жамойтский манер — Стравинскас*.

Итак, в войске Лжедмитрия II не было поляков, о чем говорят московские документы тех времен, а также фамилии его командиров.

Поляки участвовали: 1) в военных действиях на стороне Москвы против Лжедмитрия II; 2) в осаде Смоленска войсками Речи Посполитой; 3) в войске

* Литвин Эразм Стравинский был в числе тех, кто захватывал Москву, а продолжатели его рода — Федор Стравинский и Игорь Федорович Стравинский (1882—1971) — отец и сын — стали знаменитыми «русскими» певцом и композитором!

гетмана Жолкевского в битве под Клушином; 4) во вступлении Жолкевского в Москву. Но число их в армии Жолкевского не превышало 1200 человек (6 %) из более чем 20 тысяч.

В обороне Москвы от войск ополчения Минина и Пожарского поляки не участвовали. В Китай-городе и в Кремле осенью 1612 года сидели литвины, немцы и французы под общим командованием Николая Струся, Эразма Стравинского и Осипа Будило. Поляков там не было.

Справка: Со смертью царя Федора Ивановича 6 января 1598 года прекратилась династия Рюриковичей. Далее московский престол занимали Борис Годунов (в 1598–1605 гг.), его сын Федор (около двух месяцев в 1605 г.), Лжедмитрий I (в 1605–1606 гг.), Василий Шуйский (в 1606–1610 гг.)

После свержения Шуйского 17 июля 1610 года московское государство осталось без царя. Тогда боярская дума создала временное правительство в составе 7 человек. Это И. Воротынский, В. Голицын, Б. Лыков, Ф. Мстиславский, И. Романов, А. Трубецкой, Ф. Шереметев. Семь бояр и патриарх Филарет решили сделать московским царем королевича Владислава, сына Сигизмунда III. Владислав в Москву так и не прибыл, но формально «семь бояр» управляли страной от его имени и даже чеканили монету «царя Владислава».

Жителей Москвы и ряда городов страны режим «семибоярщины привел к присяге на верность «царю Владиславу». Однако положение временщиков было непрочным. Чтобы обезопасить себя от народного восстания, они предложили Жолкевскому стать гарнизоном в Москве. Это и произошло в ночь с 20 на 21 сентября 1610 года – без единого выстрела.

«Полк Ал. Зборовского расположился в Китай-городе, полк Казановского и Вайера – в Бел-городе; сам гетман со старостой Велижским (Ал. Гонсевским) остановился в главной крепости – Кремле (Крым-городе)».

Гетман уже в начале октября ушел из Москвы к Смоленску с большей частью своего войска. Начальником гарнизона он оставил Александра Гонсевского.

В марте 1611 года москвичи восстали против «семи бояр» и пришлого воинства, но Гонсевский их разбил. На помощь повстанцам прибыло Первое ополчение во главе с Прокопием Ляпуновым и Дмитрием Трубецким, однако и ему не удалось одержать победу над гарнизоном, засевшим в Китай-городе и Кремле. Следует подчеркнуть, что вместе с так называемыми «оккупантами» в осаде находились и «семь бояр», и многие другие московские аристократы, в том числе будущий царь Михаил Романов со своими родителями.

6 октября 1611 г. в Кремль пробился отряд гетмана Яна Карла Ходкевича. Он доставил продовольствие и произвел замену гарнизона. Наконец, в августе 1612 года гетман Ходкевич вторично прорвался в центр Москвы, снова сменил гарнизон и ушел. Вместе с ним покинул город А. Гонсевский со своими людьми.

27 октября (4 ноября) 1612 года предводителям Второго ополчения Дмитрию Пожарскому и Кузьме Минину сдались воины Струся, Будило и Стравинского. Среди них не было ни одного поляка: только литвины, немцы и французы. Большинство пленников стали жертвами самосуда ополченцев или жителей тех городов, куда их сослали. Уцелели немногие.

И С УКРАИНЫ ТОЖЕ ПРИШЛИ ЛИТВИНЫ

Возможно, возникновению мифа о том, что во времена «Смуты» Москву захватили поляки, способствовал (помимо избиения поляков в Москве в 1606 г.) еще и тот факт, что в армии Лжедмитрия II и Лжедмитрия I, а также в войске гетмана Жолкевского имелись воинские формирования с территории современной Украины, которая с 1569 года входила в состав Польского королевства. Но и они состояли не из поляков.

К 1605 году, когда Лжедмитрий I начал свой поход на Москву, украинские земли принадлежали Польскому королевству всего 36 лет. До Люблинской унии 1569 года они более 200 лет являлись частью Великого Княжества Литовского*. Понятно, что численность переселенцев за 200 лет была намного большей, чем за 36 лет. И селились там литвины, а не поляки.

Естественно, что на этой территории имелось и коренное население: киевские русины, а также волыняне, северяне и прочие. Но не они играли главные роли в политической жизни этих земель. По Статутам ВКЛ украинские земли, точно так же, как Подляшье с Жамойтией считались «прыслухаючымі», то есть землями, «прислуживающими» великим князьям Литвы. Закон был одинаков для всех.

Украинские земли после присоединения к ВКЛ великие князья в течение 200 лет раздавали княжеским, магнатским и шляхетским семьям. Кроме того, они переселяли сюда литвинских панцирных бояр (вершников) и крестьян (новоседов).

Большинство земель в украинской части ВКЛ принадлежало всего нескольким княжеским родам. На Волыни это были Заславские, Корецкие, Острожские, Несвиские, Сангушки, Чарторыйские и Четвертинские. Помимо «главных княжат» существовали «меньшие» князья, например, на Волыни – Буремльские, Велицкие, Любецкие, Острожецкие, Ружинские, Роговицкие, Соколинские, Тристенские.

На всей украинской земле, присоединенной к ВКЛ, из 68 княжеских родов 41 (более 60 %) были литвинского происхождения (включая один полоцкий, три турово-пинских и два смоленских рода). Происхождение одиннадцати князей не установлено, но и среди них наверняка были литвины. А вот польских князей здесь к 1600 году еще не было ни одного.

Князья, переселяясь в Украину, брали с собой семьи, слуг и дружины. В основном слуги и дружинники были из населения тех мест, откуда князья выезжали. То есть, в подавляющем большинстве литвины (беларусы).

Как видим, один вариант миграции литвинов (беларусов) в Украину – переселение вместе с князьями.

Другой вариант – раздача великими князьями ВКЛ украинских земель в награду шляхте за верную службу. Вот что писал историк Н.М. Яковенко о раздаче земель в Украине:

> «Особенно щедрые подарки выпадали в период утверждения на троне Витовта (конец XIV века), во время феодальных войн 30–40 годов XV века и в на-

* Начиная с битвы на Синей Воде в 1362 году, покончившей с господством татар в бывшем Великом Княжестве Киевском.

пряженные времена восстания Михаила Глинского. Например, государственная ревизия 1545 года констатировала, что только в Луцком и Володимирском округах на это время роздано 105 сел, 6 замков и 2 волости».

Понятно, что и подарки доставались литвинам. Вот несколько примеров. В 1444 году великий князь Литовский Свидригайло подарил своему слуге Михайлу Олехно город Красилов в Хмельницкой области. Олехно – древнее литвинское имя. С середины XV века территория вокруг современного Иванкова Киевской области принадлежала киевскому боярину Олехно Олехновичу.

В 1530-е годы великий князь Свидригайло подарил город Обухов (в Киевской области) киевскому воеводе С.Г. Юрше, а Григоровку передал магнату Саминову (Сумину). Юрша и Сумин – имена литвинов, упомянутые в переписях войска ВКЛ. Земля Тетиева в 1514 году принадлежала литвинским вельможам Ивану и Андрею Кошкам.

В 1593 году король Сигизмунд III отдал Остерское староство во владение М. Ратомскому. Фамилия Ратомский произошла от названия деревни Ратомка (ныне в Минском районе Беларуси).

Итак, в войске Лжедмитрия II воинские формирования с территории Украины, в те годы принадлежавшей ВКЛ, в своем большинстве состояли из литвинов (беларусов), переселившихся туда с территории современной Беларуси.

Ротмистр легкой кавалерии из ВКЛ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОМАНДИРОВ ВОЙСКА ЛЖЕДМИТРИЯ II

Во многих документах, в воспоминаниях очевидцев и участников Смуты упоминаются имена людей, являвшихся сторонниками Лжедмитрия II. Рассмотрим имена командиров разного уровня.

Поначалу гетманом (командующим) войск Лжедмитрия II был избран Меховецкий, затем им стал Роман Ружинский, а после смерти последнего – Ян Петр Сапега.

Князя Романа Ружинского (1575–1610) можно назвать выдающимся военачальником того времени, несмотря на то, что многие русские историки награждают его уничижительными эпитетами.

Судите сами. Всякий «сброд», как называют русские авторы армию Лжедмитрия II, под командованием Романа Ружинского 11–12 мая 1608 года разбил под Болховом 30-тысячное московское войско князей Дмитрия Шуйского и Василия Голицына. Между тем, численность «сброда» была на 5 тысяч человек меньше московского войска, в составе которой имелись наемники – немцы и поляки. 4 июня тот же «сброд» под командованием того же Романа Ружинского снова разбил

московское войско в сражении на реке Ходынке. В июле Ружинский со своим «сбродом» разгромил отряды Шуйского, стоявшие на Тверской дороге.

> «Ружинские – литовский княжеский род, относимый И. Вульфом к потомкам князей Пинско-Туровских. Родоначальником считается князь Иван Ружинский, живший во второй половине XV века. Ружинские, претендуя на происхождение от Наримунта Гедиминовича, использовали придаток Наримунтовичи».

Последнее подтверждает текст заявления, которое послало войско Лжедмитрия II королю Речи Посполитой:

> «Светлейший король, милостивейший государь! Наши братья-рыцари с их гетманом, князем Романом Наримунтовичем Ружинским...»

Украинский историк Н.М. Яковенко относит род Ружинских к Гедеминовичам – Наримунтовичам. Представители этого рода занимали высокие посты в ВКЛ, а затем и в Речи Посполитой, когда Украина отошла к Польше. Они имели крупные земельные владения. Например, владения самого Романа Ружинского состояли из Ружинской, Поволочской и Котеленской волостей.

Фамилия Меховецкого, первого гетмана Лжедмитрия II, вероятно произошла от деревни Меховщина (в Светлогорском районе Беларуси), находящейся недалеко от Пропойска (Славгорода), где располагался самозванец до похода на Москву.

О том, что Меховецкий не был поляком, говорит еще один факт. Лжедмитрий II поддерживал с Меховецким достаточно близкие, даже дружеские отношения. Считается, что под влиянием Лжедмитрия II последнего и избрали гетманом. Но также известно, что Лжедмитрий II, в отличие от Лжедмитрия I, польского языка не знал. Как же они общались? Возможно ли, чтобы «поляк» Меховецкий знал старобеларуский или русский язык!?

Много ли современных поляков знает русский, а тем более беларуский язык? Что тогда говорить о временах, когда даже беларуские шляхтичи относились к родному языку прохладно. Напомню, что свои воспоминания литвин Осип Будило (мозырский хорунжий) написал на польском языке.

Жолнер легкой кавалерии из ВКЛ

Канцлером у Лжедмитрия II был Валавский, маршалком – Харлинский, конюшим – князь Адам Вишневецкий.

Адам Александрович Вишневецкий (умерший в 1622 г.) – представитель литвинского рода герба «Корибут». Князья Вишневецкие назывались также Корибут-Вишневецкими, по происхождению от Корибута-Дмитрия, сына великого князя Литовского Альгерда.

Правнук Корибута-Дмитрия, Солтан, основавший замок Вишневец в Украине, первым стал именовать себя князем Корибут-Вишневецким. У брата Солтана – Василия был сын Михаил, который и стал родоначальником князей Вишневецких.

В Беларуси есть три селения с такими же названиями, что у родового имения Вишневецких в Украине (Вишневец) – в Гродненском, Столбцовском и Шарковщинском районах. Несомненно, что от названия одного из них и произошло название украинского Вишневца. Вишневецкие имели огромные земельные владения в Украине и Беларуси, в том числе Брагинскую волость (с 1509 года). Сам Адам Александрович владел городом Брагин, где в 1601–03 гг. жил Лжедмитрий I.

Фамилия канцлера Валавского произошла от названия селения Валавск недалеко от Мозыря, упомянутого в переписи войск ВКЛ 1567 года. Валавский привел к Лжедмитрию II 500 конных и 400 пеших воинов. Неужели Валавский нанял в Польше 900 человек, а потом вернулся с ними на восток, к границе с Московией? Наверняка его полк состоял из литвинов, набранных в Гомельской области.

Фамилия Харлинский, скорее всего, произошла от названия деревни Харлинцы в Витебской области (неподалеку от Чареи). В переписи 1567 года, в разделе Волынь, сказано: «Миколай Харлинский, сам служил милости пану воеводе Виленскому, 5 коней». То есть, Николай Харлинский имел земельный надел на Волыни, но служил воеводе Виленскому. Известно, что земельные наделы в ВКЛ, в том числе в Украине, поляки иметь не могли. Добавлю, что Н.М. Яковенко относит род Харлинских к пришлым в Украине. Значит, Харлинские – тоже литвины.

Фамилия Харлинский имеется в списке «Распределение выплат ротмистрам ВКЛ согласно Лебедевского сейма 1567 года» вместе с другими литвинскими ротмистрами: князем Константином Вишневецким, князем Янушем Збаражским, князем Романом Сангушко и другими. Ян Харлинский был маршалком Лжедмитрия II, а Ироним Харлинский после начала военных действий Речи Посполитой против Москвы привел отряд казаков в войско короля под Смоленск:

> «Харлинский пришел в лагерь с Украины с 2000 казаками и представил свое войско королю».

Вот фамилии командиров полков (хорунжих) войска Лжедмитрия II: 1. Осип Будило; 2. Эразм Стравинский; 3. Адам Ружинский; 4. Александр Лисовский; 5. Януш Тышкевич; 6. Александр Зборовский; 7. Микулинский; 8. Бартош Руцкий; 9. Вилямовский; 10. Вильковский; 11. Глуховский; 12. Иван Заруцкий; 13. Велегловский; 14. Хреслинский; 15. Андрей Млоцкий.

О литвинах Осипе Будиле и Эразме Стравинском сказано выше. Адам Ружинский – родной племянник Романа Ружинского. Значит, тоже литвин.

Александр Лисовский (ок. 1575–1616) во главе донских казаков совершал рейды по территории Московии, захватил Рязань, Суздаль, Коломну и другие города. Как уже сказано выше, православные казаки, люто ненавидевшие католиков-поляков, никогда не подчинились бы командиру из числа последних. Вероятно, что фамилия Лисовский произошла от названия деревни Ли-

сово в Наровлянском районе Беларуси. Попутно отмечу, что деревня Лисово Наровлянского района расположена довольно близко как от Мозыря, так и от Брагина, который тогда принадлежал Адаму Вишневецкому — конюшему Лжедмитрия II.

Януш Тышкевич (умер в 1631 г.) — брестский воевода, принадлежал к литвинскому магнатскому (с 1569 года графскому) роду герба «Лелива». Основатель рода Каленик Мишко получил в 1437 году от великого князя ВКЛ Свидригайло деревни в Житомирском и Овруцком поветах. От его сына Тышки и происходят Тышкевичи. Со временем Тышкевичи получили земельные угодья и в Беларуси. Так, в переписи войска ВКЛ 1567 года за Юрием Васильевичем Тышкевичем, воеводой Брестским, числятся следующие имения: Буяки, Вистич, Карницы (Брестский повет); Логойск (Минский повет); Лудина, Устилуга, Чернейково (Волынь); Нестанишки, двор Страчский, Троклиники (Виленский повет). С 1588 года Януш Тышкевич был старостой Брацлава. Он пришел к Лжедмитрию II в январе 1608 года вместе с Тупальским, имея 400 человек конницы. Тупальский стал ротмистром в хоругве Адама Ружинского.

Гетман Ян Карл Ходкевич (1560—1621)

Александр Зборовский относится к шляхетскому роду Зборовских, герба «Ястрженбец». Считается, что это польский род. Но родовое имение Зборовских — местечко Зборов — находится в Тернопольской области. Как известно, с 1340 года Волынь стала частью ВКЛ. В 1349 году Польша захватила Галицкие земли, а в 1377 году — Западную Волынь. С того времени Зборов входит в состав Польского королевства, именно поэтому Зборовских и считают поляками.

Однако «поляк» Мартин Зборовский (умер в 1565 г.), каштелян Кракова, бился под Оршей (1514 г.) и Опочкой на стороне ВКЛ. И почему-то Самуила Зборовского, отца Александра, в 1582 году запорожские казаки избрали своим гетманом! Уж запорожцы не избрали бы поляка своим командиром ни за что на свете! Поэтому не вызывает сомнений то, что Зборовские по своему происхождению — этнические литвины. Возможно, что и название местечка Зборов повторяет название беларуского села Зборов под Рогачевым.

И еще один факт. Командование московских войск, докладывая о событиях 16 февраля 1610 года под Торжком, назвало Александра Зборовского литвином:

«Под Торшком литовского полковника Александра Зборовского побили».

В том же рапорте сказано о хорунжем Микулинском:

«И под Колязин приходили литовской полковник Микулинский».

Микулинский вначале был ротмистром в войске Яна Сапеги, а затем стал хорунжим. Его фамилия произошла от названия деревни Микулино (есть такие в Вилейском и Полоцком районах Беларуси).

Полковник Бартош Руцкий — выходец из литвинского шляхетского рода герба «Вужака». Его родовое имение деревня Рута (или Варута) в Новогрудском

районе – бывшее имение великого князя Миндовга. Имя Бартош переводится с балтского как «топор».

Фамилия Вилямовский (или Велемовский) есть в переписи войска ВКЛ 1567 года:

> «Ян Велемовский сам при короли его милости, з ыменья своего з Свяцка в повете Городенском».

То есть, имение Яна Велемовского находилось в Гродненском повете. Если бы он был поляком, то имения в ВКЛ не получил.

Деревня Вильково Бельского повета, от названия которой произошла фамилия полковника Вильковского, встречается в переписи войска ВКЛ 1565 года. Фамилия Вильковский имеет корень «вилк» (волк) и формант «-овский».

Деревня Глуховка Добрушского района, от названия которой произошла фамилия хорунжего Глуховского, находится недалеко от Брагина и Мозыря. Правда, в Волынской области тоже есть село Глухи. Но Н.М. Яковенко в своей книге приводит список панов и бояр-шляхты Киевщины, Брацлавщины и Волыни до середины XVI века. Фамилия «Глуховский» в этом списке отсутствует.

Иван Мартынович Заруцкий – предводитель казачьих отрядов, родом из Тернополя, один из наиболее известных участников «Смуты». Он тоже никак не мог быть поляком. Кстати, по вероисповеданию Заруцкий являлся лютеранином*.

Возможно, что поляками были хорунжие Велегловский и Андрей Млоцкий, так как их фамилии звучат на польский манер. Но надо учесть тот факт, что к началу XVII века польский язык достаточно широко распространился среди шляхты ВКЛ. Фамилия Молотовский – от названия деревни Молотовки Белыничского района – вполне могла превратиться в Млоцкий.

Таким образом, из 15 хорунжих Лжедмитрия II как минимум 13 (87 %), а также его гетманы, канцлер, конюший и маршалок не были поляками. Все или почти все они литвины (беларусы) с территории либо современной Беларуси, либо Украины.

* * *

Посмотрим теперь на ротмистров. В хоругви А. Ружинского ротмистрами были Рудинский (Рудницкий), Гайовской, Тупальский, Казимирский, Македонский.

Перечисленные фамилии могли произойти от названий следующих родовых имений: Рудинский (Рудницкий) – от села Рудня в Винницкой области; Тупальский – от села Тупальцы в Житомирской области; Македонский – от села Македоны.

А вот деревня, от которой могла произойти фамилия Казимирский, в Украине отсутствует. Но известно, что Рудинский, Казимирский и Хреслинский прибыли со своими ротами к Лжедмитрию II вместе. Поэтому можно предположить, что они были из одной местности.

Деревни под названием Рудня разбросаны по всей территории Беларуси. То же касается деревень с названиями Казимировка, Казимирово, Казимировская Буда. Недалеко от деревни Кресла Зельвенского района, от названия которой произошла фамилия Хреслинский, находятся деревня Рудня Свислочского рай-

* Князь И.Н. Одоевский, сражавшийся с ним под Воронежом летом 1613 года, называл Заруцкого «черкашениным люторские веры», т.е. украинским казаком лютеранского вероисповедания.

она и деревня Казимировка Гродненского района. Вероятно, отсюда произошли фамилии Рудинский и Казимирский.

Фамилия Тупальский встречается в переписи войска ВКЛ 1567 года: «Миколай Тупальский служил воеводе Виленскому». Запись относится к Новогрудскому повету. А в современном Кореличском районе, территория которого раньше входила в Новогрудский повет, имеется деревня Тупалы. Поэтому эти три ротмистра и пришли вместе.

Род Македонских в Украине Н.М. Яковенко относит к переселенцам из Сербии.

У хорунжего Александра Зборовского ротмистрами были: Будзановский, Вжешч, Гаиовский, Калина, Калиновский, Кость, Пшонка, Трояновский, Самуил Тышкевич.

Станислав Жолкевский (1547—1620)

Фамилия Будзановский, возможно, произошла от названия деревни Бузуны Ивенецкого района.

Фамилия ротмистра Вжешча очень похожа на польскую. Но если посмотреть на фамилии шляхты Мельницкого повета ВКЛ, то подобные фамилии можно встретить довольно часто: Ян Врешч, Якуб Врешч, Мартин Волж, Павел Вшол, Щасный Вросек, Войтех Ных и т.д.

Фамилия Гайовской происходит от слова «гай» или «гаи». Деревня Гаи имеется в Верхнедвинском районе Витебской области. Деревни с названием Гай разбросаны по всей территории Беларуси.

В переписи войск ВКЛ 1567 года упоминается имение Калиново Бельского повета Подляшского воеводства, от которого могли произойти фамилии ротмистров Калины и Калиновского. Там же приведены фамилии жителей этого имения: Ян Калиновский и Грегор Калиновский.

На территории современной Беларуси есть деревня Калиново недалеко от Витебска, деревни Калиновое в Ельском и в Миорском районе. Первое село соседствует с Валавском, а второе расположено недалеко от деревни Микулино Полоцкого района, от названия которого могла образоваться фамилия полковника Микулинского.

В Ивьевском районе находится деревня Кости, от названия которой, возможно, произошла фамилия ротмистра Кость. Кроме того, в переписи войска ВКЛ 1567 года упоминается Рафал Кость – шляхтич Берестейского (т.е. Брестского) повета.

Литвинский шляхтич Станислав Пшонка встречается в списке военных людей, служивших в начале XVI века великому князю Литовскому Александру. Поэтому можно предположить, что Пшонка Станислав и ротмистр Пшонка – из одного шляхетского рода. Фамилия Пшонка никак не может быть польской. В польском языке «пшонка» – «kasza jaglana». В польском языке слово «пшонка» не имеет никакого значения.

Фамилия ротмистра Трояновского, возможно, происходит от названия имения Трояны Бельского повета Подляшского воеводства. В переписи войска 1567 года упомянуты шляхтич Дрогичинского повета Валентин Трояновский и

рота Трояновского в Бельском повете. Деревни с такими названиями есть и на территории Беларуси – Трояново в Копыльском районе, Трояны в Бешенковичском районе, Трояновка в Борисовском районе.

Самуил Тышкевич был из литвинского рода Тышкевичей, о котором сказано выше. Он привел Лжедмитрию II 2 ноября 1607 года 700 конников и 200 пехотинцев. Сомнительно, чтобы это были поляки. Зачем им командир литвин?

Та же картина наблюдается в отношении ротмистров других хорунжих Лжедмитрия II. Все или почти все они – не поляки.

* * *

Существует еще один миф. Многие российские историки считают, что Москву в 1610 году «захватили» войска под руководством «поляка» Жолкевского, который затем передал командование «поляку» Гонсевскому. А если гетман Жолкевский был «поляком», то и войсками он командовал польскими.

Но, как сказано выше, корпус Жолкевского, пришедший к Москве, наполовину состоял из московитов, присоединившихся к нему после битвы под Клушином. Поляков в нем было не более шести процентов, скорее всего еще меньше. И Жолкевский вовсе не захватывал Москву. Он вошел туда по приглашению временного боярского правительства Московского царства.

Был ли Жолкевский поляком? Поляки говорят «да», но украинцы считают Жолкевского украинцем, ведь родился он в деревне Туринка под Жолквой (ныне Нестеров), недалеко от Тернополя.

Гонсевских, или, вернее, Госевских (Gosiewski) обычно считают польским шляхетским родом герба «Слеповрон». Ян Гонсевский появился в Литве в конце XVI века. Его сын Александр (ок. 1575–1639) с 1596 года был регентом государственной канцелярии при канцлере ВКЛ Льве Сапеге. В 1600 году он получил во владение приграничное Велижское староство.

Но поляк не мог занимать в ВКЛ должности на государственной службе. Именно Лев Сапега был ярым противником того, чтобы поляки занимали здесь государственные посты или имели земельные владения, что и закрепил Статут ВКЛ 1588 года, составленный под его руководством.

Фамилия Гонсевских происходит от названия деревни Гансовка в Подляшском воеводстве ВКЛ. Предки литвина Александра Гонсевского служили королю Польши, что было обыденным в те времена. Отец Александра, получив служебное назначение в ВКЛ – как литвин, переехал с семьей в Литву, где его сын Александр, тоже литвин, стал старостой Велижа и с полком велижцев (не поляков, это было территориальное формирование) участвовал в завоевании города Белая, а затем появился в Москве.

* * *

Как видим, подавляющее большинство командиров войска Лжедмитрия II (не менее 90 %) были литвинами (беларусами).

Так что 4 ноября в России празднуют победу не над поляками, а над литвинами – предками беларусов. Все мы должны помнить об этом.

ДВА ГЕРОЯ ОДНОГО ВРЕМЕНИ

Нина Марчук

Во все времена соседи стремились захватить наши земли. Поэтому в истории Беларуси известно множество войн. Нашим предкам приходилось отбиваться от нападений врагов со всех сторон. Среди воинов прошлых времен было немало героев. В этом кратком очерке мы расскажем о двух из них, сражавшихся в XVII веке – Самуэле Аскерко и Самуэле Кмитеце.

* * *

Шляхетский род Аскерко происходил от полоцких мещан. В XV веке они приобрели земские имения и таким образом получили статус шляхтичей герба «Мурделия».

Григорий Аскерко в 60-е и 70-е годы XVI века был ротмистром в королевском войске, сначала у Сигизмунда II Августа, а затем у Стефана Батория. В январе 1564 года он участвовал в сражении с московитами на реке Улла*.

Другой представитель рода – Михно Аскерко (возможно, брат Григория) примерно в 1562 году продал свой фольварк возле Ушач, что неподалеку от Полоцка, и переехал с семьей в имение Чалюшевичи под Мозырем (деревня с таким названием существует и сегодня). Это полесская глубинка. Здесь у него родились двое сыновей – Федор и Петр (будущий отец Самуэля).

Именно в Чалюшевичах около 1599 года родился Самуэль Аскерко (известно, что у него был еще и брат Стефан, но сведения о биографии брата не сохранились). Первоначальное образование он получил дома – родители, кроме родного беларуского, хорошо владели польским языком, отец немного знал латынь.

В возрасте примерно 17 лет его отправили в Краков, на учебу в иезуитскую академию (позже она была преобразована в Ягеллонский университет). Там Самуэль учился на философском факультете. Программа обучения включала все гуманитарные и естественные науки того времени: теологию, метафизику (философию), географию, астрономию, физику (механику), математику, логику, поэтику и риторику, а также древние и новые языки (греческий, латинский, немецкий, французский).

* * *

Мы не знаем, завершил ли юноша полный курс обучения. Достоверно известно лишь то, что через несколько лет он поступил на службу в войско великого воина, наивысшего гетмана ВКЛ Яна Карла Ходкевича**. В сентябре – октябре 1621 года Самуэль участвовал в знаменитом сражении под Хоти-

---

* В этом сражении наивысший гетман ВКЛ Николай Радзивилл «Рыжий» с 6-тысячным отрядом разбил 17-тысячное войско князя Петра Шуйского. – *Прим. ред.*

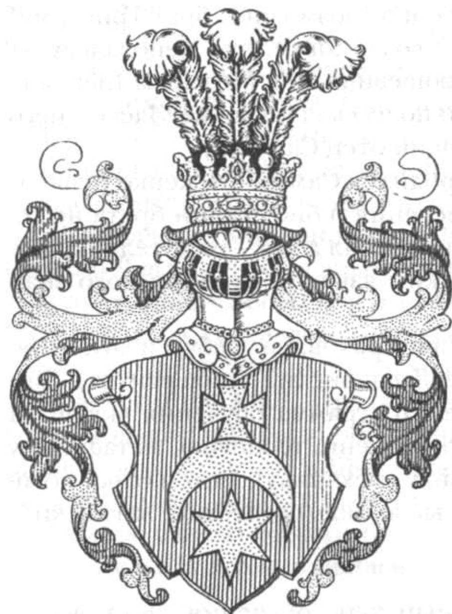
** Ян Карл Ходкевич (1560–1621) – гетман польный ВКЛ в 1601–05, наивысший гетман ВКЛ с 1605. Прославился своими победами над шведами при Кокенгаузе (1601), Дерпте (1603), Белом Камне (1604) и Кирхгольме (1605), а также удачными действиями против московитов в 1612 году. – *Прим. ред.*

ным на Днестре. Ныне это Черновицкая область Украины, а тогда – территория ВКЛ.

Турецкий султан Осман II в 1620 году начал войну против Речи Посполитой. Он разбил возле села Цецора польское коронное войско гетмана Станислава Жолкевского (при этом гетман погиб, а его сын Иван попал в плен к туркам), затем через Молдавию вышел со 120-тысячным войском к переправе через Днестр в районе Хотинского замка. Но путь ему преградил гетман Ходкевич, построивший возле замка укрепленный полевой лагерь. В лагере засело объединенное войско ВКЛ и Короны (26 тысяч человек), а также запорожских казаков гетмана Петра Сагайдачного (примерно 20 тысяч). Турки и крымские татары чуть ли не ежедневно штурмовали полевые укрепления, однако каждый раз литвины, поляки и казаки отбрасывали их назад. Кроме того, они переходили в контратаки, совершали дерзкие вылазки.

24 сентября гетман Ходкевич умер (он давно страдал от болезни почек). Султану это не помогло. Верховное командование принял коронный гетман Станислав Любомирский. Потеряв две трети своей армии (около 80 тысяч человек), султан Осман вынужден был 9 октября заключить мир на условиях, выгодных для Речи Посполитой.

* * *

Герб «Мурделио»

С 1617 года около 22 лет шла война между Швецией и Речью Посполитой. Ее дважды останавливали перемирия (в 1617–1620 и 1621–1625 гг.). Летом 1626 года, когда истек срок второго перемирия, шведский король Густав II Адольф с 15-тысячным войском высадился в Пиллау (ныне Балтийск) и захватил северную часть Восточной Пруссии – вассала Польского королевства. Успешно держал оборону только хорошо укрепленный Данциг (ныне польский Гданьск). В ноябре 1626 года объединенное польско-литовское войско под командованием коронного гетмана Александра Конецпольского выступило на помощь Данцигу. Оно взяло штурмом крепость Пак на Висле (западнее Данцига), затем разбило крупный отряд немецких наемников, шедший к шведам.

Но в конце мая 1627 года Конецпольский потерпел поражение от Густава Адольфа в битве при Диршау (ныне польский Тчев). Шведского короля ранил в этом бою литвинский гусар, имя которого в документах не упоминается. Вполне возможно, что это был Самуэль Аскерко, командовавший хоругвью «крылатых гусар»*.

* Такие крылья были только у гусар в Речи Посполитой и только в XVII веке. Они надевали их тогда, когда шли в бой – для устрашения врагов. Сегодня мы сказали бы о психологической атаке.

В 1628 году шведы, получившие значительные подкрепления, оттеснили силы гетмана Конецпольского далеко на юг. Тогда он разделил свое войско на небольшие отряды и повел войну в тылу врага партизанскими методами. Лихие конники внезапно атаковали шведские обозы на проселочных дорогах, небольшие гарнизоны в имениях и деревнях, и столь же внезапно исчезали.

В 1629 году германский император Фердинанд II отправил на помощь Конецпольскому 7-тысячный конный корпус. С его помощью гетман нанес поражение шведам в знаменитом кавалерийском сражении при Штуме (в нижнем течении Вислы). Шведский король получил в этом сражении второе ранение.

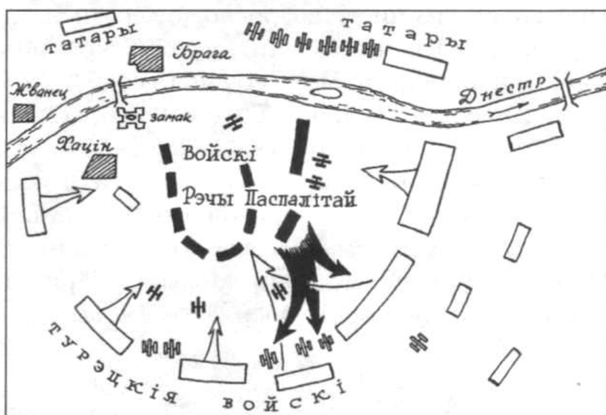

Схема сражения под Хотиным в 1621 г.

Самуэль Аскерко со своими гусарами участвовал во всех битвах и многих партизанских рейдах той войны.

Наконец, 16 сентября 1629 года в местечке Альтмарк (ныне Старый Тарг возле Мальборка в Польше) было заключено перемирие сроком на 6 лет, превратившееся в мир. Война со Швецией окончилась. В начале 1631 года Самуэль вернулся домой. На следующий год он занял должность отца – писаря земского в Мозыре, а в 1633 году стал мозырским войтом (по нынешним понятиям – мэром).

В 1638 году Самуэль взял в жены дочь Романа и Елены Филиповичей (имя его супруги не сохранилось), а в приданое за ней имения Филиповичи и Копаткевичи в Мозырском повете (Копаткевичи существуют по сей день). Потом купил еще три имения: Венужу, Кайсек и Хвойно. Но детей у него не было.

* * *

В 1648 году, несмотря на солидный возраст (около 50 лет), Самуэлю пришлось снова идти на войну. Взбунтовались украинские казаки. Фактически главный лозунг их восстания – «сделайте нас шляхтой». Они требовали от нового короля Яна II Казимира (царствовал в 1648–68 гг.) и от сейма Речи Посполитой зачислить их всех в так называемый «реестр» – сравнительно небольшую привилегированную группу профессиональных военнослужащих. Но власти Республики ответили категорическим отказом. Тогда бунтовщики объединились с крымскими татарами, а их предводителем стал сотник Богдан Хмельницкий.

В результате началась крайне жестокая война на истребление между казаками и примкнувшими к ним крестьянами – с одной стороны, шляхтой и горожанами – с другой. Украинцы называют ее «хмельничиной» – по фамилии казацкого предводителя. А польский писатель Генрик Сенкевич в 1884 году выпустил роман «Потоп», посвященный борьбе с казаками. Это название более точно выражает суть событий, происходивших в середине XVII века. Тогда на территории Великого Княжества Литовского и Польского королевства челове-

ческая кровь лилась реками, заливая всю Речь Посполитую подобно кровавому потопу. Кстати, Самуэль Аскерко послужил прототипом для одного из персонажей этого романа...

Против повстанцев, безжалостно истреблявших в Украине католиков, униатов и евреев выступило шляхетское ополчение во главе с князем Иеремией Вишневецким (1612–1651). Князь Иеремия («Ярема») прославился героической обороной Замостья, отчаянными конными рейдами и беспощадным истреблением бунтовщиков. Поначалу у него были только две тысячи всадников. Постепенно их число возросло до десяти тысяч.

Великое Княжество Литовское сохраняло нейтралитет в войне между казаками и поляками. Но летом 1648 года Хмельницкий послал на юг Литвы отряды Гаркуши, Гладкого, Головацкого, Голоты, Кривошапки, Небабы, Хвесько и других «полковников». Он поставил им задачу: поднять на бунт местных крестьян и городские «низы», захватить южную часть ВКЛ и присоединить ее к землям Войска Запорожского. В течение лета – осени 1648 года казаки и примкнувшие к ним бунтовщики захватили Гомель, Лоев, Чечерск, Брагин, Пинск, Бобруйск, Жлобин, Мозырь, Чериков, Туров, Петриков, Речицу, ряд других городов и местечек на юге Литвы.

Крылатые гусары войска ВКЛ

Казаки и повстанцы повсюду убивали шляхту, не щадя ни женщин, ни детей, истребляли католических и униатских священников, разоряли имения, храмы и монастыри, грабили состоятельную часть мещанства... Спасаясь от грабежей, насилия и убийств шляхта, духовенство и зажиточные горожане бежали в глубь страны. Власти Литвы, обеспокоенные вторжением казаков и восстанием черни, созвали «посполитное рушение» (шляхетское ополчение).

Осенью 1648 года сейм поручил общее командование ополчением, выступившим против бунтовщиков, польному гетману Янушу Радзивиллу (1612–1655). Среди тех, кто встал под его знамена, был и Самуэль Аскерко с отрядом шляхты Мозырского повета.

Уже в октябре 1648 года войска Радзивилла освободили Пинск, в ноябре – Чериков, в декабре – Брест и Чечерск. В январе 1649 года они выбили бунтовщиков и казаков из Турова, Петрикова и Мозыря, в феврале – из Бобруйска. До конца июня Радзивилл и подчиненные ему командиры хоругвей очистили от «черкас» (казаков) и «гультяев» (мятежников) почти всю территорию по обоим берегам Днепра, Припяти, Друти. В июле 1649 года он занял Речицу, в августе разгромил казаков и повстанцев в сражении под Лоевом. Казацко-крестьянское войско потеряло в этом двухдневном сражении около 11 тысяч человек убитыми и утонувшими.

Летом 1651 года, после короткого Зборовского мира, казаки по приказу Хмельницкого начали новое наступление в южные земли Литвы. Ими командовали «полковники» Небаба, Забелло, Литвиненко, Окша, Подобайло, Попович. Но 6 июля Радзивилл вторично разбил казаков под Лоевом. Они потеряли убитыми свыше 7 тысяч человек.

От Речицы гетман Радзивилл по правому берегу Днепра пошел на Киев и 4 августа занял город, где жестоко расправился с бунтовщиками.

Переговоры Януша Радзивилла с казацким полковником Степаном Подбайло (худ. А. Ван Вестерфельд, 1651 г.)

Чуть раньше, в июне 1651 года трехдневном сражении у Берестечко, что на Волыни, шляхетское войско во главе с князем Вишневецким нанесло сокрушительное поражение повстанцам. Они потеряли убитыми более 30 тысяч человек!

Наконец 18 сентября 1651 года стороны заключили в Белой Церкви мирный договор. По его условиям численность реестровых казаков была увеличена с 6 до 20 тысяч. Король Ян II Казимир официально признал Богдана Хмельницкого гетманом украинского казачества*. Но главной своей цели – создать собственное государство на землях всей Украины и южной Литвы казаки не достигли. Не удалось им овладеть и правобережной Украиной.

После заключения мира Самуэль вернулся домой в чине полковника Пятигорской хоругви войска ВКЛ**. В 1653 году земляки избрали его мозырским земским судьей.

* Гетманство длилось не так уж долго – шесть лет. Пан Богдан умер 27 июля 1657 года от цирроза печени. Он слишком любил «горилку». – *Прим. ред.*

** Пятигорцы – конные подразделения в войске ВКЛ. Появились около 1560 г., первоначально формировались из кабардинцев, отсюда название (Пятигорье, или Бештау – область между реками Терек и Кубань). – *Прим. ред.*

* * *

Наш герой пробыл дома около трех лет. Но весной 1654 года началось вторжение в Литву (Беларусь) полчищ московского царя Алексея Михайловича (отца Петра I) и казаков гетмана Богдана Хмельницкого. Вскоре пали Рославль, Полоцк, Витебск, Глубокое, Могилев, Копысь, Мстиславль... А на Полесье украинские казаки захватили Гомель.

В осаде находились Смоленск, Дубровно, Старый Быхов. Последний принадлежал витебскому воеводе Павлу Яну Сапеге (1609–1665). Заслуженный ветеран снова отправился спасать Отчизну. Со своей хоругвой он прибыл в Старый Быхов.

С. Аскерко в зрелом возрасте (худ. Н. Долженкова)

Потом Самуэль со своими конниками охранял короля Яна II Казимира. За это после войны король наградил его имениями, конфискованными у предателей, перешедших на сторону московитов.

Осенью 1656 года Самуэль выбивал московитов из Мирского и Несвижского замков. В районе Бреста впервые был ранен – в ногу. Вылечился, снова встал в строй. Его гусары вместе с ополченцами Дениса Мурашко стали первыми партизанами, действовавшими на беларуской земле.

В январе 1660 года отряд Аскерко (около 2,5 тысяч конников) занял Давыдгородок. В феврале потерпел поражение от казаков под Зубаревичами возле Глуска (недалеко от нынешних Старых Дорог) и отошел к Слуцку. С марта он стоял в лесу в районе Несвижа, откуда действовал на коммуникациях войска князя Ивана Хованского, осаждавшего Ляховичи.

В начале лета 1660 года на помощь литовскому войску Павла Яна Сапеги пришел польский коронный гетман Стефан Чарнецкий. Вместе они 28 июня разбили войско Хованского в битве на реке Полонке. Начиная с этой победы произошел перелом в войне.

Затем Самуэль Аскерко отправился в Пинский повет, где воевал с отрядами казаков. После этого блокировал гарнизон московитов в Старом Быхове.

Войну Самуэль закончил осенью 1660 года в Чаусах, откуда он выбил отряд казацкого полковника Ивана Нечая. Был ему уже 61 год. Опять был ранен, но все же смог преклонить колени в костёле в Чаусах. Кстати, этот костёл начал действовать на пасху 1654 года, незадолго до московского вторжения (царские власти разрушили его в 1832 году).

Старый полковник вернулся домой, к жене. Выдал замуж племянницу. Дал ей в приданое часть имения в Чалюшевичах (сохранилась дарственная грамота от 23 мая 1663 года).

В 1666 году шляхта Мозырского повета избрала Самуэля послом Сейма и депутатом трибунала Великого Княжества Литовского. В том же году он участвовал в подавлении бунта крестьян Туровского повета.

В 1671 году пан Самуэль пожертвовал деньги на строительство в Слуцке католического монастыря бернардинцев – в память о своих погибших товарищах-гусарах (есть письменное свидетельство об этом)*.

Умер Самуэль Аскерко то ли в 1673, то ли в 1675 году. Где он похоронен – неизвестно. Скорее всего на Мозырщине, возле родового имения Чалюшевичи.

Шляхетский род Аскерко и после Самуэля подарил своей Отчизне немало выдающихся людей. Наиболее известны среди них Ян Николай (1735–1796) – участник восстания Тадеуша Костюшко (1794 г.) и трое участников восстания 1863–64 годов: Болеслав (1822–1896), Александр (1830–1911) и Михаил (1836–1864).

САМУЭЛЬ КМИТЕЦ

Пока король Речи Посполитой Владислав IV (1632–1648 гг.) воевал с Московией, строил военный флот, искал пути примирения между католиками и православными, в имении Бабиничи под Оршей подрастал юный шляхтич Самуэль Кмитец (или Кмитич).

Фамилия типа «Кмитец» или «Кмитич» – не простая. Слово «кмет» (или «кмець») в Средние века у народов славянского языка обозначало воина-дружинника (в Киевском княжестве), свободного крестьянина (в ВКЛ), сельского старосту (в Болгарии, Сербии), должностное лицо (в Боснии, Чехии).

Прадед Самуэля участвовал в Полоцкой войне 1563–1579 гг. против московитов. Король Стефан Баторий за военные заслуги даровал ему шляхетство (герб «Радич») и фольварк Бабиничи под Оршей. Дед был старостой в Орше при воеводе Филоне. Отец держал скот, разводил лошадей, имел кожевенную мастерскую и ветряную мельницу. Самуэль родился в Бабиничах в 1630 году.

В возрасте 14–15 лет отец определил его на учебу в иезуитский коллегиум при костёле Св. Михаила Архангела в Орше**. Здесь преподавали грамматику, поэтику, риторику, математику и музыку. Был свой театр. При костеле имелись аптека, ботанический и фруктовый сад.

К тому времени отец научил сына уверенно держаться в седле, понимать лошадей, мастерски владеть саблей и дзидой (копьем).

Когда Самуэлю исполнилось 18 лет, началось восстание украинских казаков, а затем их вторжение в земли ВКЛ. Но до Орши казаки не дошли. Как уже сказано выше, «хмельничина» официально завершилась в 1651 году Белоцерковским миром. Однако этот мир длился недолго. В 1654 году казацкая верхушка («старшина») заключила в Переяславле договор с московским царем, по которому запорожское войско признало себя его слугами. Официальный переход каза-

* Через 160 лет, в 1832 году, царские власти превратили монастырь в казарму.

** Этот костёл построили в 1604–10 гг. на средства короля Сигизмунда III Вазы, канцлера Льва Сапеги и ксендза Лаврентия. В 1680 г. король Ян Собеский расширил здание и подарил еще земли. Иезуитский коллегиум действовал в Орше с 1612 по 1820 год, с перерывами в 1655–64 гг. из-за оккупации московитов и в 1680–83 гг. из-за сильного пожара, уничтожившего все постройки.

ков – подданных Короны (т.е. Польского королевства) – на сторону Москвы неизбежно вел к войне между Речью Посполитой и Московией.

И она началась 16 апреля 1654 года, когда царь Алексей Михайлович со 100-тысячным войском двинулся к Смоленску. А Хмельницкий послал 20 тысяч казаков в район Гомеля. В это время войско ВКЛ насчитывало не более 12 тысяч человек. И у него не было главнокомандующего (гетмана). Только в начале июня король Ян II Казимир вручил гетманскую булаву Янушу Радзивиллу.

* * *

Самуэль Кмитец вступил в войско Януша Радзивилла с чином поручика. Свой первый бой он провел 24 августа под Шепелевичами. Здесь полегло более тысячи литвинов, был ранен гетман. Войско разбежалось по окрестным лесам и болотам. Самуэль с небольшим отрядом конников доставил гетмана Радзивилла в Минск. За Минском, в Смиловичах, собрались около четырех тысяч конных и пеших воинов – все, что осталось от прежних 12 тысяч.

С. Кмитец в молодости (худ. Н. Долженкова)

В конце 1654 года поручик Самуэль Кмитец сформировал из оршанских, витебских и полоцких шляхтичей конную хоругвь, с которой прибыл в войско князя Богуслава Радзивилла (1620–1669). С ней он участвовал в зимнем контрнаступлении войск ВКЛ под командованием Януша Радзивилла и Александра Гонсевского, совершал смелые рейды по тылам московских захватчиков.

Самуэль в конце 1654 или в начале 1655 года влюбился в родственницу Радзивиллов из шляхетского рода Билевичей. Точно ее имя мы не знаем – то ли Екатерина, то ли Ольга. Билевичи принадлежали к числу противников союза со Швецией. Поэтому юная паненка презрительно отвернулась от Самуэля, служившего у Богуслава Радзивилла.

Тем временем пал Смоленск (23 сентября 1654 г.). Во всей восточной Литве только Старый Быхов, принадлежавший Павлу Яну Сапеге, успешно отбивал атаки московитов.

Весной 1655 года московиты продолжили наступление. Один за другим пали Шклов, Борисов, Минск... 8 августа пришел страшный час для нашей древней столицы Вильни. Вот как описал ее гибель виленский епископ Тышкевич:

«Не было литости ни возрасту, ни полу. Вся земля была красной от крови. Убивали всех. Молодых женщин отводили в свой лагерь, старых и детей бросали в огонь. Грабили всё, особенно храмы. Снимали внутреннее убранство, колокола, разрывали могилы в поисках ценностей. Разграбили склеп фундатора храма Льва Сапеги и его семьи. Захватили крест великого князя Витовта, кубок

Ягайлы. Виленскую православную церковь сожгли до основания. Вильня горела 17 дней!»

В это время к царю в лагерь под Вильней приехал посол от курфюстра Бранденбургского. В своих записках он отметил:

«Все города и села сожжены, горой лежит убитое население. Даже животных нигде не видно».

Дикой азиатской жестокостью был отмечен весь путь московского войска. Оно ревностно исполняло царский указ. Указ гласил:

«Идти с войной разными дорогами, чтобы занять наибольше земли. Города опустошать, палить села, хлеб, сено, уничтожать все хозяйство».

Московиты разграбили и сожгли Кореличи, Мир, Копыль, Слоним, Жировичи, Гродно... Устояли только Ляховичи и замок в Несвиже, где засел Михаил Радзивилл.

На Полесье бесчинствовали казаки атамана Ивана Золотаренко. Их жертвами стали Береза, Пинск, Кобрин.

Военно-политическая ситуация в обеих частях Речи Посполитой была крайне тяжелой. В июле 1655 года с севера на территорию Польши вторглись войска шведского короля Карла X Густава (царствовал в 1654–60 гг.). После двух дней боев польские войска капитулировали в районе к северу от Познани. В течение августа – октября более половины территории Польского королевства перешло под контроль шведов. На севере им не сдался один только Данциг (Гданьск), имевший мощные укрепления.

Пани Билевич
(худ. Н. Долженкова)

В землях Короны сдались шведам Варшава и Краков. Король с небольшим войском ушел в Силезию. Казалось, что Речи Посполитой уже не подняться...

Одновременно другая шведская армия выступила от Риги на Жамойтию и Литву. В сложившейся ситуации часть литовской шляхты и некоторые магнаты решили разорвать Люблинскую унию 1569 года с Польским королевством и перейти под протекцию Швеции. Эту группировку возглавили князья, двоюродные братья Януш и Богуслав Радзивиллы. 17 августа 1655 года в Кейданах (в Жамойтии) была подписана декларация о намерении шляхты ВКЛ заключить военный союз и государственную унию со Швецией. Документ подписали около 550 шляхтичей и священников.

А 20 октября 1655 года в Кейданах, в здании лютеранской кирхи, 1172 представителя ВКЛ подписали акт о государственной унии ВКЛ и Швеции. Король

Шляхетское ополчение

Карл X Густав стал великим князем Литвы. Но как он сам, так и его министры не придавали особого значения этому союзу. Оставив гарнизоны в ряде городов ВКЛ, основная часть шведской армии ушла в Кёнигсберг.

Однако более половины литвинских шляхтичей выступили против унии со Швецией, и обвинили Радзивиллов в предательстве. Поразмыслив, Самуэль в августе 1655 года присоединился к конфедерации, созданной в Вербилове (недалеко от Вилковишек в Жамойтии) против великого гетмана ВКЛ Януша Радзивилла. Несколько позже он возглавил конный полк в дивизии Павла Яна Сапеги. Участвовал в боях против шведов.

В сентябре – октябре 1658 года Самуэль во главе 12 конных хоругвей вел партизанскую войну в глубоком тылу московитов – в восточной части Литвы (Беларуси).

В 1659 году он с конным полком воевал против шведов в Курляндии, в 1660 – на Подляшье. К этому времени Самуэль стал ярым противником короля Яна II Казимира и ревностным сторонником клана магнатов Сапег. В апреле 1660 года он организовал и возглавил мятеж дивизии Сапеги против короля. Она объявила себя конфедерацией, а 29-летнего Кмитеца – «генеральным полковником». Конфедерация существовала около трех лет.

28 июня 1660 года Самуэль в составе дивизии Сапеги участвовал в битве под Полонкой, завершившейся разгромом войска московского воеводы Хованского. 28–30 сентября он участвовал в стычках с московитами в районе села Углы под Могилевом.

8 октября Кмитец вместе со своим полком сражался на реке Басе против другого воеводы московитов, князя Долгорукого. Затем он (вместе с отрядом С. Аскерко) потерпел поражение под Толочиным от рейтаров Хованского, шедшего на соединение с Долгоруким. Но уже на следующий день полки московских рейтаров были на-

Король Ян II Казимир

голову разбиты Чарнецким: из трех тысяч воинов к Хованскому вернулись всего лишь 8 человек!

В октябре все того же 1660 года Кмитец и его кавалеристы действовали в районе между Друей и деревней Кушлики. Здесь на рассвете 4 ноября войска Речи Посполитой под командованием Казимира Жеромского и Стефана Чарнецкого нанесли еще одно серьезное поражение воеводе Хованскому. Надменный азиат потерял свыше 5 тысяч человек убитыми, более 400 пленными (в том числе своего сына), всю артиллерию, войсковую казну и 130 знамен! Вместе с Хованским до Полоцка добралось не более одной тысячи ратников.

В 1661–1664 годах боевые действия происходили лишь в отдельных местах, так как обе стороны были сильно измотаны затяжной войной. Не хватало ни людей, ни коней, ни продовольствия, ни денег.

В 1663 году Кмитец со своим полком совершил рейд далеко за Смоленск!

В 1664 году он участвовал в походе к Рославлю и Брянску, а потом до начала 1665 года воевал против московитов в районе Витебска и Полоцка.

28 мая 1666 года представители Речи Посполитой и Московского царства заключили перемирие. Через 8 месяцев был подписан и мирный договор. Самая страшная война в истории нашего народа прекратилась. Она унесла жизни почти половины населения страны!

После войны Самуэль Кмитец четверть века жил в своем имении под Оршей, активно участвуя в общественно-политической жизни ВКЛ. Пани Билевич наконец стала его женой. Родились дети...

Умер Самуэль в 1692 году, в возрасте 62 лет.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Нина Григорьевна Марчук родом из Корелич; в 1979 году окончила Минский институт народного хозяйства, экономист. Проживает в деревне Глиняны Кобринского района Брестской области, возглавляет фермерское хозяйство «Финиш-Агро». Увлекается краеведением, автор более 50 статей на исторические темы, опубликованных в газетах Беларуси.

БИТВА НА ПОЛОНКЕ

К 350-летию славной победы

Михаил Бернат
(г. Барановичи)

История нашего народа и героическая, и трагическая одновременно. Но трагические страницы в ней преобладают: 140 нападений крестоносцев, 95 вторжений крымских татар, четыре с половиной столетия войн с Московией (1368–1795 гг.), две мировые войны, большевистский геноцид... Продираясь через эти тернии, беларусы несли огромные потери, иногда до половины всего населения страны.

Впрочем, людские потери можно подсчитать, хотя бы приблизительно, а как учесть потери культурные и духовные? Сколько Скорин и Купал, Богдановичей и Короткевичей не родила наша земля, заживляя кровавые раны, полученные в драках между хищниками, грызшимися между собой за наши земли? Сколько уроженцев Беларуси стало гордостью других стран, пока наше Отечество страдало под игом чужеземцев? Кто даст ответ на эти вопросы? Кроме нас самих – никто!

> «Сегодня перед беларускими историками стоит вопрос не о переписывании истории, а наоборот – об очищении беларуской истории... от колоссальных наслоений лжи» (1).

Только мы сами можем осмыслить свой путь за последние 800 лет и тем самым способствовать консолидации беларуской нации.

Среди множества больших и малых сражений, происходивших в нашем Отечестве, столкновение возле местечка Полонка (ныне деревня в Барановичском районе) было одним из самых значительных. Но сегодня оно практически неизвестно соотечественникам. Между тем значение его было поистине судьбоносным в войне 1654–1667 гг. То была даже не война, а кровавый потоп. Именно так польский писатель Генрик Сенкевич назвал в 1884 году свой роман, в котором запечатлел события войны, в которой погиб каждый второй житель Беларуси, а на Могилевщине и Витебщине в живых остались лишь 20 человек из каждой сотни.

Царь Алексей Михайлович (портрет 1654 г.)

Московский царь Алексей Михайлович Романов основательно готовился к захвату Великого Княжества Литовского. Заблаговременно московиты купили оружие в германских княжествах, Голландии и Швеции. Активно вели разведку. Патриарх Никон 14 марта 1654 года (за два месяца до начала войны)

благословил царя на массовые убийства мирного населения. И вот 15 мая по приказу московского деспота его полчища вторглись в Литву (Беларусь).

На первом этапе московиты рассчитывали совместно с украинскими казаками захватить восточную часть ВКЛ, в том числе Смоленск, Мстиславль, Оршу, Гомель, Речицу, Полоцк и Витебск. Это давало им контроль над бассейнами Западной Двины и Днепра, то есть над внутренними водными путями между Балтикой и Черным морем. Московия получала удобный водный путь в Скандинавию и Османскую империю.

Вторжение осуществляли две московские армии, а также войско казаков. Главная группировка (41 тысяча воинов) во главе с царем наступали из Переяславля на Смоленск, Мстиславль и Могилев. Северная группа (16 тысяч ратников) под командованием Василия Шереметева выступила из Великих Лук на Себеж, Полоцк и Витебск. 20 тысяч казаков атамана Ивана Золотаренко двинулись из Новгорода-Северского на Стародуб, Гомель и Речицу.

Схема вторжения московских войск в ВКЛ

В общей сложности силы вторжения насчитывали около 77 тысяч конных и пеших бойцов, а все войска ВКЛ, разбросанные по стране — максимум 20 тысяч. И только военный талант нашего гетмана Януша Радзивилла позволил ему какое-то время сдерживать натиск врага, даже выигрывать отдельные стычки. Но защитить Отечество он не мог физически.

За первые два года войны московские войска оккупировали большую часть Литвы (Беларуси). Заняли ее столицу Вильню, которая горела 17 дней, а число убитых достигло 10 тысяч жителей — около половины населения столицы (2). Виленский епископ Тышкевич позже вспоминал:

> «Не было пощады ни возрасту, ни полу; все места были заполнены кровью убитых и трупами, особенно Бернардинский монастырь, куда ища убежища, люди сбежались в особенно большом количестве».

Одной из главных целей той войны царь поставил массовый вывод людей из Литвы (Беларуси). Мужчин московские бояре делали своими рабами, особенно ремесленников и строителей. Женщин и детей они сотнями и тысячами продавали в городах Московии, на рынках невольников в Турции, Бухаре, Персии. Всего московиты угнали из нашего Отечества более 250 тысяч человек.

Успехи царских войск превзошли самые смелые ожидания. За два года им удалось захватить почти все Великое Княжество Литовское. Властям Речи Посполитой не осталось ничего иного, как сесть за стол переговоров. 3 ноября

1656 года в Немежи под Вильней было заключено перемирие на самых тяжелых условиях для ВКЛ. Царя Алексея Романова пришлось признать великим князем Литвы. По сути – властителем беларуских земель. Более того, пообещали избрать его на ближайшем сейме королем Речи Посполитой! За это Москва «смилостивилась» и приостановила военные действия на территории ВКЛ, а затем начала войну со шведами в Инфлянтах (Ливонии).

В связи с этим московские войска ушли с территории южнее Двины и западнее Березины. Но остались московские гарнизоны в Вильне, Ковно, Минске, Борисове и Гродне. Перемирие продержалось недолго – два года. Уже в декабре 1658 года царь, заключив со шведами мир на три года и отказавшись от борьбы за выход к Балтике, бросил все наличные силы на полный захват Великого Княжества Литовского. Решение этой задачи он поручил воеводе Ивану Хованскому.

Свою многотысячную рать Хованский разделил на две части. Одна группировка во главе с Афанасием Ордин-Нащёкиным пошла на Жамойтию, а вторую он сам повел в сторону Бреста. Московиты заняли Браславский, Ошмянский и Вилькомирский поветы.

Справка: Хованский Иван Андреевич – князь, воевода. Службу начал при царе Михаиле Романове. В 1636 году был стольником, в 1659 получил чин боярина. С 1656 до 1658 гг. являлся царским воеводой в Могилеве, затем возглавил крупную группировку войска с целью захвата западной части ВКЛ. Однако потерпел крупные поражения в 1660, 1661, 1664 гг. После разгрома восстания в Москве (Медного бунта) возглавил главную следственную комиссию. Казнен в 1682 году за то, что пытался использовать восстание стрельцов в собственной борьбе за власть.

Но... 9 марта 1659 года московиты сдали Гродно князю Павлу Яну Сапеге, а Самуэль Комаровский возле Биржи разбил 2-тысячный московский отряд и после этого обложил в Чаусах корпус Нащёкина.

Казалось, что инициатива уже переходит на сторону литвинов. Но вскоре Хованский захватил Лиду и Слоним, ему снова сдался Гродно. Окрыленные победами, московиты двинулись в Подляшье. В Заблудове убили всех людей, которые молились в храме, разграбили и дотла сожгли местечко.

Хованский и свою группировку разделил на несколько отрядов, чтобы удобнее было расправиться с Брестским воеводством. Он взял Каменец и 7 января 1659 года подошел к Бресту. Город защищал гарнизон в 2 тысячи солдат под командованием полковника Свентинского. Первый штурм был отражен. Второй произошел в ночь с 12 на 13 января. Бой был очень жестоким, московитам удалось взять город лишь после того, как погибли почти все его защитники. Оставив здесь гарнизон в количестве 800 человек, московская рать двинулась к Новогрудку (3).

По дороге сын Хованского Пётр 15 января 1659 года разбил литвинский отряд Михаила Обуховича и взял Пружаны.

Сам Обухович, дважды раненный в голову, отчаянно сражался. Он не сдавался даже тогда, когда под ним упал конь, убил семерых и ранил десять царских ратников.

Во время вторжения московитов в западные районы ВКЛ царь Алексей Михайлович («тишайший», как его по сей день величают российские историки) приказывал:

«Идти и от Слуцка к Слониму... вверх по Немне реке по обе стороны и те места воевать, сёла и деревни, и хлеб и сена, и всякие конские корма жечь, а людей побивать и в полон имать, и совсем без остатку разорять» (4).

Царские воеводы старались изо всех сил. Как и все московиты, они были жестокими азиатами, и войну вели азиатскими методами – то есть в первую очередь массово уничтожали гражданское население:

«Город Мир и другие городки и местечки и села и деревни... сожгли и людей поубивали и в плен брали и совсем опустошали без остатка»...

«...идучи с Мыши... заходили в городок Столовичи и литовских людей, которых в Столовичах застали, поубивали и городок Столовичи высекли и выжгли и совсем опустошили без остатка. А в Языцех государь, в том походе взято литовских людей шляхты и местичей 32 человеки, отобрав лутчих, а дастольных языков велели посечь» (5).

Взяв Брест, Каменец, Мир, Пружаны, Слуцк, Слоним и отвоевав Гродно, группировка Хованского контролировало всю юго-западную Литву (Беларусь). Непокоренными остались только Несвиж и Ляховичи.

* * *

Ляховичскую крепость, одну из сильнейших в ВКЛ, построил гетман Ян Карл Ходкевич, затем дополнительно укрепил Павел Ян Сапега.

20 марта 1660 года московское войско подошло к Ляховичскому замку. В нем состояли два псковских и два новгородских полка (приказа) стрельцов. Псковичами командовал «голова Афанасий Пустобояров», новгородцами – «головы Семен Толбухин и Семен Охлебаев». Были еще три рейтарских полка и четыре полка пехоты. Конница Хованского была сведена в 7 хоругвей московских бояр Остафия и Константина Нащёкиных, Петра Давыдовича, князей Василия Мисецкого (или Мышецкого), Алексея Путятина и Петра Дубровского. Всего в осаде Ляхович в марте 1660 года участвовало более 7 тысяч человек (6).

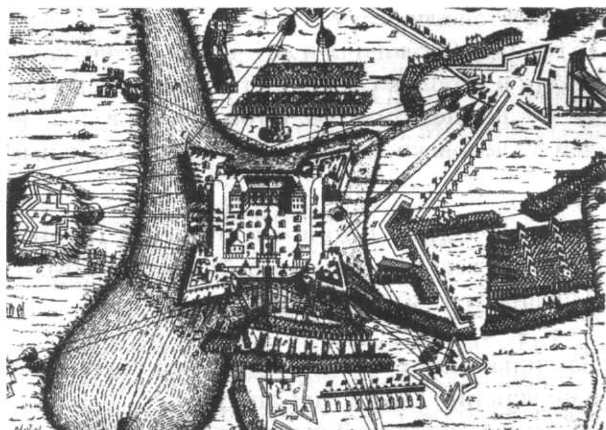
Крепость защищала местная шляхта. Это конный полк Романа Аскерко (более 200 сабель), который разделялся на 5 хоругвей – самого Р. Аскерко, хорунжих Ю. Корсака, Т. Храповицкого, Годлевского и Кошки. Вторым конным полком командовал Флориан Слонский. В нем было 6 хоругвей: Ф. Слонского, К. Комаровского, Б. Лабуза, Ващинского, Юндила и Гасуревского. Но основную массу защитников (3,5 тысяч человек) составили жители города и мужики окрестных деревень. Всего около 4 тысяч человек при 37 пушках и фальконетах. Комендантом был Станислав Юдицкий (7).

Защитники отражали все вражеские атаки. К Хованскому 19 мая прибыло подкрепление – еще три полка московских стрельцов, и 24 мая воевода начал генеральный штурм. Московиты применили сложное штурмовое приспособление – широкий передвижной мост-лестницу длиной в 18 саженей (35 м). Наверху его имелись подвижная платформа и щит, под прикрытием которого лезли наверх бойцы штурмовой группы. Потом он падал на замковые здания и откры-

вал дорогу нападающим. Но и этот приступ завершился потерей около 2 тысяч человек. Наибольшими они оказались в только что прибывших полках Л. Пущенникова, Ц. Палтычева и И. Жмодишина. Хованский повесил себе на грудь икону св. Николая и вдохновлял своих вояк на геройство. Но чудо не произошло. Разгневанный воевода разломал икону.

«Видимо, Бог отвернулся от этих борцов за «святую православную веру» (8).

После отражения штурма продолжалась артиллерийская дуэль. Орудия крепости, имевшие много ядер и пороха, бомбардировали лагеря осаждающих, плотно заставленные походными шатрами и обозами. А 12 батарей московитов с четырех сторон день и ночь «ломали город Ляховичи» (9).

Осада Ляховичского замка войсками И.А. Хованского (гравюра XVII века)

К Хованскому и дальше прибывали подкрепления. Из Могилева пришли еще 10 полков пехоты воеводы Семена Змиева, из Старого Быхова – 6 полков. Потом подоспели 300 донских казаков, две хоругви витебских шляхтичей «перемётчиков» (т.е. присягнувших царю), хоругвь какого-то Гелдина, хоругвь могилевских крестьян, вооруженных топорами и бердышами (10). Так что летом 1660 года под Ляховичами стояло весьма крупное войско.

Но Речь Посполитая 3 мая 1660 года заключила в Оливе мир со Швецией и могла теперь направить все свои силы против Москвы. На Подляшье была собрана сильная группировка польско-литовских сил под руководством Стефана Чарнецкого и Павла Сапеги. Она двинулась выручать Ляховичи.

Справка: Чарнецкий Стефан (1599–1665) – каштелян Киева с 1655, воевода русский с 1657, с 1664 воевода Киевский и польный гетман Короны. Рано начал военную службу. Брал участие в шведской кампании 1626–29, Смоленской войне 1633–34, в боях с казаками и татарами. В 1648–49 был в плену у казаков. Отличился в войне со шведами, выработал особую тактику борьбы с ними. С 1656 действовал со своей дивизией самостоятельно. После освобождения Польши от шведов Чарнецкий был направлен в Беларусь (Литву) и в 1660–61 успешно воевал здесь против оккупационных войск. Умер в феврале 1665.

Справка: Сапега Павел Ян (1610–1665) – великий гетман литовский и воевода виленский, сын усвятского старосты Яна Павла Сапеги. Образование получил в Бранденбурге. Военную карьеру начал в 1633 под Смоленском в чине гусарского ротмистра. С 1638 являлся обозным ВКЛ, а в 1645 – подстолием. В 1646 стал воеводой Витебска. В феврале 1656 стал великим гетманом ВКЛ и воеводой Виленским.

К лету 1660 года Павел Сапега собрал под своим командованием 8 тысяч воинов. К нему присоединились полки А. Полубинского и С. Кмитеца. Во главе этой дивизии он пошел с Подляшья на Хованского. Одновременно король Речи Посполитой Ян II Казимир послал из Голштинии 6-тысячный корпус воеводы Руси Стефана Чарнецкого на помощь Сапеге*.

23 июня Чарнецкий находился в районе Слонима. Он узнал, что в город накануне прибыл сильный отряд московитов. По дороге гетман установил контакт с Сапегой, дивизия которого в это время дошла до Жировичей вблизи Слонима. Московский гарнизон, боясь восстания местных жителей, загнал их в храмы и поджег.

> «Наверное сам Бог был на стороне несчастных жертв – проливной дождь погасил огонь» (11).

К счастью, быстро подоспела помощь, которая помешала нелюдям совершить преступление. В тот же день литвины разбили три разъезда московитов – под Зельвой, Голынкой и Деречином.

На второй день еще один московский разъезд (около 600 конников) наткнулся на передовые отряды Чарнецкого. Те числом до тысячи человек под командованием Поляновского обрушились на московитов. Последние долго отбиваться не стали и обратились в бегство. Во время погони погибло до 400 врагов, а 18 московитов попали в плен. От них узнали, что это был отряд карательной экспедиции, возвращавшейся из-за Немана. Хованский часто посылал такие экспедиции.

Гетман Стефан Чарнецкий (худ. Б. Матисен, 1659 г.)

Приближение войск Чарнецкого и Сапеги стало для Хованского неожиданностью. Поначалу он думал, что это просто еще один сильный разъезд. Но довольно быстро осознал реальную угрозу. Произошло это 27 июня, когда Хованский послал в сторону противника сильный разъезд под командованием Нащёкина численностью в 2000 воинов. А в это время Павел Сапега из Жировичей тоже выслал разъезд в 13 хоругвей во главе с Самуэлем Кмитецем и Станиславом Липницким. Оба разъезда встретились 27 июня возле местечка Полонка. Увидев такую рать, литвинские командиры подумали, что имеют дело со всем войском Хованского. Они послали за подмогой и к Сапеге, и к Чарнецкому. Тем временем московиты, видя перед собой литвинов, которых привыкли побеждать численностью, смело двинулись в бой. Литовские хоругви отбивались упорно, даже не заметили, как к ним подошла помощь. После недолгого сопротивления москали пустились

Воевода Павел Сапега (гравюра 1665 г.)

* Русью в Речи Посполитой называли территорию нынешней Западной Украины. – *Прим. ред.*

наутек. Их гнали две мили до местечка Мышь. Об этом эпизоде столкновения под Полонкой сообщает Ян Пасек (1636–1703) в своих «Записках» (12).

Литвины взяли много пленных. В течение того же дня 27 июня все войско Речи Посполитой было направлено в сторону места боя между разъездами. К вечеру оно уже стояло вблизи местечка Полонка. Хованский мог явиться в любой момент, поэтому были усилены караулы, а солдаты легли спать в полном вооружении. В ночь с 27 на 28 июня в лагерь возвращались из победной погони литвинские хоругви, приводя с собой пленных. Те показали, что под Мышью собрались войско числом около 3000 солдат.

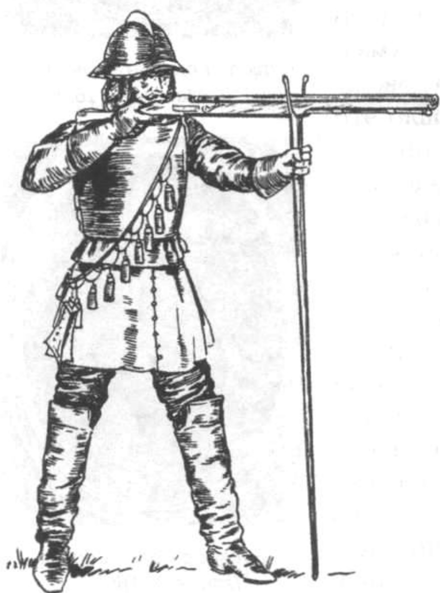
27 июня Хованский с основными силами тоже вышел из-под Ляхович навстречу Сапеге и Чарнецкому. По признанию самих московитов, их войско насчитывало 46 тысяч (13). Правда, взятый в плен воевода Щербатый называл меньшую цифру – 24 тысячи (14). Современный российский историк Олег Курбатов оценивает армию Хованского накануне битвы цифрой «более 10 тысяч» (15). Но мы поверим гетману Павлу Яну Сапеге:

> «Наше войско – скромная ватага была; правду молвить, далеко меньше половины неприятельского, ведь нас не было и 8 тысяч» (16).

На заре привели одного местного шляхтича, который прибыл в лагерь, чтобы сообщить, что Хованский со всем своим войском вышел из ляховичского лагеря и находится совсем близко от Полонки. Немного позже эту весть подтвердил и второй шляхтич.

* * *

Местечко Полонка (ныне деревня) находится между Слонимом и Ляховичами, на реке Полонка (приток Исы), в 20 км западнее Баранович. Оно входило в состав Слонимского повета Новогрудского воеводства ВКЛ.

Мушкетер войска ВКЛ

Местность, где произошла битва, холмистая. В самой низкой ее части протекает небольшая извилистая река Полонка, образуя возле местечка широкий изгиб (луку) радиусом около 2 км, где и расположились войска Речи Посполитой. Несмотря на малые размеры и неширокое русло берега реки с обеих сторон сильно заболочены. Чтобы перебраться с одного берега на другой, требовалось идти по гребле (плотине), находившейся вблизи местечка. Фактически плотина находилась на большаке с запада в сторону Минска через Мышь. Через неполные 2 км на восток большак снова пересекал реку по второй плотине, в районе которой вскоре развернулись основные события.

Чуть ниже и выше этой второй плотины существовали два неудобных брода, которые можно было использовать для пере-

правы. Один из них находился на высоте позиций Сапеги, а второй на позиции Чарнецкого. Территория в излучине Полынки имеет форму возвышенности со склонами к берегам речки. Часть войска можно было спрятать за этой возвышенностью от Хованского, который приближался с восточного направления. Сухопутный проход к излучине реки почти целиком был закрыт лесом от глаз противника.

Союзное войско начало строиться около шести часов утра (17). Поставить его в излучине болотистой реки командиры союзников решили под влиянием сообщения о быстром приближении врага. Река с болотистыми берегами неизбежно заставляла Хованского приостановить наступление. Выигранное время и естественная преграда позволяли войску Речи Посполитой развернуть боевые порядки.

С одной стороны, лучшей позиции и желать нельзя было, но с другой стороны, если бы наши не выдержали, то путем к отступлению могла служить только плотина в тылу, возле местечка. Там возникла бы такая давка...

Московские стрельцы

Был и еще один путь возможного отступления из речной излучины, чуть выше левого крыла войск ВКЛ. Этот путь представлял собой очень узкий проход между заболоченным берегом Полонки и лесом. Его недостаток был в том, что в случае своей победы московские хоругви смогли бы легко его перекрыть. Таким образом, позиция нашего войска, с одной стороны, защищала его от внезапной атаки противника, а с другой стороны, в случае отступления (и тем более бегства) она превращалась в смертельную ловушку. Все это требовало от Сапеги и Чарнецкого не просто энергичных, но наступательных действий.

Воины Сапеги стали севернее плотины, воины Чарнецкого – южнее. Плотина оказалась на участке коронных войск, которые были расставлены в следующем порядке. На правом крае – напротив заречного фольварка Патяны – стояли отряды панцирной и легкой конницы Габриэля Войниловича. Спрятанные за холмом, они не были видны московитам, стоявшим за рекой. В центре (напротив плотины) Чарнецкий поставил королевский полк, свой драгунский и две гусарские хоругви. На этом участке боя он принял личное командование. На левом крыле, граничившем с правым крылом литвинов, стояла пехота и артиллерия.

Далее продолжали фронт войска ВКЛ. Был еще небольшой резерв, спрятанный за холмом, который в подходящий момент должен был нанести удар московитам (18).

В авангарде находились 4 легкие хоругви поручика Петра Менжинского, переправленные на восточный берег реки Полонки. Они разместились в не-

большой рощице, что росла за плотиной. Задача авангарда – задержать боем передовые отряды неприятеля.

28 июня 1660 года, в 8-м часу с четвертью к восточной стороне реки приблизилось войско Хованского. Воевода построил свое войско таким образом, чтобы сначала разбить левое крыло, где стояли литвины. Ибо на этом участке фронта рельеф местности давал более удобный подход к реке. С этой целью Хованский значительно выдвинул вперед свое правое крыло. Левое же осталось далеко в тылу. Подойти к реке ему мешал лес вблизи плотины (19).

Хованский рассчитывал, что его правое крыло перейдет реку и зайдет во фланг литвинов. Если и не уничтожит их, то оттеснит от реки и посеет панику, а запаниковав, они побегут в тыл войска Чарнецкого, вызвав панику и там, и тогда он легко сбросит все войско Речи Посполитой в прибрежное болото.

Первой произошла стычка с авангардом. Впереди своих главных сил Хованский выставил «перемётчиков» под командованием Флориана Слонского. Бой был жестоким. Присяжная шляхта наступала пешей, билась заядло. Хотя Чарнецкий просил своих солдат держаться как можно дольше, долго сдерживать такой напор было трудно (20). Авангард Менжинского отступил к плотине. Здесь он занял удобную позицию и разбил отряд Слонского, когда тот пошел в новую атаку. Сам Слонский попал в плен и немного позже как предатель был посажен на кол.

Московский рейтар

Первый бой закончился удачно, но пришлось поджечь в местечке много домов, чтобы сделать дымовую завесу.

Московский воевода был уверен в победе. Он не отказался от намерения разгромить сначала левое крыло противника. Поэтому сконцентрировал здесь главные силы своей конницы, взяв командование ею на себя. Центр он доверил Семену Даниловичу Змиеву. Здесь стояли рейтарские полки, пехота и почти вся артиллерия. Левым крылом московитов (напротив коронных войск) командовал князь Семен Лукич Щербатов. В резерве находился князь Трубецкой с частью конницы, эта группа стояла в тылу за рощей вблизи плотины (21).

Чтобы прикрыть свое левое крыло, Хованский занял фольварк Патяны, находившийся за небольшим ручьем. Ручей впадал с востока в Полонку и московский воевода разместил там отряд пехоты и четыре пушки – на тот случай, если бы отряды союзников перешли Полонку (22).

Как позже выяснилось, это охранение было слишком слабым. Невнимание к своему левому крылу оказалось главной ошибкой Хованского. Он не смог предугадать, что именно туда будет направлен главный удар войска Речи Посполитой. У Хованского не было времени на глубокую разведку позиций противника. Поэтому он не знал об отряде Война Войниловича, укрытом за холмом с противоположной стороны излучины Полонки. Скорее всего, Хованский рассчитывал, что преградой для удара противника по его левому крылу послужит заболоченный ручей, впадающий в Полынку. Хованский не думал, что конница противника перейдет обе водные преграды и ударит как раз в это крыло. Больше всего он рассчитывал на свое правое крыло, где собрал много ратников, притом лучших.

Возможно также, что он, как и Чарнецкий, считал большак с плотинами самым важным направлением. Поэтому опасался, что коронные войска могут занять вторую плотину (ближайшую к московитам), пока он сам будет расправляться с литвинами. Поэтому Хованский разместил поближе к ней главные силы пехоты и артиллерии: это должно было создать впечатление, что именно сюда устремлено внимание московитов. А на самом деле судьбу сражения должна была решить лавина конницы на правом крыле, готовившаяся атаковать дивизию Сапеги.

Тем временем Чарнецкий с Сапегой пошли на хитрость. Хованский заметил, что на другом берегу есть определенное движение, которое он принял за начало отступления (23). На самом деле, этот маневр королевских войск преследовал следующую задачу: выманить московитов с выгодных позиций за плотину и отвлечь внимание Щербатова (командира левого московского крыла) от того, что происходит у него на крайнем левом фланге и заставить сосредоточить внимание на плотине, послать как можно больше ратников для ее захвата.

Панцирный гусар ВКЛ

На этом Хованский и попался. Имитацию он принял за действительность и отправил пехоту Щербатова за плотину, чтобы принудить противника к битве. Щербатов и Змиев предостерегали Хованского. Но спесивый князь отмахнулся от советников как от назойливых мух. Какие могут быть предостережения, когда Литва убегает! (24)

Московиты быстро разбили авангард Менжинского, перешли плотину и начали занимать боевые позиции за ней. Они притянули туда несколько пушек, из которых повели обстрел пехоты Чарнецкого (25).

Тогда Чарнецкий вывел из невидимого для московитов места спрятанные там конные хоругви. Это произошло так быстро, что враг не успел опомниться, как был отброшен назад за плотину, а та часть московитов, что осталась, была изрублена кавалерией.

Хованский, увидев поражение и выход конницы Речи Посполитой на его берег, отложил удар по литвинам и перенес свое внимание на занятые Щербатовым позиции в районе плотины, оказавшиеся под угрозой захвата. Против сил Чарнецкого он направил значительные отряды конницы из группировки Щербатова, что еще больше ослабило левое московское крыло. Перейдя в атаку, московская конница быстро вытеснила противника через плотину на противоположный берег (26). Теперь внимание московитов уже настолько сосредоточилось в центральной части боевых порядков, где находилась плотина, что левое крыло совсем выпало из сферы наблюдения московских воевод.

Настал тот момент, когда решающий удар должны были нанести как спрятанные на дальнем правом крыле хоругви Войниловича, так и хоругви Полубин-

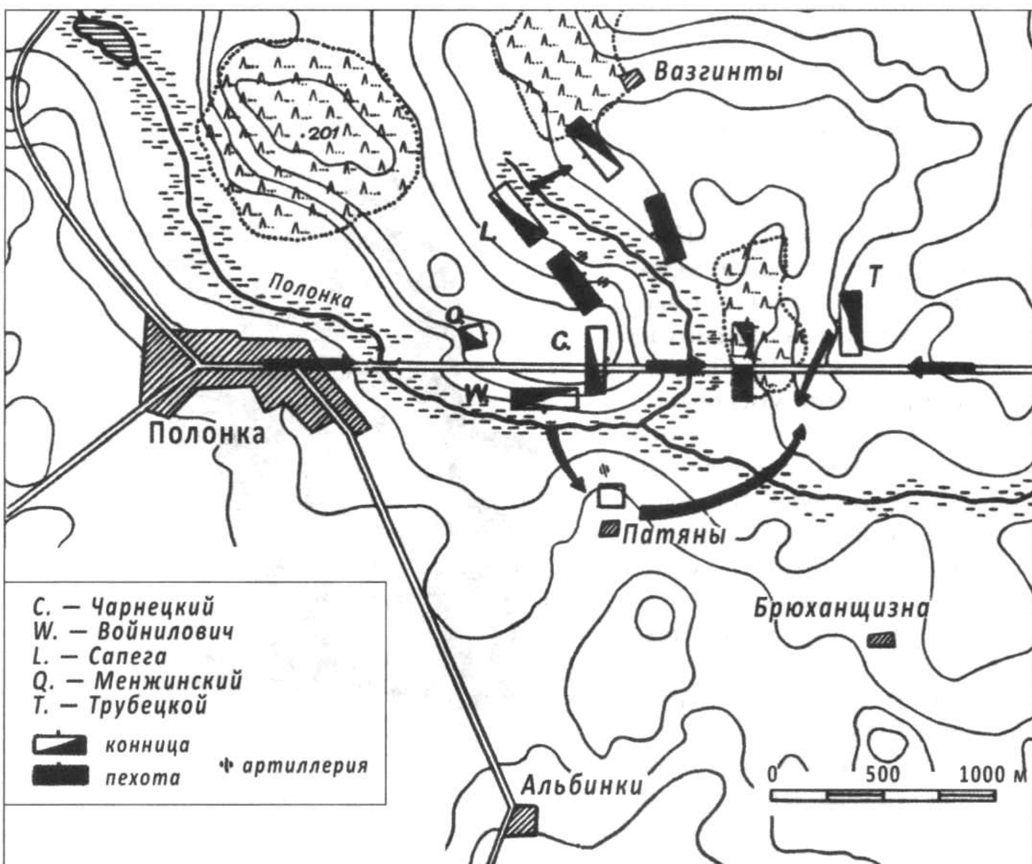

Схема битвы на Полонке

ского. Павел Сапега начал наступление на правое крыло московитов. Его пехота отбросила от берега реки московскую пехоту, одновременно в атаку пошли гусары Александра Полубинского. Гусары нанесли московской пехоте ужасные потери. Ее строй был разбит столь удачно, что «никто древка даром не сломал». Однако вскоре натиск литвинского войска был остановлен упорной обороной многочисленной московской конницы, находившейся на этом крыле.

Через какое-то время московиты перешли в контрнаступление. Их кавалерии удалось обойти с левой стороны войско Сапеги и даже зайти ему в тыл. Это создало сложную ситуацию. В опасности оказались и Сапега, который потерял лошадь, и Полубинский. Спас Сапегу, жертвуя своей жизнью шведский офицер Зас. Его как своего пленного Сапега после примирения со Швецией взял к себе на службу. На поле брани у Полонки он спас жизнь гетману, отдав ему своего коня, а сам остался пешим и погиб от рук московских всадников. Эти впечатления надолго врезались в память великого гетмана:

Александр Полубинский (худ. А. Тарасевич, 1657 г.)

> «Езда /конница/ нам с тыла заскочила, с той большой небеспеки сам правый Бог чудесно его милостью меня с паном писарем спас, ибо уже нас было давили» (27).

Но литвины устояли. Временный кризис был преодолен. Этому помогло появление новых формирований ВКЛ, которые форсируя брод на реке, одно за другим вступали в битву. Теперь уже правое московское крыло должно было защищаться и не могло оказать сколько-нибудь значительную помощь другим своим отрядам, а тем более левому крылу...

Тем временем Войнилович вывел свои хоругви из засады и быстро подошел к реке, с трудом преодолевая ее болотистое русло, поросшее густыми высокими зарослями. Пехота московитов первой заметила всадников Войниловича и открыла по ним огонь. А вслед за нею и конный резерв Трубецкого (бояре и рейтары) атаковал всадников Войниловича, которые не успели зарядить огнестрельное оружие после предыдущего залпа. Участник той битвы мазовецкий шляхтич Ян Пасек позже вспоминал:

> «Поздно было огонь давать, когда летел град пуль. Полегли убитыми много жолнеров, многие получили ранения. Но с еще большим порывом пошли мы на них, потому что видели, что едва ли не все сгинем, если спины покажем. И вслепую полезли в огонь, и с ними перемешались, как зерно с крупой, потому что уже нельзя было иначе» (28).

Бой был жестокий, победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Один из всадников Войниловича ранил Трубецкого ударом сабли по голове. Это сломало дух московитов и царская конница обратилась в бегство.

Тем временем Чарнецкий усилил натиск на московский центр, чтобы облегчить задачу Войниловичу и помочь своим драгунам, которые мужественно удерживали плацдарм на московском берегу, несмотря на мощный натиск мо-

сковитов. В ходе жестокого боя воины Чарнецкого отступили. Плотина опять приковала к себе внимание Хованского. Но это продолжалось недолго. Ситуация на левом крыле московских ратников резко изменилась. В погоне за Трубецким конница Войниловича зашла глубоко в тыл Хованского. Это вызвало замешательство в московском войске на позициях Щербатова и Змиева, которые дрались с Чарнецким.

Ситуация для Хованского сложилась опасная. Мощное давление в районе плотины не прекращалось, противник зашел в тыл, на правом крыле напирали литвины. Хованский вынужден был принять решение: перебросить очередные отряды конницы с правого крыла и направить их в тыл Чарнецкого. Но как вспоминал Пасек, натиск этих новых войск все более слабел:

> «Уже видно было, что на них страх находит. Те, которых против нас пустили, тоже бьются поневоле. Побегут на нас, потом опять отступят, а тем временем на них сильно напирает наш главный корпус...» (29)

В этот момент любое промедление было, как говорят, смерти подобно. Требовалось как можно скорее использовать замешательство московитов в свою пользу и нанести сильный удар по их центру. В случае удачи этого удара хоругви Войниловича и литвинские хоругви, которые выходили на московские тылы, стали бы наковальней, на которой можно было размолотить все войско Хованского. Это и было сделано.

События разворачивались очень быстро. Увидев разгром центра, обратилась в бегство московская конница левого фланга. Следом за ней убежала добрая треть пехоты. То были первые беглецы. Конники Войниловича ударили с тыла по отрядам Щербатова. А напор литвинов сломал сопротивление правого московского крыла и хоругви Сапеги сильно врезались с этой стороны в правый фланг конницы Хованского. В боевых порядках московитов возникло замешательство, ибо большая часть войска Хованского оказалась под атакой со всех сторон. От наступления Хованский перешел к обороне. Она принесла московским войскам огромные потери. Ян Пасек писал:

> «Значительно уже поредел левый фланг московский и сама середина. А здесь правый фланг московский, который с нашим левым схватился, тоже начинает отступать. И опять пошла такая свалка, что одного гонишь, а второй здесь как здесь над головою с саблей стоит; этого зарубишь, а второй как заяц на гончих бежит; требовалась голова как на шарнирах, чтобы и вперед смотреть и назад оглядываться...» (30).

Первой обратилась в бегство московская конница. В погоню за ней устремились хоругви Кмитеца. Они гнались до поздней ночи, совсем рассеяв беглецов.

Однако после разгрома и бегства кавалерии еще осталась сильная группировка пехоты Змиева, которая стояла рядом с лесом, росшим вблизи плотины. Удар панцирной кавалерии разорвал ряды пехоты. Тогда виленский воевода послал по флангам со стороны леса другие, более легкие хоругви, чтобы оттеснить пехоту от леса. Но московиты организовали оборону. Пришлось их окружать и вести по ним пушечный огонь. Во время этого боя погиб Змиев. Тогда пехота стала выходить из рощи с просьбой остановить бой. Но пощады ей не дали.

Выбитых с большим трудом из леса московских пехотинцев в поле вырубила конница. Сапега потом писал:

> «Трудно было связать руки разъяренным жолнерам и выбили они три тысячи до одного».

Битва была выиграна. Спесивые завоеватели бежали кто куда, погибая под саблями поляков и литвинов. Щербатый попал в плен. Хованский, получивший две сабельные раны, в панике поскакал к Ляховичам. Он хотел спастись под прикрытием остававшейся там части войска. Следующей ночью он был уже в Минске. Оттуда двинулся дальше на восток и остановился лишь в Смоленске.

По окрестностям разнеслась радостная весть о великой победе над врагом. Она быстро дошла до Ляхович. Даже раньше, чем войска Речи Посполитой. Ободренный этой долгожданной победой Станислав Михаил Юдицкий – комендант ляховичской крепости – сделал вылазку и пошел с гарнизоном в наступление, причинив серьезные потери московской пехоте. Захватив пушки, он повернул их против агрессора. В результате был захвачен весь обоз Хованского с огромным запасом продовольствия, стадом коров, и многим другим имуществом, награбленным московитами в нашем Отечестве. В этом обозе были припасены и колодки с кандалами для литвинов. Коров (около восьми тысяч голов) раздали крестьянам, а кандалы пригодились для пленных московитов (31).

По разным данным, в битве на Полонке погибло от 10 до 16 тысяч московитов. Это был разгром главных сил царских войск, действовавших в тот момент в ВКЛ и коренной перелом в ходе войны. В тылу захватчиков с новой силой разгорелась партизанская борьба. Вскоре войска Сапеги и Чарнецкого были уже под Борисовом. Тем же летом радовались освобождению уцелевшие жители Кричева, Шклова, Мстиславля...

На Поднепровье и Подвинье под оккупацией еще оставались ряд поветов и такие города как Полоцк и Витебск. Еще несколько лет продолжались походы и сражения. Были новые блестящие победы, случались и поражения. Но все это происходило уже на восточном и северо-восточном пограничье нашего государства. Периоды военной активности чередовались с переговорами.

Наконец в январе 1667 года в деревне Андросово под Смоленском был подписан договор между Речью Посполитой и Московским царством. По его условиям к Москве отошли Смоленщина и западная Брянщина, а также левобережная Украина и Киев. Московскому царю не удалось достичь своей главной цели – уничтожить наше государство. Он добился лишь восстановления тех границ, что существовали в конце правления Ивана III. ВКЛ существовало еще 125 лет – до 1792 года.

* * *

Долгое время победа на Полонке замалчивалась. Московские оккупанты и их местные пособники стыдились этой конфузии.

Но в 1994 году благодарные потомки, в том числе и автор этих строк, установили знак (каменный валун) в память о наших отважных предках. Памятник освятили двое священников – православный и католический. Несмотря на это здешние «манкурты», для которых история Беларуси начинается с 1917 года,

Освящение памятного камня в 1994 г.

не раз пытались испоганить святое место.

28 июня 2010 года члены Общества беларуского языка имени Скорины из Баранович и местные краеведы устроили фестиваль, посвященный 350-й годовщине Полонковской битвы.

Сначала участники праздника убрали территорию от мусора и скосили траву у памятного камня. Затем краеведы Виктор Сырица и Михаил Бернат рассказали об этой славной битве, а барановичские поэты Александр Корнев, Янка Збажына и Иван Лагинович прочли свои стихотворения, посвященные юбилейной дате. После этого выступили реконструкторы из рыцарского клуба «Шляхетская застава».

В завершение мероприятия патриотические песни спели Галина Ярошевич и Александр Грицевец, а саксофонист Валерий Шила подарил присутствующим чарующие звуки полонеза «Прощание с родиной» Михаила Клеофаса Огинского. Участники исторического мероприятия возложили цветы и зажгли свечи у памятного камня на Полонковском поле.

Члены исторического клуба из Баранович

ИСТОЧНИКИ:

1. Тарас А.Е. Русско-польские конфликты в XVIII–XX вв. Мн. 2008, с. 4–5.
2. Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667 гг. Мн. 1995, с. 46.
3. Чаропка В. Уладары Вялікага Княства. Мн. 1996, с. 580.
4. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук /Под ред. Н.А. Попова, Д.Я. Самоквасова/. СПб., 1894. Том 2, с. 438–439.
5. Нарысы гісторыі Беларусі ў 2-х частках. Частка I. Мн. 1994, с. 220–221.
6. Памяць. Ляхавіцкі раён. Мн. 1989, с. 79.
7. Там же.
8. Чаропка В., с. 581
9. Памяць. Ляхавіцкі раён, с. 79–80.
10. Там же, с. 80.
11. Чаропка В., с. 584.
12. Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska. Lwów, 1898, s. 127–128.
13. Там же, s. 98.
14. Kubala L. Wojny duńskie, s. 363, 511.
15. Kurbatow O. Połonką 1660 – spojrzenie z Moskwy // Mówią Wieki. 2000, № 3, s. 28–29.
16. Там же, s. 363
17. Encyklopedia Wojskowa. Warszawa, 1934, s. 666.
18. Там же, s. 666.
19. Цит. по книге: Zawadzki K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII ww. Wrocław, 1977. Tom I, s. 221.
20. Kochowski W. Historya panowania Jana Kazimierza. Wyd. E. Raczyński. Poznań, 1859. Tom II, s. 66–67.
21. Encyklopedia Wojskowa... s. 667.
22. Pasek J., s. 130.
23. Maskiewicz B. Op. cit., s. 302.
24. Chrapowicki J. do B. Radziwilla 30.VI.1660. Archiwum Główne Akt Dawnych, AR, dz. V, nr 2153, s. 8.
25. Pasek J., s. 129.
26. Kochowski W., s. 67.
27. Kubala L. Wojny duńskie, s. 365.
28. См. Адам Мицкевич. Собр. соч. в 5 томах. Том 4. М., 1954. Из воспоминаний Я. Пасека, с. 304.
29. Там же.
30. Там же.
31. Памяць. Баранавічы і Баранавіцкі раён. Мн., 2000, с. 47.

II. БЕЛАРУСЫ И ПОЛЯКИ

ПОЛЯКИ — БЕЛАРУСЫ: ВЗАИМНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В XIX—XX вв. (до 1939 г.)

Ришард Радик,
доктор социологии, университет имени Марии Кюри-Склодовской, Люблин

ЧАСТЬ 1. ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Польские стереотипы беларусов

В XIX веке взаимоотношения поляков и беларусов принципиально отличались от современных. Поляки не воспринимали беларусов как национально чуждое сообщество. Но после упразднения униатства (в 1839 г.) и особенно после поражения восстания 1863–64 гг., параллельно с усилением позиций православия, постепенно возрастали субъективно ощущаемые культурные различия. Культурная разность начала восприниматься как национальная только в XX веке, в связи с превращением политической (внеэтнической) идеи «польского народа» в культурно-языково-этническую и с возникновением беларуского национального движения.

Население, называемое «беларуским» в первой половине XIX века – это жители Витебской, Могилёвской и восточной части Минской губернии. Понятие «беларус» имело тогда топонимический, а не этнический характер. Жители центральной и западной Беларуси называли себя «литвинами», это название тоже имело внеэтнический характер и говорило о прежней государственно-политической принадлежности к ВКЛ.

Во второй половине XIX столетия определение «беларусы» распространилось также на западную часть Беларуси и постепенно приобрело этнический характер.

Так кого в XIX веке считать беларусом? Это проблема, так как сегодняшние критерии весьма отличаются от прежних. Шляхта считала себя «gente Lithuani (Rutheni), natione Poloni», мелкая шляхта в повседневной жизни говорила по-беларуски, а по-польски только в праздники. Беларускоязычные крестьяне-католики определяли себя как людей «польской веры», или даже как поляков, тогда как православные селяне считали себя «русскими».

О тогдашнем беларускоязычном населении (преимущественно крестьянах) мы знаем по описаниям современников – прежде всего помещиков и немногочисленных исследователей. Источником сведений служит богатая мемуарная

Из журнала «Беларускі гістарычны агляд», том 4 (1997 г.), сшытки 1–2, с. 35–61. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

и художественная литература (Ю. Крашевский, Э. Ожешко, Е. Вайсенгоф), а с 1905 года и местная пресса*.

В 1817 году Мария Чарновская так писала о православных крестьянах (прежних униатах) Могилёвщины:

> /Они/ «исполняют все то, чему их научили заветы предков, и с одинаковой набожностью исполняют как языческие, так и христианские обряды, часто сочетая первое с другим. /.../ Они не могут объяснить ни значения, ни причины того, что делают. Весь ответ, что так делали наши (их) предки и так говорили старые люди»(1).

Исследователи и помещики часто писали о поверхностности их веры, религиозном безразличии и даже склонности к атеизму (у полешуков); особенно это касалось православного населения, еще недавно униатского, которое было значительно слабее привязано к этой религии, чем постоянные в своей вере католики. Так было и в XIX, и в XX веке. Вдобавок постояно подчеркивались низкая степень просвещенности народа, низкий уровень его исторического и общественного сознания, крестьянская апатичность, боязливость, осторожность, хитрость, склонность к фатализму и суеверность (2).

Одновременно под влиянием романтической народности провозглашалась необходимость «познания народа», сближения с ним, высказывалось сострадание его несчастьям, обращалось внимание на крестьянскую нищету — считалось, что деревне надо помочь, особенно путем распространения просвещения среди народа. Ян Чечот писал:

> «Крестьяне наши — люд хороший, добродушный, трудолюбивый, приличный — должны возбуждать в нас самые добрые чувства. С ними мы можем быть счастливы. Давая им за работу их рук работу нашего ума и просвещения, мы можем умножить общее благо. Не следует думать, что и мы от них не могли бы чему-то научиться» (3).

Поэту хотелось, чтобы песни, которые он собирал и записывал, «увеличивали взаимную доброжелательность пана и крестьянина, от которой столько зависит». «Дворное сообщество» должно было объединять деревню и поместье ради их общей пользы.

Отношения между крестьянами и панами особенно идеализировались накануне упразднения крепостничества. Ян Блоньский отметил, что «польский рай чаще всего видели на литовско-беларуских «крэсах» (4).

Хотя различия между сословиями тех и других были очевидны, долго никто не догадывался, что они могут превратиться в национальные. Крестьянин из-под Минска был для местного помещика таким же своим, как для мазовецкого шляхтича — «люд из-под Варшавы», несмотря на то, что говорил на другом языке и иногда принадлежал к другому вероисповеданию. Шляхетское представление о народе в Речи Посполитой принимало его многокультурность, также как и иерархическую структуру общества — с паном-помещиком наверху, который

* 40 лет после восстания 1863–64 гг., когда на территории бывшего ВКЛ польская печать была запрещена, сообщения из Беларуси появлялись в газетах Царства Польского, а также территорий, аннексированных Пруссией и Австрией.

по-отечески относился к крестьянину, находившемуся согласно с укоренившейся феодальной традицией в самом низу социальной пирамиды.

Восстание 1863–64 гг. показало многим полякам масштаб и глубину конфликта между деревней и поместьем. Ядвига Кеневич, которая сама происходила из семьи помещиков, так описывала события на Мозырщине в мае 1863 года:

> «Разъяренные крестьяне подло подсматривают, выслеживают, связывают и вывозят собственных панов, издеваются, если кого поймают в лесу, не пропуская ничего из /средств/ палачей Христа» (5).

Но помещики, которые жили среди крестьян и были тесно связаны с ними экономически, по-прежнему хотели видеть в них близкий себе народ, относясь к «беларускому элементу» как к составной части политического общества, объединявшего этносы прежней Речи Посполитой. Такое отношение обусловливала и близость беларуских диалектов к польскому языку, ввиду чего их часто считали непосредственно польскими диалектами или же переходными между русскими и польскими.

Интеллигенция же, экономически не связанная с крестьянством и жившая в основном в городах (а также горожане) быстрее, чем помещики, исключала православных беларусов из состава польского народа. Однако это стало очевидным только после 1905 года.

Описания беларуских крестьян второй половины XIX века принципиально не отличались от тех, что были сделаны в первой половине столетия. В 80-е годы корреспондент познаньской газеты сообщал из Вильни:

> «Беларуский народ на удивление добрый и спокойный. Это тот материал, из которого любое разумное правительство могло бы сделать все, что пожелало бы. Ленивый и инертный, беларуский крестьянин даже и неспособен противостоять бесправию, что, однако, не значит, что в глубине души он не имеет обиды на своих угнетателей. Национального сознания для него не существует, на вопрос, кто он, беларуский крестьянин скорее всего ответит: «Я, паночку, здешний (тутэйшы)», как будто слово «здешний» было для него альфой и омегой» (6).

Тогда же «Gazeta Rolnicza» /Сельская газета/ писала о крестьянах из Витебской губернии:

> «Лепельчанин (беларус) – обязательно земледелец. Сообразно почти допотопному уровню обработки земли, он тихий, спокойный, нелюбопытный, даже апатичный. Считая, что всем он обязан исключительно силам природы, оставляет себе очень незначительную часть в использовании средств, необходимых, чтобы прокормиться» (7).

События революции 1905–06 гг. не только показали помещикам силу классового конфликта в беларуской деревне, но также выставили на первый план те черты крестьянства, которые прежде не упоминались. Идиллические зарисовки деревень Чечота и Дунина-Марцинкевича дополнило зрелище охваченных пламенем усадеб, картины грабежей и убийств, учиненных крестьянами.

В последнее десятилетие российского господства появился новый слой беларусов – национальная интеллигенция. Часть польской общественности

(в том числе помещики) поддержала беларуское движение (и даже финансировала его), полагая, что оно станет преградой для дальнейшей русификации Беларуси, особенно православной части населения. Надеялись, что это движение не будет иметь антипольского характера, а станет союзником. Беларуский помещик-католик Эдвард Войнилович, который финансово поддерживал беларуское движение, разочарованный тем, в каком направлении оно развивается, позже писал:

> «От беларуских обществ, поначалу принимая в них и материальное участие, я всегда в итоге отходил, ибо предпринятая ими работа в направлении самопознания и национального возрождения («Лучынка», «Саха», «Загляне сонце и в наше ваконце» и т.п.) всегда под конец принимала характер и направление социалистический, которому я не мог потакать вопреки своим убеждениям» (8).

Эволюция оценок «беларуского фактора» стала в большой мере результатом изменения категорий мышления у поляков. По мере усиления процесса отождествления полонизма с католичеством происходило постепенное дистанцирование от православных сообществ восточных окраин бывшего ВКЛ. Особенно это характерно для национальных демократов. Беларусов-католиков они воспринимали как поляков в современном, этнически-языковом смысле, а православных беларусов исключали из числа таковых, особенно тех, кто проживал в восточной Беларуси (позже это нашло отражение в Рижском договоре).

Беларуская крестьянская пара (середина XIX века)

Впрочем, отношение тогдашних поляков к своим беларуским соседям не было однородным. Кроме национальных демократов, в польском обществе существовали еще три политических течения.

Течение консервативно-помещичье относилось к крестьянам патерналистски, беря за образец традиции давней Речи Посполитой. «Краёвцы» принимали за основу культурный и национальный плюрализм местного общества, считая необходимым сохранить все население края как единое целое. В то же время социалисты-интернационалисты (главным образом СДКПиЛ – Социал-демократия Королевства Польского и Литвы), подчеркивая важность разделения на классы, считали, что революция решит национальные проблемы во всей Российской империи.

Можно констатировать, что почти весь XIX век поляки не воспринимали Беларусь как четко очерченную территорию, населенную (кроме городов) жителями одинаковыми в этническом смысле и явно отличающимися от своих соседей. Беларусь считали частью бывшего ВКЛ с населением, близким в языковом отношении как к полякам, так и к русским.

К началу XX века Беларусь уже нередко воспринималась в качестве специфического географического, культурного и этнически-языкового целого. Все чаще видели также раздел Беларуси на часть западную, католическую, ориентирующуюся на Польшу, и восточную, православную, склоняющуюся в сторону России. «Беларуское» все еще отождествлялось с «крестьянским», с недостатком активности, направленной на реализацию не только своих национальных потенций, но даже культурных устремлений в недеревенском (элитарном) понимании. К Беларуси поляки относились как к пространству между Польшей и Россией – возможному объекту (но никак не субъекту) столкновений.

2. Беларуское видение поляков

Поляки не видели в беларусах XIX века населения, отличающегося от них в национальном аспекте прежде всего потому, что сами беларусы не считали себя отдельным народом. В свою очередь, беларуское население, не воспринимавшее себя в национальных категориях, тоже не видело в поляках единого национального целого (т.е. вне зависимости от сословия, класса, религии).

Описывая польское общество в Беларуси XIX века, исследователи выделяют: помещиков (панов), мелкую шляхту, немногочисленную городскую интеллигенцию, польских крестьян (переселенцев из Польши), а иногда и католических беларускоязычных крестьян, которые говорили, что они «веры польской», хотя чаще называли себя «тутэйшыми». Для тогдашних беларуских крестьян все это были разные социальные группы; сегодняшние критерии разделения типа «мы» – беларусы, «они» – поляки, были им чужды.

На протяжении столетий в восприятии крестьянами помещиков (от которых они сильно зависели и к которым имели много справедливых и несправедливых претензий) доминировал негативизм. Как отмечено выше, этот негативизм был обусловлен не национальным, а классовым (сословным) фактором, к нему добавлялось осознание еще и культурной разницы – языковой и религиозной. Анализируя беларуский фольклор, Мария Чурак отмечала, что крестьяне приписывали панам жестокость, обостренную чуткость ко всему, что касается их персоны, безделье, иногда наивность или глупость (глупостью они считали отсутствие крестьянской ловкости и смекалки в хозяйственных занятиях). В бесчисленных народных рассказах и сказках «пан» является предметом высмеивания (9).

Вот что писала о полешуках Эмма Еленская, сама помещица:

> «Несмотря на достаточно приязненное отношение населения к панам, оно имеет очень слабое представление об их моральных качествах. Они советуют не доверять им, подозревая панов в каких-то зловредных намерениях, удивляются их стилю жизни: долго спят по утрам, а ночью сидят за столом; ходят без всякой нужды то в лес, то по деревне; в их «комнатах» понаставлено разных

игрушек; они обсаживают дома бесполезными деревьями; возле дорог придумывают «какие-то штуки», ездят на велосипедах или рисуют обычные старые хаты. «Зачем им это! Вот, известно, паны!» Им также кажется, что паны никогда ничего не делают, что это ненужное на земле племя, недаром же пустые колосья, которые высоко держат головы, всегда называют паны!» (10).

Было бы преувеличением утверждать, что крестьяне всегда враждебно относились к своим панам. Во времена упразднения крепостничества крестьянин на упреки генерала Назимова*, направленные в адрес панов, возражал:

> «Хоть, паночку, говоришь, что паны нас душили... но помним тоже, что были и батьками, что нам помогали!» (11)

Отношение крестьянина из-под Лиды к своему пану было близко к отношению крестьян из-под Люблина к местному помещику. Отношение это существенно ухудшилось после упразднения крепостничества, когда усилились споры о сервитутах, использовании пастбищ и лесов**. Существовавшие различия и далее воспринимались в первую очередь как классовые (сословные). В то же время вместе с экспансией российского православия углублялись культурные различия, которые, однако, не воспринимались крестьянскими массами в национальных категориях.

Молодые паны (супружеская пара)

Отношение к панам было смесью чувств враждебности (страха), иронии, зависти, зависимости и обиды, а также надежды на помощь в трудные минуты, в голодную пору, чувства восхищения его властью, богатством, свободой и, несмотря на иронию, «высшей» культурой.

В 1907 году, характеризуя отношение беларуских крестьян к местным помещикам, газета «Наша Нива» не упоминала их этническую (национальную) принадлежность:

> «Ни пяди земли мужикам!» Пан везде остается паном и отдавать мужикам свои земли не любит, но нигде паны не защищают так своих поместий, как у нас» (12).

Этнических поляков, приезжавших из Польши, а также бедную мелкую шляхту в беларуских губерниях чаще всего называли «мазурами». Как известно, малоземельная шляхта часто была не богаче соседей-крестьян. Но эта часть на-

* Владимир Назимов (1802–1874), генерал от инфантерии (с 1859), в 1855–63 гг. виленский, гродненский, ковенский и минский генерал-губернатор.

** Сервитут – право пользования чужим имуществом на определенных условиях, например, право прохода через чужой участок, право сенокоса на чужом луге, право сбора грибов и ягод в чужом лесу и т.д. – *Прим. ред.*

селения выделялась своим языком, образом жизни, а в православной среде еще и своим католицизмом.

Беларуский исследователь Павел Терешкович проанализировал более 200 беларуских идиом, посвященных другим народам. Поляки выступают под названиями «ляхи», «поляки», «варшавяки», «мазуры», «паны» и выглядят не хуже других, особенно на фоне русских («москалей»). Терешкович пишет:

> «Восприятие этнических поляков определялось достаточно ощутимой приязнью, впрочем, оно не было лишено иронии. Поляки отличаются отвагой («мазуру биться, как людям хлеб с маслом съесть», «мазур если бы и смерть увидел, то не спрятался»), чувством достоинства («варшавяк как голодный, то насвистывает» или «варшавяк как хочет есть, то палкой крутит и свистит») и в то же время склонностью к безделью («мазур одно до гулянья лихач»). При этом мазур не казался страшным, не изображался врагом, в отличие от русского или еврея, а выставлялся скорее в комичном свете. Вместе с тем общая оценка поляков, сформированная главным образом под влиянием отношения к панам-помещикам, была значительно более критической, хотя и обусловленной не этнически (национально), а социально» (13).

В данном контексте следует упомянуть группу «народников» из Беларуси, которые в 1884 году выпустили в Петербурге два номера нелегального журнала «Гомон», а также несколько листовок, посвященных беларуской проблематике*. Этот кружок невольно стал создателем беларуской национальной идеи, сформулированной, правда, по-русски, но интересной своим содержанием.

В текстах народников (выходцев из православных семей, за исключением брата и сестры Ратнер) отсутствует критика в адрес православия (правда, оно не отождествлялось ими с российским фактором), но при этом нередко звучит резкая критика католичества, которое они связывали с «польскостью». Беларуские народники утверждали, что полонизации подверглись прежде всего высшие слои общества, а народ – в значительно меньшей степени. Поляков они воспринимали в первую очередь как помещиков-католиков и считали, что беларуско-польский конфликт имеет классовую (а также религиозную) почву. Гомоновцы впервые увидели «беларускость» именно такой, какой позже ее представляли при советской власти. Для них было характерно стремление к союзу с Россией, использование русского языка при обсуждении беларуской проблематики, тесная связь «беларуской идеи» с социализмом, дистанцирование от «польскости» и католичества.

После 1905 года сложился небольшой круг беларуской интеллигенции, сплоченной вокруг нескольких беларуских издательств и периодических изданий, в первую очередь вокруг газеты «Наша Нива» (1906–15 гг.).

Одним из элементов сформулированной в то время беларуской национальной идеологии, пропагандировавшейся через газеты, брошюры и календари с многотысячными тиражами, было отношение беларусов к полякам. Впервые беларусы стали воспринимать поляков как классово дифференцированное на-

---

* Создателями и руководителями кружка были Александр Марченко (из Витебска) и Хаим Ратнер (из Могилева). В него входили М. Стацкевич, В. Крупский, С. Нестюшко-Буйницкий, А. Ратнер, некто Сафронов и еще два – три человека. – *Прим. ред.*

циональное сообщество, впервые такое отношение к полякам вышло за границы повседневного опыта крестьян, имело идеологический характер и вытекало из уже созданной национальной программы. В изданной в 1910 году «Краткой истории Беларуси» Вацлав Ластовский упрекал поляков в многовековой полонизации и трактовал их как врагов беларусов.

Правда, главная беларуская национальная газета «Наша Нива» пыталась подчеркивать практические выгоды от связи с двумя великими соседними народами – русскими и поляками, одновременно дистанцируясь от них в национальном смысле. В 1908 году эта газета писала:

> «Польза от поляков видна уже и в том, что в нашем крае сельское хозяйство лучше обеспечено и стоит выше, чем в России. Также в тех губерниях Беларуси, где много поляков, грамотных больше, чем в других. Поляки народ практичный, и от них беларусы могут много чему научиться» (14).

Одновременно деятели беларуского движения ставили в упрек полякам стремление полонизировать Беларусь, а русским — русифицировать ее. Поляков упрекали и за то, что они отождествляют католицизм с полонизмом. Так, «Наша Нива» писала:

> «...видим, что польские газеты не нашли в Вильне ни одного католика-беларуса» (15).

Изредка появлялись и крайне негативные характеристики поляков:

> «Поляк – человек ветреный, льстивый и хитрый. Он любит выставляться и прикидываться паном» (16).

Высказывались претензии и к мелкой шляхте, каждодневно говорившей по-беларуски, но вообще-то считавшей себя поляками:

> «Много возле нас мелкой шляхты, – писали в газету из Борисовского уезда. – Все они католики; говорят дома по-беларуски, а только иногда, когда появится чужой человек, то пытаются говорить по-польски, но это не очень хорошо выходит» (17).

Даже в начале XX века основная масса беларусов не уважала свой «простой» язык, считая, что он не стоит того, чтобы на нем писать и читать. Культуру они отождествляли либо с польским, либо с русским языком. В «Нашей Ниве» появлялись сообщения с мест о том, что крестьяне считают беларуский язык «хамским», грубым, некрасивым, и говорят, что «лучше читать польские газеты». Правда, иногда высказывалось и другое мнение. Так, корреспондент с Бобруйщины писал еще в первом номере газеты за 1907 год (с. 4):

> «Нам, православным, говорят, что мы русские, значит люди иные чем католики; говорят, что католики – это ляхи. А по правде, все это одна ложь. Католики – такие же люди, как и православные; они говорят по-нашему и живут так же тяжело, как и мы, православные. Мы все – братья одной крови и с одной земли беларуской. Мы не русские и не поляки, а беларусы, и каждый это должен помнить».

Стереотип поляка, формировавшийся среди интеллигенции «нашанивского» периода, был фрагментарным. Этот стереотип имел в основном те черты, которые можно было наблюдать среди шляхты (как зажиточной, так и мелкой) и интеллигенции. Его содержание напрямую зависело от оценки этой интеллигенцией отношения поляков к национальным устремлениям беларусов и в тот момент, и в далеком прошлом (а такое историко-идеологическое восприятие не было присуще крестьянам XIX века). Наполнение этого стереотипа преопределялось также теми чертами (и положительными, и отрицательными), которые традиционно приписывались высшим слоям общества – вне зависимости от национального контекста.

Беларуские мужики на сенокосе (начало XX века)

Так на первый план выходил классовый конфликт, который отныне обусловливал отношение местных крестьян к панам-полякам. Кроме того, подчеркивалась угроза полонизации, а она, в свою очередь, отождествлялась с окатоличиванием.

Сравнивая поляков с русскими, беларуские интеллигенты видели у первых более тесную связь с европейской культурой, более высокий уровень хозяйствования и просвещения, любовь к свободе. Они также отмечали чрезмерное тщеславие, презрительное либо снисходительное отношение к молодому беларускому национально-культурному движению.

Стереотипы, которые характеризовали национально-классовый состав общества в Беларуси, возникали на стыке двух культур – крестьянской (беларуской) и панской (польской). Те пороки, которые беларусы приписывали всем полякам, были пороками шляхты – слоя, который уже терял прежнее влияние даже на этнически польских территориях. А сколько-нибудь многочисленных центров польского (или польскоязычного) крестьянства в беларуских губерниях России никогда не было.

ЧАСТЬ 2
ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО 1939 ГОДА

После разделов Речи Посполитой в XVIII веке взаимные польско-беларуские стереотипы формировались в условиях отсутствия своих национальных государств – польского и беларуского. При этом отношение поляков и беларусов к царским властям было разным. Однако не оно служило главным фактором взаимных оценок. На первом плане находились социально-экономические аспекты. После окончания мировой войны взаимоотношения приобрели новое качество.

1. Польское видение беларусов

Поляки всегда воспринимали беларусов как общество крестьянское, плебейское. Несмотря на появление множества беларусов-революционеров, еще долго продолжал существовать стереотип беларуса-селянина – инертного, аполитичного, податливого чужой воле. В 1917 году В. Вакар писал:

> «Беларусь, в отличие от Летувы, до сих пор не имеет отчетливых культурно-национальных черт. ...Народ остается пассивным и не выделяет из себя созидательного элемента» (19).

Поляки считали, что беларусы никогда не были способны к созданию собственного государства и защите его независимости; что раньше или позже их подчинили бы себе русские. Подчеркивалась слабость или полное отсутствие национального сознания в беларуских массах, немногочисленность беларуской элиты, интерес беларусов к социальным, а не национальным проблемам.

К окончанию мировой войны большинство польской политической элиты вовсе не думало о культурной ассимиляции беларусов. Такие намерения имели, в первую очередь, национальные демократы («эндеки»). В то же время провозглашалась необходимость политической (государственной) ассимиляции беларусов. Помещики были заинтересованы прежде всего в социальном согласии, а не в полонизации местного населения.

События мировой войны и столкновений с большевиками в 1918–20 гг. повлияли на эволюцию образа беларусов в польском обществе, особенно среди элиты. Ян Юркевич пишет:

> «На тогдашние и позднейшие представления повлияла волна погромов панских поместий, что после октябрьского переворота пронеслась по беларуским землям, оставшимся с восточной стороны от линии фронта» (20).

Поместья традиционно являлись важными центрами формирования общественной мысли в Польше. Поэтому описания их погромов и грабежей в художественной и мемуарной литературе в определенной степени повлияли на польское видение беларуского народа. Однако образы «революционизированных» беларусов (грабителей-погромщиков) никогда не доминировали среди нижних общественных слоев тех поляков, что жили на беларуских землях.

Собственно польский народ вне восточных земель не сталкивался непосредственно с беларусами. Большинство поляков вообще не имело никакого мнения на этот счет. Поэтому образы крестьян-погромщиков быстро угасли, но их место прочно заняло живописное изображение «большевизированного» беларуса-левака:

> «В годы польско-советской войны (1919–1921) такой взгляд стал всеобщим и определял отношение польских солдат к беларускому населению» (20).

Итак, беларусы (в Западной Беларуси) воспринимались поляками не как национально чуждое сообщество, но скорее как отличающееся в социальном и религиозном аспектах. Такое отношение, берущее начало со времен российской аннексии Речи Посполитой, нашло свое продолжение в междувоенном

времени. Новая черта, которую стали приписывать беларусам во Второй Речи Посполитой – это левая ориентация. На такое восприятие беларусов (в первую очередь беларуской интеллигенции) повлияла антипольская борьба беларуских партизан (и коммунистов, и националистов) в 20-е годы, активность беларуских депутатов в польском Сейме, деятельность «Беларускай сялянска-работніцкай грамады» (БСРГ) и компартии Западной Беларуси (КПЗБ). Во всем этом виделось влияние Минска и Москвы.

Именно так воспринимал беларусов поэт Чеслав Милош (нобелевский лауреат 1980 г.):

> /Когда польские чиновники/ «давали разрешение на открытие отдельных /беларуских/ школ, результаты оказывались, на их взгляд, самыми худшими. Крестьянский сын, развивая в процессе обучения свою сильно укорененную антипатию, достигал первой ступени приобщенности к цивилизации, это значит – почти всегда становился коммунистом и дейнствовал в пользу «реунификации», т.е. отторжения от Польши ее восточных воеводств» (21).

Беларуская интеллигенция на «крэсах» (в Западной Беларуси – *Ред.*), попрежнему относительно немногочисленная, представлялась польской политической элите средой идеологических радикалов, враждебных польскому государству и выполнявших указания советских спецслужб.

Помещики, а также представители польской интеллигенции и даже чиновничества нередко пытались оправдывать местных крестьян, отмечая историческую обусловленность взглядов последних. Часто говорилось, что Польша должна исполнить цивилизационную миссию на востоке. Проводниками цивилизации должны были стать шляхетские дворы, а также государственная администрация. То, какими беларусы представлялись в глазах польских властей, в значительной степени зависело от их отношения к польскому государству. А оно далеко не всегда удовлетворяло эти власти.

Иными словами, теперь беларусы воспринимались уже не так односторонне как прежде. Их «коммунизированность», явная оппозиционность польскому государству объяснялась военными пертурбациями, нищетой крестьян, а также унаследованным от царизма низким уровнем образования и общей культуры.

В течение всего межвоенного периода беларусы характеризовались одновременно и негативно, и позитивно. Считалось, что в своем большинстве они не склонны к конфликтам, кроткие, тихие, терпеливые, готовые приспосабливаться к любым обстоятельствам, медлительные, но трудолюбивые.

Вместе с тем, в конце 30-х годов были написаны следующие строки:

> «Этот консерватизм, эта недоверчивость, неприятие никаких новинок цивилизации – типичны для сознания здешнего селянина» (22).

Хотя беларусов далеко не всегда отожествляли с этносом полешуков, экзотика полесского населения влияла на портрет беларусов в целом. Между тем о полешуках писали, что они примитивные, хитрые, угрюмые, изворотливые, подозрительные, скрытные, упрямые, молчаливые, упорные, мстительные, анархичные. Иногда подчеркивалось, что они еще больше чем беларусы инертные и темные. Были также нарекания на лень и пьянство здешнего населения.

Таким образом, беларусам приписывали взаимоисключающие черты.

Подводя черту, надо сказать, что отношение основной массы поляков к беларускому народу было значительно лучше, чем отношение польской элиты к беларуской интеллигенции. Польские же крестьяне вообще имели хорошие отношения со своими беларускими соседями.

* * *

Польское крестьянство и малообразованные слои польского общества вне Беларуси, были вообще незнакомы с проблемой. Беларусы представлялись им в категориях инаковости региональной, культурной (этнографической), иногда языковой (диалектной), но не как другой народ.

В отличие от летувисов, евреев и даже украинцев (в бывшей Галиции), беларусы в межвоенный период не воспринимались как нация. Тадеуш Лопалевский утверждал:

> «Вместо чувства национальной принадлежности мы наблюдаем здесь скорее сознание принадлежности территориальной» (23).

Образ беларусов создавали для общественности польская политическая элита, журналисты и литературная интеллигенция. Польские крестьяне видели своих соседей-беларусов иначе, чем интеллигенция – значительно менее идеологизированно и политизированно.

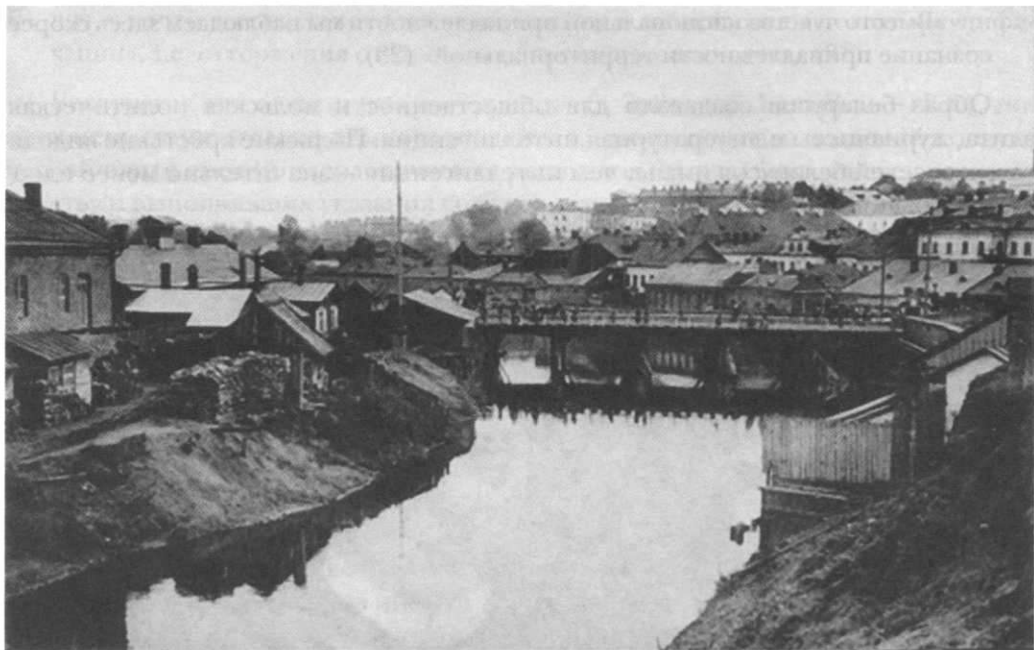

Пан с супругой

Но все же, как отметил Ежи Томашевский, «большая часть польского общества ничего не знала о беларусах и думала, что «крэсовую» деревню населяют поляки, во всяком случае этнически польское население, которое вследствие захвата русскими подверглось чужим влияниям и утратило национальное сознание. А в кругах, близких к властям, доминировало убеждение, что в Польше нет беларуского вопроса» (24).

* * *

О беларусах в БССР польское общество межвоенного времени знало еще меньше. Советская Беларусь воспринималась как край, подчиненный Москве и коммунистический – значит, враждебный. Там ликвидировали частную собственность, устроили колхозы, которыми пугали людей в Польше. Одним из источников информации о «советах» были сенсационные повести бывшего контрабандиста Сергея Пясецкого.

Мост через Свислочь в Минске
(сейчас здесь новый мост по улице Максима Богдановича)

В результате большевистской революции и установления власти советов в Восточной Беларуси полностью исчезли помещики, арендаторы и другие землевладельцы. Ее территорию покинуло большинство польских интеллигентов, беженцев из Польши и тех, кто приехал сюда сравнительно недавно на заработки, а также зажиточные люди, которым было что терять. Осталось, в первую очередь, деревенское население – крестьяне и довольно многочисленная мелкая шляхта, а в городах – рабочие.

Появилась небольшая, но активная группа польских коммунистических деятелей – выходцев с территории возрожденного польского государства и различных регионов бывшей царской России.

Польская общественность, особенно наиболее консервативная деревенская, оставалась в плену понятий, вынесенных из царской России: для нее любая непольская власть была антипольской.

Иногда случались конфликты с локальными группами беларусов на почве раздела панских земель. К примеру, можно привести спор между двумя деревнями на Витебщине – польской (Межонки), населенной мелкой шляхтой, и беларуской крестьянской (Дулебы). Комиссия, созданная властями, сообщала:

«Крестьяне смотрят на межонковцев как на панов, а те считают их пьяницами, которым нельзя давать новой земли» (28).

Коммунисты пытались ослабить такие взгляды. Некоторое время они энергично развивали польскую школу, культурные организации и органы самоуправления, был даже создан польский автономный район (Дзержинщина; 1932–36 гг.). Издавалось много газет и книг на польском языке.

Все это имело целью ускорение процесса советизации этнических поляков в БССР, а также создание образца (и источника руководящих кадров) для будущей социалистической Польши. И все же советский вариант «польскости» оствался чуждым большинству поляков в советской Беларуси. Профессор Николай Иванов пишет:

«Почти все польское населения “крэсов” относилось безразлично, а иногда даже враждебно и к советской власти, и к польской автономии на территории СССР» (25).

Враждебное отношение к формально беларуским властям усиливала их однозначно антикатолическая политика, коллективизация, репрессии второй половины 30-х гг. (особенно с 1938 г.).

По-прежнему сохранялись давние стереотипы, которые отождествляли поляков с панами или шляхтой, а беларусов – с простыми селянами. Такие взгляды сохранялись прежде всего в деревне, хотя давно не было уже ни польских помещиков («панов»), ни фабрикантов, значительно сократилась численность польской интеллигенции, а беларусы – особенно в период так называемой беларусизации (20-е годы) – составили явное большинство на всех уровнях руководства.

В отличие от империи Романовых, власти которой руководствовались национальной идеологией (что отчетливо проявлялось в действиях чиновничества), новые власти в своей идеологии и практической деятельности чрезмерно эксплуатировали классовые лозунги. Потому новый стереотип беларуса формировался у местных поляков в немалой степени под влиянием репрессий, осуществлявшихся местными властями. Тем более, что эти репрессии часто были гораздо более суровыми по сравнению с теми, что осуществлял раньше царизм.

Местные власти, формально беларуские, полностью подчинялись Москве. После сворачивания беларусизации они опять вернулись к русскому языку. Среди них, помимо беларусов, можно было видеть русских, евреев и представителей других наций. Отношение поляков к властям становилось все более негативным.

Беларусы-крестьяне представлялись соседям-полякам примерно такими же, как и раньше. Но появились также беларусы-коммунисты, партийно-государственные функционеры («аппаратчики»), чаще всего выходцы с самых низов общества. Их следовало опасаться.

2. Поляки в глазах беларусов

Большевистская революция дала возможность беларуским крестьянам проявить сильную неприязнь (обусловленную, правда, не национальными, а классовыми факторами) к местным помещикам («панам»), в своем большинстве – полякам.

Последствия этого переворота были очевидны в Польской республике. Беларуские крестьяне отныне воспринимали поляков в классовых категориях, а после воссоздания Речи Посполитой через отношения «власть – подвластный», которые были для крестьян достаточно болезненными. В глазах беларуского крестьянства «польскость» олицетворяли скорее помещики, полицейские, городские интеллигенты, чем «мазурские» соседи-крестьяне. По-прежнему важным оставался конфессиональный фактор.

Говоря о периоде после мировой войны, Збигнев Запаровский подчеркивает иррациональный страх «беларуского населения перед Польшей, как будто перед возвращением барщины; перед потерей привилегированного до сих пор положения православия. Эти настроения активно подогревались антипольской пропагандой, которая звучала с разных сторон. Она находила отзвук среди православных, которые на протяжении жизни нескольких поколений находились в сфере влияния российских институтов: администрации, церкви, школы, армии... Довоенная жизнь казалась им безопасной и сытой» (26).

Серьезную неприязнь беларуских крестьян к польским властям вызвало осуществление принятой Сеймом в конце 1920 года программы военно-гражданской колонизации (осадничества) на восточных землях («крэсах») Речи Посполитой.

Беларуская интеллигенция, обманутая польскими властями, в том числе Пилсудским, во время установления нового политического строя в этом регионе (мизерными уступками в пользу беларусов при отсутствии автономии) – открыто говорила о своей политической оппозиции.

Православное священство, утратив прежнюю поддержку администрации (российской), возлагало вину за ухудшение своего социального и экономического положения на польские власти, влияя тем самым на настроения населения и создавая негативное отношение к польскому государству.

На отношение беларуского крестьянства к власти вообще, в том числе к польской, существенно повлиял его опыт, вынесенный из мировой войны, большевистской революции и последующих войн. Тот факт, что власть быстро переходила из рук в руки, способствовал падению общего авторитета этого важнейшего института.

Антипатия беларуского населения к польским властям была наиболее ощутимой в 20-е годы. В течение следующего десятилетия она постепенно слабела, в немалой степени под влиянием вестей, приходивших тогда из БССР. Ф. Селицкий пишет:

> «Тем не менее во многих «русских» (т.е. православных) деревнях большевиков ждали вплоть до 1939 года. Жители Крупников «терпеливо ждали “большевиков”, начиная с 1921 года, когда здесь укрепилась польская власть. Каждую осень они старались чем раньше сеять рожь, веря, что большевики придут именно ранней осенью. Их неприязнь к «польскому праву» проявлялась, между прочим, в том, что они выезжали в поле 3 мая и 11 ноября (даты государственных праздников – Дня Конституции и Праздник Независимости – Прим. ред.), не желая праздновать, хотя это угрожало полицейской карой» (27).

На негативное отношение беларусов к польскому государству влияло также их знание о том, что в БССР беларуский язык используется в государственных учреждениях и системе образования. Известный деятель партии «Беларуская христианская демократия» ксёндз Адам Станкевич, характеризуя отношение в Польше к беларускому языку, отмечал «факт государственной нетолерантности к нашему народу» (28).

Газета «Bielaruskaja Krynica», высказывая сожаление ввиду закрытия беларуских школ, писала 10 августа 1933 года:

> «В культурно-просветительской сфере проводится систематическая полонизация молодого поколения беларусов».

Беларуская интеллигенция болезненно реагировала на дискриминацию беларуского языка и беларуской школы, политических свобод, и более всего – на ограничение культурно-национальных (а не только классовых) устремлений беларусов. Польских политиков упрекали в том, что они использовали наивность беларусов в момент создания Второй Речи Посполитой. Не были исполнены обещания, данные в то время беларусам.

Так среди беларуской элиты формировался стереотип хитрого, спесивого поляка, предателя и ловкача, нетерпимого к чужим мнениям. В первую очередь он касался польских политиков и представителей администрации. Но высказывались обвинения и в адрес польской интеллигенции: она не поддержала стрем-

Руины дворца магнатов Сапег в Чарее (Чашникский район Витебской обл.)

ление беларусов к развитию собственной национальности, а также экономической независимости. Бронислав Тарашкевич, завершая свою статью в газете «Przeglad Wilenski» /Виленское обозрение/ высказал горький упрек польским интеллигентам:

> «Вы хотите могучей Польши, а из друзей делаете врагов, требуете гражданской жертвенности, а пробуждаете только озлобленность и неприязнь. Как бы вам горько не пожалеть об этом в годину испытаний» (30).

Стереотип поляка – политика, помещика, представителя администрации, полицейского – окрашенный яркими эмоциями, не исчерпывал для беларуского интеллигента видения «польскости» в целом. Но вне сферы политики и власти эта «польскость» воспринималась примерно так же, как до 1914 года. Межвоенное 20-летие было слишком коротким промежутком времени для того, чтобы прежние стереотипы изменились коренным образом.

Барановичи в начале 30-х гг.

Поляков считали людьми, крепко связанными с Западом (в отличие от русских). Они настойчиво борются за свою свободу (хотя уже не всегда дают ее другим), значительно активнее беларусов в общественной жизни, национально консолидированы, патриоты и даже националисты. В польской культуре отмечалась романтическая традиция, а ее «панскость» воспринималась достаточно амбивалентно.

Типичный беларуский интеллигент на «крэсах» все чаще воспитывался в сфере польской культуры. Она не была ему чужой – это была и его культура, хотя и не в национальном смысле. Эта близость усложняла ему стереотипизацию «польскости» вне сферы конфронтации с ней.

Крестьяне обычно отрицательно оценивали польских чиновников и полицейских, но значительно лучше своих соседей — польских крестьян. Польские власти они упрекали в высокомерии, фанаберии, безжалостности. Но так было не во всех случаях. Например, польская армия чаще всего казалась беларуским рекрутам привлекательной. Отношения с помещиками часто бывали не только вполне корректными, но и просто хорошими. Польская «шляхетность» тоже была притягательной, особенно если она создавала возможность карьеры.

Для беларусов Польши после 1921 года БССР являлась положительным образцом, со временем все меньше соответствующим действительности. С ней сопоставляли реальную Польшу, которая часто рассматривалась через призму классовой и национальной несправедливости. Фантастический образ советской Беларуси вступил в острую конфронтацию с реальностью после 17 сентября 1939 года.

* * *

В БССР — государстве, где на каждом шагу провозглашались классовые лозунги, пропагандировались социалистические идеи, — «польскость» ассоциировалась у беларусов с классовой эксплуатацией помещиками и буржуазией, с национальной нетолерантностью, с территориальными захватами.

Понятно, что эта официальная позиция неизбежно экстраполировалась на поляков советской Беларуси. И они же должны были стать образцом для будущего польского социалистического государства. Поэтому столь негативное видение «польскости» пытались видоизменить, не стыкуя его с местными поляками.

Такому подходу способствовала политика поддержки национальных меньшинств, проводившаяся в БССР с середины 20-х годов до середины 30-х. Резолюция ЦК КПБ по национальному вопросу от 29 января 1925 года обращала внимание партийно-советских работников на необходимость проводить среди беларуских крестьян разъяснительную работу, направленную

> «против пережитков ничем не обоснованного отношения к польским крестьянам как к врагам рабочих масс и советской власти, что было обусловлено прежним наличием в Белоруссии развитого помещичьего землевладения и всеобщим подозрением, что польское население склоняется к буржуазной Польше».

В отличие от польских капиталистов, помещиков, властной верхушки Польской республики, польский народ по обе стороны границы должен был быть близок беларускому народу, являться его классовым союзником. Однако после государственного переворота 1926 года в Польше, в СССР получил широкое распространение стереотип «фашистской Польши». Он закрепился в сознании беларусов на долгие десятилетия. Пропагандировалось официальное представление о «панской Польше» и ее руководстве — «белополяках». Изучая прессу БССР второй половины 20-х годов Андрей Кротов нашел там «образ Польши — враждебного государства, издыхающего в предсмертных конвульсиях, и образ польского народа, отравленного шовинизмом, великодержавностью и ненавистью к не-полякам» (31).

Во второй половине 30-х годов, после неудачи в деле построения «польского социалистического общества» в СССР, в ситуации ухудшения польско-советских отношений и усиления сталинских репрессий, советские власти пришли к вы-

воду, что соединение «польскости» с идеей коммунизма – задача очень тяжелая. Отныне польское крестьянство интерпретировалось как опора реакции и клерикализма. Поляков, проживавших на бывших восточных землях бывшей Речи Посполитой, стали причислять к так называемому «ненадежному элементу».

> «К кампании внедрения в сознание обывателя советского стереотипа «поляка – врага народной власти», «поляка-саботажника», «поляка-вредителя», «поляка – фашистского шпиона» – активно подключились печать, театр, кино, художественная литература» (32).

В 30-е годы в беларуской историографии закрепилась «модернизированная великорусская концепция, соединенная с большевистскими догмами». Через призму этой концепции авторы исторических, идеолого-пропагандистских работ, школьных учебников смотрели не только на саму историю Беларуси, но и на роль поляков в ней. В официальной сфере «польскость» воспринималась только негативно.

Москва распространяла российско-советские, национально-классовые стереотипы поляков. Хотя это не значит, что они доминировали среди беларуского народа, однако их существование становилось все более заметным на фоне прежних представлений, постепенно слабевших. Беларусь стала закрытой для внешнего мира, в том числе для ближайшего на Западе, а на других она начала смотреть чужими, российскими глазами.

ИСТОЧНИКИ:

1. M. Czarnowska. Zabytki mitologii slowianskiej w zwyczajach wiejskiego ludu na Bialej Rusi dochowywane // Dziennik Wilenski. Tom VI. 1817, lipiec – grudzien, s. 397.

2. В то же время россиянин И. Попов писал: «Белорус не изведал татарской неволи, поэтому остался относительно добродушным и покладистым, это привело также и к сохраненю большей патриархальности в отношениях». (И. Попов. Белоруссия и белоруссы. Москва, 1903, с. 21.)

3. J. Czeczot. Piosenki wiesniacze z nad Niemna. Wilno, 1837, s. V.

4. J. Blonski. Polski raj // Tygodnik Powszechny, 1987, № 51–52.

5. J. Kieniewicz. Dereszewicze. 1863. Wroclaw, 1986, s. 137.

6. Korespondencja z Wilna // Dziennik Poznanski. 1887, № 187.

7. Gazeta Rolnicza. 1885. 35 (list Ottona Missuny).

8. E. Woynillowicz. Wspomnienia 1847–1928. Cz. 1. Wilno, 1931, s. 210-211.

9. M. Czurak. Komizm w bialoruskiej prozie ludowej. Wroclaw, 1984, s. 32-38. Подробно этот вопрос рассмотрен в книге Ю. Чернявской «Белорусы: от "тутэйшых" к нации», изданной в Минске в 2010 г.

10. E. Jelenska. Wies Komarowicze w powiecie mozyrskim. // Wisla (Warszawa). 1892, Tom V, s. 52.

11. Революционное движение в Литве и Белоруссии 1861–1862 гг. М., 1964, с. 38.

12. Наша Нива, 1907, № 5, с. 6.

13. П. Терешкович. Этнические стереотипы в традиционной ментальности белорусов (рукопись), с. 6.

14. «Наша Ніва», 1908, № 9, с. 2.

15. «Наша Ніва», 1911, № 31-32, с. 39.

16. «Наша Ніва». 1913, № 48, с. 1.

17. «Наша Ніва», 1909, № 12, с. 179.

18. K. Moszynski. Stosunki narodowosciowe w Wilenskiem kraju. // Mysl Polska, 1918, z. 1-2, s. 25.

19. W. Wakar. Rozwoj terytorialny narodowosci polskiej. Cz. III. Statystyka narodowosciowa kresow wschodnich. Kielce, 1917, s. 11.

20. J. Jurkiewicz, s. 69.

20. J. Jurkiewicz, s. 70.

21. Cz. Milosz. Rodzinna Europa. Paryz, 1989, s. 52.

22. T. Lopalewski. Miedzy Niemnem a Dzwina. Ziemia wilenska i nowogrodzka. Poznan (без года издания), s. 40.

23. T. Lopalewski, s. 34.

24. Bialorusini w oczach polakow. 1919–1939 // Literatura na swiecie. 1991, № 8-9, s. 237-238.

25. M. Iwanow. Pierwszy narod ukarany. Polacy w Zwiazku Radzieckim 1921-1939. Warszawa-Wroclaw, 1991, s. 159.

26. Z. Zaporowski. Stosunki polityczno-spoleczne na polnocno-wschodnich kresach drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939 // Spoleczenstwo bialoruskie, litewskie и polskie na ziemiach polnocno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1995, s. 62.

27. F. Sielicki. Region dolginowsko-budslawsko-krzywicku na dawnej Wilenszczyenie. Kronika historyczna. Warszawa-Wroclaw, 1989. S. 161.

28. Ks. A. Stankiewic. Rodnaja mowa u swiatyniach. Wilnia, 1929. S. 139.

30. Bialorusin. Nie tedy droga // Przeglad Wilenski. 10.02.1924.

31. A. Krotau. Obraz polakow w prasie bialoruskiej lat dwudziestych // Sprawy Narodowosciowe – Seria Nowa. 1996. 1, S. 194.

32. M. Iwanow, S. 358.

БЕЛАРУСЫ В ПОЛЬСКИХ МЕМУАРАХ

Юрий Вашкевич

Мемуарная литература сама по себе не является источником для исторических исследований и не может дать полной правды о явлении или стране, ибо в ней преобладают субъективные оценки. Тем не менее, поскольку эти оценки касаются территорий, с которых происходят сами авторы, и тамошних людей – они, бесспорно, служат свидетельством эпохи и отражают реальные картины жизни.

Большинство воспоминаний и произведений мемуарного характера, о которых здесь идет речь, появились в эмиграции. В этом нет ничего странного, ведь положение авторов в Польше и в эмиграции различалось принципиально. В ПНР события, связанные с бывшими польскими территориями, которые захватил Советский Союз, являлись запретной темой, а понятие «крэсы» вообще исчезло из официального языка. Правда, после 1956 года эта тематика начала понемногу возвращаться, главным образом в литературных и публицистических произведениях, но возможность свободного их обсуждения возникла только после 1989 года.

Эмигрантские авторы были в совсем ином положении. Помимо отсутствия какой-либо цензуры, сами условия эмиграции склоняли их к отражению фактов и подлинных событий. После 1945 года там появилось много воспоминаний. Среди них можно выделить ряд произведений, связанных с утраченными территориями Второй Речи Посполитой, в которых затрагиваются национальные и политические проблемы.

Мемуаристы происходили преимущественно из шляхты, поэтому тематика воспоминаний чаще всего земская, в них преобладают мотивы поместий и светской жизни. С жизнью поместья неразрывно связан и народный мотив, выступающий в виде описания отношений между шляхтой и местным крестьянством. В литературе, о которой идет речь, беларусы – жители этих земель – появляются только как эпизодические фигуры, образуя экзотический фон, на котором происходят события.

Тематически можно выделить две группы мемуаров. Первое (ностальгическое) составляют воспоминания, которые можно отнести к литературе факта. Второе – это мемуарная проза, отражающая реальность в литературно преобразованной форме и потому относится к категории описательной прозы. Хронологически эта литература охватывает периоды XIX и XX веков (до 1939 года).

* * *

Янина Жултовская из Путкамеров дает в своих воспоминаниях образ повседневной и интеллектуальной жизни шляхты перед Первой мировой войной на Виленщине, Новогрудчине и Полесье. В ее воспоминаниях проявляется глу-

Из журнала «Беларускі гістарычны агляд», том 6 (1999), сш. 1–2, с. 81–88.

бокая привязанность к родной земле и в то же время удивительное безразличие к простым людям, живущим на этой земле. Она не замечает здесь другой нации, кроме польской. На основании наблюдений над религиозной жизнью Виленщины она делает следующий вывод:

> «Странным вероятно покажется, что потом наше собственное польское правительство этих самых людей назвало «беларусинами» (1).

Патриотическое отношение к земле предков определяет и воспоминания Вацлава Ледницкого. Одна из главных тем его воспоминаний — польское шляхетство на Виленщине, Витебщине и Смоленщине. Автору, который из профессиональных соображений большую часть года проводил в Москве, приезд на правый берег Днепра давал «чувство духовного комфорта и отдыха», ибо «на Белой Руси мы каждый раз испытывали нечто вроде магического преображения: там все было сродни нашей собственной жизни, все было польское» (2). О беларусах автор вспоминает только в связи с возможными интригами против русских и в кратком описании жителей западной Смоленщины чисто этнографического характера.

Энциклопедией жизни шляхты на Полесье и Минщине на грани XIX–XX веков можно назвать воспоминания, помещенные в книге Антония Кеневича «Над Припятью давным-давно...». Эти воспоминания богаты подробностями и отступлениями, а включенные в них описания местностей, местечек и дворов — бесценный исторический источник о тех временах. Кеневич писал о своей малой родине и земле своих предков так:

> «Кто в том краю родился, тот ощущал себя там всегда счастливым, а каждый приезжий всегда удивлялся ему, покидал его с печалью и с величайшей радостью возвращался к нему. (...) Постоянный житель не может не любить Полесья, всегда чувствует себя счастливым»... (3).

А вот слова Михала Павликовского, уроженца Минщины:

> «Поместье было, как правило, благосклонно к “беларусчине”. С крестьянином разговаривали по-беларуски. Правильная и беглая беларуская речь была как бы своеобразным стилем. Поощрение беларуского языка, фольклора и обычаев и забота о них считались единственно плодотворным, и притом легальным, способом борьбы с русификацией» (4).

Именно борьба с русификацией в большой мере определяла «тутэйшую» или «краёвую» ориентацию шляхты, которая хотела согласно сосуществовать с беларусами (5).

Совсем иные настроения преобладают в воспоминаниях периода Второй мировой войны. Отношения между поляками и беларусами выглядят в них не так идиллично, как в рассказах некоторых мемуаристов о прежних временах. Грандиозный катаклизм изменил обычный порядок вещей. Горечь потери «малой родины», а вместе с ней и всего шляхетского мира, часто вела к крайностям в оценках и высказываниях. В воспоминаниях Янины Ковальской о ее родных местах мы находим весьма характерные выпады в адрес беларуского населения:

«А кто опустошил посаженный нами перед выселением сад и вырвал все красные цветы, чтобы украсить ворота для Красной Армии? Кто завербовал нашу служанку Вэрцю, чтобы донесла, когда отец вернется домой, ибо хотели с ним посчитаться? (...) А теперь их хоть к ране прикладывай. (...) Поговорить они могут, но о сердечности нет речи» (6).

При этом большинство мемуаристов не принимало во внимание ни национальные устремления беларусов, ни изменения, которые произошли в обществе на «крэсах» и в большой мере были обусловлены политикой польских властей в межвоенный период.

Беларуские крестьяне (фото конца XIX века)

К этой политике обращается в своих воспоминаниях Чеслав Милош, оценивая ее как «метод твердой руки» в отношении национальных меньшинств, вне всяких сомнений «абсурдный» и «безумный» (7).

«...Польские власти очень отупляли беларусов. Эмансипация беларуской молодежи крестьянского происхождения автоматически означала ориентацию на Минск, где экспонировалась показная беларусчина, и они сразу делались коммунистами. (...) Отсюда те непрерывные коммунистические процессы в Вильно, что устраивались главным образом против беларусов, и вся антибеларуская политическая кампания» (8).

«...Что до беларусов, то пара их гимназий, которые администрация все время закрывала и преследовала, выпускали борцов, которые смотрели на Минск как на единственный центр, где их язык был признан «языком культуры» (9).

Похожую оценку мы находим и в воспоминаниях Гражины Струмилло-Милош:

«В течение этих двадцати лет применительно к беларусам по вине нашей государственной администрации несомненно накопилось много несправедливостей» (10).

Причины и генезис этого явления иллюстрирует Ежи Кирхмайер, ссылаясь на собственный жизненный опыт:

«Надо было искать взаимопонимания с литовцами, беларусами, украинцами (...), ибо поселение на Виленщине благодаря только минутному вооруженному преимуществу я считал в лучшем случае временным. /.../ Мы судорожно держались за нереальное землевладение, которое ослабляло нас от года к году. Доказательством тому пусть будет хотя бы враждебное отношение к нам части беларуского населения в сентябре 1939 года. Сопоставляю это с тем фактом, что, имея

постоянные отношения с беларуским рекрутом во время моей службы в Вильно, т.е. в первое десятилетие независимой Польши, я не заметил у него даже малейших примет такой враждебности, а отметил (...) много благосклонности и доброжелательности» (11).

Антипатия, а временами и враждебность национальных меньшинств к польскому государству межвоенного периода придала некоторым мемуарам черты катастрофичности. Катастрофические настроения очень ярко отразились в творчестве Чеслава Милоша, говорившего о весьма заметном политическом, языковом и религиозном напряжении на беларуских просторах Второй Речи Посполитой (12). Автор вспоминает о почти физически ощущаемой враждебности тогдашней беларуской деревни, которая отождествляла все польское с «панским» и «западным», что вызывало даже у маловпечатлительных людей «страх перед темной стихией» (13).

Эти страхи были тем более обоснованы, что не стерлась еще память о революционных погромах 1917–1918 г. Волнующее описание разграбления и уничтожения семейного гнезда Кеневичей – Дерашевич – приводит в своих воспоминаниях Антоний Кеневич, одновременно удивляясь и ужасаясь:

«Разгром учинили не чужие стихии, не бродячая солдатня, а люди из ближайшей деревни Голубицы. Люди, с которыми мои деды, потом родители, а потом мы оба жили в величайшем согласии. Люди из деревни, в которой мы знали по имени не только каждого хозяина, но его жену и детей. /.../ И эта ближайшая, своя деревня могла учинить такую ужасную вещь!» (14).

Трагизм ситуации усиливает предположение Милоша о том, что коммунизированная беларуская молодежь стремилась оторвать от Польши ее восточные воеводства (15).

Размышляет Милош и о причинах национальных конфликтов:

«Вся польская культура – это культура извечно шляхетская. (...) Туда, где звучит польский язык, проникают все шляхетские понятия. Иначе говоря, конфликт между, скажем, поляками и литовцами, или поляками и беларусами, основывался не только в языке, не только в национальности, а в идеале» (16).

Беларуские крестьянки (фото 1920-х гг.)

Воспоминания Янины Жултовской о беларусах-полешуках живописуют людей, терпимых и лояльных в мирное время, которые, однако, в периоды общественных

катаклизмов проявляют спонтанную неприязнь и даже враждебность к поместью и местной шляхте. О якобы природных рефлексах ненависти крестьян-беларусов к полякам – «угнетателям» и «кровопийцам» – пишет и Гражина Струмилло-Милош.

При советской власти «крэсы» стали другими

Среди мемуаристов господствует согласная оценка состояния национального сознания беларусов. Они отмечают трудности с самоидентификацией, подчеркивают нехватку национальных центров кристаллизации, которая обусловливала готовность принимать идеи связи извне, «имея на выбор полонизацию или русификацию». Такое состояние ярко рисует Чеслав Милош:

«Крестьяне в длинных кожухах, которые привозили на рынок плоды своего хозяйства, говорили на языке, который чаще всего трудно было определить как польский или беларуский. К отчаянию их более сознательных братьев, они не понимали (за исключением летувисов, резко отделявших себя от славян), что значит национальность, и когда у них ней спрашивали, они обычно отвечали: «православный» или «католик» (17).

В другом месте Милош вспоминает:

«...Когда у крестьян из окрестностей Вильно спрашивали о национальности, они говорили: „Тутэйшыя“». (18)

Янина Жултовская, описывая Виленщину и Новогрудчину конца XIX века, вспоминает:

«В те времена простой человек, у которого спрашивали, кто он, несмело отвечал: „я католик“, и это значило, что он несколько раз бывал в костёле, кое-как умел читать, молился по польской книжке или пел польские песни» (19).

Вопрос национального сознания беларусов затрагивает и Мария Чапская в своих воспоминаниях о Минщине. Она пишет о конторщиках и слугах поместья в Станькове в связи с уроками, которые давались их детям:

«Родители наших учеников очень заботились о польском языке, хотя между собой говорили по-беларуски и не имели четкого национального сознания: на вопрос, поляки ли они, отвечали, что они «здешние», сознавали свою отличительность, но католичество и польскость были «панскими», и это их привлекало. «Нашему языку нам учиться не надо – мы же его знаем!» – объясняли они» (20).

Михал Павликовский видит в замедленном развитии беларуского общества парадоксальное противоядие от последовательных методов русификации, которые использовали царские власти:

«В деревенских школах учили только по-русски. Беларуский язык, в литературе на котором тогда (конец XIX – начало XX вв. – *Авт.*) только прорезывались зубки, преследовался наравне с польским. (...) Однако, к счастью для беларуского фольклора и языка, процесс русификации шел очень медленно. Хлопец, который заканчивал деревенскую школу (если вообще в нее попадал) и детина, который возвращался из армии, как правило, возвращались к прежней неграмотности и через несколько лет опять поглощались беларуским окружением. (...) Историки могли бы отметить интересный парадокс: чувство национальной особенности у теперешних беларусов во многом обязано темноте крестьянских масс времен царского господства» (21).

Отмечают мемуаристы и полонизационные процессы, издавна происходившие в беларуском обществе. Например, Мария Чапская пишет:

«На протяжении веков польского лидерства на Литве и Беларуси элита народа, с большим для этого народа вредом, полонизировалась и отрывалась от своей почвы. (...) Постепенно она включалась в прибывший польский элемент, принимая язык, обычаи и признание колонизаторов, обогащая своими ценностями, силой и воинственностью польский элемент, вместо того чтобы творить элиту своего народа» (22).

Символическое изображение современной Беларуси (фотомонтаж польского автора)

ИСТОЧНИКИ:

1. 1 Zoltowska J. Inni czasy inni ludzie. Londyn, 1959, s. 83.
2. Lednicki W. Pamietniki. Tom 1. Londyn, 1963, s. 24–25.
3. Kieniewicz A. Nad Prypecia dawno temu... Wspomnienia zamierzchlej przeszlosci. Wroclaw – Warszawa – Krakow, 1989, s. 204.
4. Pawlikowski M. Minszczyzna // Pamietnik Wilenski, Londyn, 1972, s. 301.
5. Там же, с. 398.
6. Kowalska J. Moje uniwersytety. Londyn, 1971, s. 230.
7. Czeslawa Milosza autoportret przekorny. Krakow, 1988, s. 100.
8. Czeslawa Milosza autoportret..., s. 259, 275.
9. Cz. Milosh. Kontynenty. Paryz, 1958, c. 262.
10. Strumillo-Milosz G., Znad Switezi w glab tajgi. Olsztyn, 1990, s. 23.
11. Kirchmayer J. Pamietniki. Warszawa, 1962, s. 169.
12. Czeslawa Milosza autoportret..., s. 286.
13. Milosz Cz., Ziemia Ulro. Paryz, 1980, s. 208.
14. Kieniewicz A., Nad Prypecia dawno temu...
15. Milosz Cz., Rodzinna Europa, s. 62.
16. Czeslawa Milosza autoportret..., s. 269.
17. Milosz Cz., Rodzinna Europa, s. 62.
18. Czeslawa Milosza autoportret..., s. 268.
19. J. Zoltowska, s. 83.
20. Czapska M., Europa w rodzinie. Warszawa 1989, s. 157.
21. Pawlikowski M.K., s. 294.
22. Czapska M., Czas odmieniony. Paryz, 1978, s. 42–43.

СЕНТЯБРЬ 1939: ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЛИ ПОРАБОЩЕНИЕ?[1]

Анатоль Тарас

Семьдесят один год назад войска Красной Армии и НКВД внезапно пересекли границу с Польской республикой на всем ее 1200-километровом протяжении и начали стремительно продвигаться в западном направлении.

Во вторжении участвовали войска только что созданных Белорусского и Украинского фронтов: 21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 механизированные бригады. Всего 617.588 человек, 4736 танков и бронемашин. В следующие три недели оба фронта получили еще 44 стрелковые дивизии и 3 танковые бригады. Численность войск достигла 2 млн 400 тыс. человек, число танков и бронемашин – 6096 единиц! Напомню для сравнения, что в июне 1941 года у немцев при вторжении в СССР было около 4-х тысяч танков, самоходных пушек и бронемашин.

С польской стороны гигантской орде «красных» противостояли лишь формирования пограничников. В Беларуси – 9 батальонов и 2 эскадрона, в Украине –10 батальонов и 1 эскадрон.

Советские историки всегда называли эту акцию «освободительным походом». Дескать, пришло время освободить братьев-беларусов и братьев-украинцев от национального и социального угнетения польскими помещиками и капиталистами, соединить разобщенные территории и народы Беларуси и Украины. Но такое объяснение – ложь.

Во-первых, территорию западной Беларуси и Украины власти РСФСР отдали Польше по условиям Рижского мирного договора. Отдали, потерпев поражение в захватнической войне 1920 года, после долгого торга на переговорах. Кстати, делегация РСФСР предлагала тогда польской стороне ВСЮ Беларусь – при условии отказа поляков от Западной Украины. Но поляки не согласились, потому что в таком случае им было бы трудно ассимилировать слишком большую массу беларусов.

Во-вторых, за 18 лет, прошедших со дня заключения Рижского договора, руководство РСФСР и СССР НИКОГДА не говорило о том, что надо воссоединить разобщенные «братские народы». Напротив, оно заключило ряд договоров с Польшей (в 1929, 1932, 1934, 1938 гг.), которые подчеркивали незыблемость границ, установленных между двумя государствами и содержали обязательства решать все спорные вопросы путем переговоров.

В Договоре о ненападении от 25 июля 1932 года СССР гарантировал Польше целостность территории. Советско-польское соглашение от 9 июня 1938 года подтвердило, что основой отношений между странами является договор 1932 года о ненападении.

---

[1] Статья перепечатана из газеты «Новы час» № 33 (161) от 11 сентября 2009 г.

Карта раздела Польши между Германией и СССР по договору от 28 сентября 1939 г. (Из книги «Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов». Москва, Военное издательство Наркомата обороны СССР, 1939 г.)

В-третьих, «социальное угнетение» трудящихся Западной Беларуси и Украины не шло ни в какое сравнение с абсолютно бесправным и нищенским положением крестьян и рабочих в СССР. В этом «освобожденные» братья и сестры» убедились очень скоро, что называется, «на собственной шкуре».

В-четвертых, боевые приказы войскам Беларуского и Украинского фронтов в сентябре 1939 года свидетельствуют, что их главной задачей являлось не освобождение беларуского и украинского населения (для этого достаточно было вытеснить польские части), а разгром польской армии и ликвидация органов власти польского государства. Более того, было приказано отрезать пути отступления польским частям в нейтральные страны!

* * *

Советские историки лицемерно изображали сентябрьское вторжение 1939 года как событие, якобы отделенное от мировой политики. Но факты говорят сами за себя. В конце 1930-х годов в Европе сложились два антагонистических военно-политических блока – западных демократий и фашистских режимов. Оба блока стремились сделать своим союзником СССР, уповая на его колоссальные природные и человеческие ресурсы, внушительную военную

силу. Сталин, установивший в СССР режим своей личной диктатуры, предпочел нацистов – более близких ему по духу и методам. 23 августа 1939 года в Москве был подписан пакт о ненападении между Германией и СССР.

Это соглашение, во-первых, означало сговор двух режимов и установление между ними отношений дружбы и взаимной помощи. Во-вторых, был произведен раздел «сфер влияния» в Восточной Европе, зафиксированный в секретном протоколе. Гитлер согласился с тем, что судьба Финляндии, Эстонии, Латвии, Летувы, Западной Беларуси, Западной Украины и Бесарабии отныне определяется в Москве. Кроме того, Сталин обещал оккупировать территорию Западной Беларуси и Украины. Надо специально подчеркнуть: он дал такое обязательство еще ДО НАЧАЛА германской агрессии против Польши!

Два хищника сговорились и заранее поделили будущую добычу. Советско-германская граница должна была пройти по рекам Плисса, Нарев, Висла, Западный Буг и Сан. Варшава отходила к СССР, Летува – к Германии. Однако немного позже Сталин сторговался с Гитлером, уступил ему «свою» часть Польши в обмен на всю Летуву (этот обмен был оформлен секретными протоколами от 28 сентября 1939 г. и от 10 января 1941 г.) и с уплатой золотом 7,5 миллионов долларов.

Гитлер напал на Польшу 1 сентября, Сталин – 17 сентября.

Пора уже через семь десятилетий называть вещи своими именами. Ударив в спину Польше, СССР вступил в войну на стороне нацистской Германии. Это факт, а все остальные утверждения советских и российских политиков, историков, журналистов – словесная эквилибристика.

Совершенно правильно международное сообщество в июле 2009 года подавляющим большинством голосов приняло резолюцию, в которой прямо назвало СССР соучастником нацистской агрессии против Европы.

Поскольку руководство СССР никогда не говорило о необходимости воссоединения западных областей Беларуси и Украины с восточными, потребовалась формулировка, оправдывавшая перед советскими гражданами вторжение Красной Армии на территорию Польши. После согласования с немцами был избран следующий вариант официального заявления Москвы:

> «Советское правительство не может безразлично относиться к тому, чтобы украинцы и белорусы, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными».

Агрессоры всегда утверждали, что «мы стоим за мир...» (плакат 1930-х гг.)

Советские войска идут через деревню в Западной Беларуси (сентябрь 1939 г.)

Так была сфабрикована выдумка об «освободительном походе». В СССР она пропагандировалась как «единственно верная» вплоть до последнего дня существования этого государства. Например, вот что сказано в «Советской исторической энциклопедии»:

> «Предпринимая нападение на Польшу, руководители Германии стремились не столько лишить Англию и Францию их союзника, сколько вывести свои войска непосредственно к советским границам и заблаговременно занять удобные позиции для нападения на СССР. Для того, чтобы помешать осуществлению этого плана, исправить историческую несправедливость в отношении западных частей Украины и Белоруссии, насильственно включенных в прошлом в состав Польши и не допустить захвата их Германией, Советское правительство отдало 17 сентября 1939 года приказ приступить к освободительному походу, в результате которого были освобождены западные украинские и белорусские земли и приостановлено распространение гитлеровской агрессии на Восток» (СИЭ, том 11. М., 1968, с. 353–354).

Какая наглая ложь! Почему же, в таком случае немцы, занявшие Брест и Львов, ушли оттуда, открыв путь Красной Армии? И почему войска Вермахта и РККА провели совместные парады в Бресте и Львове?

* * *

Да, западные беларусы и украинцы соединились с восточными. К сожалению, этим фактом все хорошее и ограничилось. Поход 1939 года принес жителям Западной Беларуси множество страданий, а многим и смерть. Перечислю по пунктам то, что внезапно свалилось им на головы:

▪ Полное ограбление и лишение свободы крупных и средних землевладельцев (помещиков, арендаторов, богатых крестьян, колонистов-осадников), а также крупных и средних предпринимателей – независимо от национальности. В заключении они практически все погибли.

▪ Заключение в концлагеря или ссылка в удаленные районы СССР всех сотрудников польского государственного аппарата, начиная с чиновников уровня воеводств и кончая рядовыми полицейскими, лесниками, железнодорожниками, почтальонами, землемерами.

Комкор А.И. Еременко на встрече с немецкими офицерами (сентябрь 1939)

▪ Запрет всех политических партий, общественных организаций и профсоюзов (кроме коммунистических), преследование граждан, участвовавших в их деятельности.

▪ Преследование всех церквей (католической, униатской, православной, лютеранской, иудейской, мусульманской): аресты, ссылка, заключение в концлагеря священников и монахов, закрытие храмов и монастырей, конфискация земельных участков, отмена религиозных праздников, запрет на изучение религии в школе...

Офицеры РККА и Вермахта в захваченной Польше (осень 1939)

Генерал Гейнц Гудериан и комбриг С.Н. Кривошеин на совместном параде в Бресте 22 сентября 1939 г.

Раздача партийной газеты «Правда» жителям Сморгони (сентябрь 1939 г.)

▪ Ликвидация демократических прав и свобод (отмена выборов в представительные органы на конкурсной основе, запрет независимой печати, запрет свободных собраний, митингов, шествий; массовые внесудебные репрессии).

▪ Введение бесчеловечных советских законов (таких, как об уголовной ответственности с 12 лет за все виды преступлений, в том числе политические; за опоздание на работу; за похищение с колхозного поля колосьев, оставшихся после уборки урожая), а также других законов и постановлений, основанных на азиатской ненависти к людям – с широким применением многолетних сроков заключения или смертной казни.

▪ Принудительная коллективизация крестьянских хозяйств, сопровождавшаяся выборочными репрессиями для запугивания сельской массы.

Кроме того, 25 тысяч польских офицеров, полицейских и гражданских лиц были убиты солдатами Красной Армии и сотрудниками НКВД в ходе внесудебных расправ в сентябре – октябре 1939 года, еще 22 тысячи органы НКВД уничтожили весной 1940 года.

Надо также упомянуть четыре депортации периода 1940–41 гг., жертвами которых в Западной Беларуси стали свыше 124 тысяч человек, в том числе не менее 30 тысяч беларусов.

Все это означало для жителей Западной Беларуси – и бе-

Войска буржуазной Летувы входят в Вильню (ноябрь 1939)

ларусов, и поляков, и евреев – огромный шаг назад в политическом, социально-экономическом и культурном аспектах.

Правда, есть у нас такие, кто заявляет о «расцвете» беларуской культуры после «воссоединения». Дескать, беларуские дети впервые начали учиться в школе на родном языке. Да, пару лет так и было. Но очень скоро полонизацию сменила русификация. Чем же она лучше?

И к чему привел «расцвет»? К тому, что язык наших предков умер! А если посмотреть на беларуский национальный театр, кино, музыку, живопись, скульптуру, архитектуру, то и сегодня мы увидим все то же советское искусство, социалистическое по содержанию, русское по форме. Если где и сохранились язык и народные обычаи беларусов, наша традиционная культура, наконец, имеется университет с обучением на беларуском языке – так это в Белостокском воеводстве Польши, хотя там проживают всего лишь 200 тысяч беларусов, у которых нет даже автономии.

Впрочем, для наших «янычаров», привыкших считать себя частью «русского народа», и параллельно восторгаться «великим октябрем 1917 года», все это – мелочи. Главное для них то, что осенью 1939 года удалось установить коммунистический режим также и в западной части Беларуси. Поскольку нормальное (т.е. буржуазное) экономическое устройство общества в Западной Беларуси было заменено там новым феодализмом под названием советский социализм, именно это обращение народа в «социалистическое крепостное право» они называют «великим освобождением»...

ПАСХУ ПРАЗДНОВАТЬ БУДЕМ!

Александр Грудина
(г. Шклов)

Без Бога человек не знает, куда идет,
и не может даже понять, кем является.

(Папа Бенедикт XVI,
Энциклика CARITAS IN VERITATE
29 июня 2009 г.)

Каждый раз, когда присутствую на богослужении в храме, с радостью смотрю на верующих. При этом испытываю особое умиление, когда вижу среди верующих молодежь. Все больше людей тянется к христианской вере, теплым искренним отношениям между людьми, духовным идеалам. Это крайне важно. Ведь история XX века показала нам, что жизнь без религии является самым большим злом для общества, а безбожники представляют величайшую угрозу для человечества.

Вскоре после октябрьского переворота 1917 года большевики развернули тотальную борьбу с религией, поставили своей целью устранение христианских ценностей из всех сфер общественной жизни. После того, как к 1929 году были в основном разгромлены все конфессии в стране, высшее руководство компартии объявило о так называемой «коллективизации» сельского хозяйства страны. Под вывеской «социалистического преобразования» деревни происходило ее ограбление. При этом значительную часть крестьян большевистское руководство насильно превратило в рабов, предназначенных для бесплатной работы на «стройках коммунизма».

Тогдашние жители БССР (т.е. восточной части Беларуси) сполна испытали все это на себе. К примеру: в одном только Шкловском районе всего за три месяца 1930 года (январь – март) были выселены из своих домов и отправлены на «спецпоселение» 504 человека пресловутых «кулаков и подкулачников» (5).

«Раскулачивание», жертвой которого мог стать любой селянин независимо от уровня достатка; насильственное создание колхозов и совхозов; закрытие церквей и грубые издевательства над религиозными чувствами верующих; террор советских карательных органов – все это делало жизнь крестьян невыносимой. Отчаяние, в свою очередь, толкало их к вооруженному сопротивлению. Архивные документы сообщают о многочисленных случаях такового в БССР, в том числе в деревнях Шкловского района. Например, в начале января 1930 года неизвестные произвели два выстрела в учителя Овчинникова, возвращавшегося домой в деревню Княжицы после доклада на антирелигиозную тему (учитель издевался над светлым праздником Рождества Христова). 12 февраля

того же года в деревне Городец выстрелом был ранен представитель Витебской рабочей бригады, направленный в Могилевский округ для агитации в пользу создания колхозов (5).

Однако попытки сопротивления хотя и были многочисленными, но оставались спонтанными и разрозненными. Советская власть отвечала на них еще более свирепым террором. Жертвами внесудебного преследования, осуществлявшегося карательными органами, становились не только те, кто действительно пытался бороться с насилием и произволом, но и множество людей, по каким-либо причинам зачисленных в категорию «неблагонадежных». Партийные пропагандисты называли их всех скопом «врагами народа», «троцкистами», «вредителями», «шпионами иностранных разведок» и другими гнусными кличками, не имевшими ничего общего с реальным положением дел. Люди растили хлеб и детей, работали на стройках и предприятиях, но вдруг оказывались «врагами народа»! Вот фрагмент из воспоминаний Семена Васильевича Тараканова, жителя деревни Рыжковичи Шкловского района:

> «В предвоенное время я работал на бумажной фабрике «Спартак». Предприятие действовало в три смены и когда приходила очередь работать в ночную, люди с ужасом отправлялись на фабрику. Именно в это время суток местные сотрудники НКВД пристрастились посещать предприятие и производить аресты. В одну из таких смен на моих глазах произошел очень жуткий случай. Мастер смены, увидев, что к нему направляются сотрудники из «черного ворона», покончил жизнь самоубийством. Он бросился в агрегат для дробления бумажного сырья. Хватило несколько минут и тело человека размололо на мелкие кусочки. Мастер был отличный работник и пользовался уважением среди рабочих».

Семен Васильевич вспомнил и другой случай, произошедший с ним самим. Деревня Рыжковичи, как и город Шклов, находится на берегу Днепра. Ловля рыбы в тяжелые 30-е годы служила дополнительным источником питания для местных жителей. Поэтому не только подростки, но и взрослые мужчины использовали любую возможность, чтобы запастись рыбой. И вот однажды автор воспоминаний (С.В. Тараканов) так увлекся этим делом, что забыл о необходимости собираться на работу. А когда вспомнил, до начала смены оставалась совсем мало времени. Чтобы во время добраться до предприятия, ему пришлось быстро бежать. Всю дорогу, а это около четырех километров, в голове звучала только одна мысль: «если опоздаю – арестуют». Из последних сил, за минуту до начала работы, Семен Васильевич добежал до фабричной проходной, обессилено повалился и упал в обморок. Ареста удалось избежать (9).

* * *

Власти запрещали людям публично отмечать религиозные праздники, а с 1930 года началось «изъятие культовых сооружений». Христианские святыни превращались в клубы, зернохранилища, гаражи, или просто уничтожались. Но в первую очередь жертвами воинствующего атеизма становились именно люди.

Народ защищался как мог. Ярким примером такого сопротивления является борьба рабочих бумажной фабрики «Спартак» в Шклове за празднование Пасхи. Архивные источники сообщают, что в апреле 1927 года на фабрике было

Шкловская бумажная фабрика

организовано собрание делегатов. В повестке дня стоял один вопрос – сделать 24 апреля (праздник Пасхи) рабочим днем. Но большинство членов фабричного комитета выступило за празднование Пасхи. Поэтому, когда председатель фабкома Нестерович выступил с предложением об отмене празднования (под видом перенесения его на 3 мая), присутствующие стали шуметь, мешая выступлению председателя. Затем выступил рабочий Семен Свириденко:

«Если наш фабком большинством голосов постановил Пасху праздновать, то не может быть речи о непраздновании такого, возможно тут ... вы и постановите не праздновать Пасхи, но мы все равно на этом не успокоимся и созовем конференцию, на которой постановим так, как это хочется нам, большинству».

Из толпы послышались крики: «Да, правильно».

Потом выступил рабочий Петр Сидоров: «... праздновать мы будем, и на праздник на работу не пойдем». После него рабочий Федор Чернявский: «...они хотят нас отлучить от нашей веры, но мы себя в обиду не дадим». Тем не менее, результаты голосования были следующие: за перенос Пасхи – 25 человек, против – 19. Поднялся шум, и тогда рабочие Сидоров и Головешко призвали присутствующих покинуть помещение клуба.

Через несколько дней состоялась конференция представителей трудового коллектива, но ее повестка дня была изменена. В знак протеста большинство рабочих покинуло заседание, тем самым сорвав конференцию. Между тем на конференции выступил рабочий-католик Станислав Сорока, который предложил: « Мне лично не важно то, что я отпраздновал свою Пасху, но мне важно то, что если Пасху будут праздновать все верующие – как католики, так и русские, нам в этом отношении надо объединиться и не слушать разных ... коммунистов».

В конечном результате фабрика 24 и 25 апреля не работала (2).

* * *

Однако большевистское руководство СССР и БССР с неумолимой последовательностью продолжало свое наступление на религию. На все попытки людей защитить свое право на исполнение религиозных обрядов (формально провозглашенное) у властей был только один ответ – террор.

В 1937 году в БССР происходили массовые выступления крестьян за обновление закрытых церквей. Вот как об этом сообщается в докладной записке Шкловского райкома партии в ЦК КПБ от 21 апреля 1937 года:

«7 апреля, в день Благовещения, более 500 человек крестьян собрались в деревню Ничипоровичи к церкви с требованием открыть церковь... Всей этой подготовкой и выступлением руководил поп Владимиров, который служил в Ничипоровичской церкви до ее закрытия... Восемь человек арестованы, все еди-

ноличники, антисоветски настроенные элементы... В деревнях Старый Шклов Рыжковичского сельсовета и Борецкий Каменно-Лауского /сельсовета/, где церкви закрыты, но не отчуждены, наблюдается некоторое оживление со стороны единоличников и колхозников за открытие этих церквей»...

В соответствии с политической атмосферой того времени организаторов подобных выступлений обвиняли в антисоветской деятельности, в использовании религии в контрреволюционных целях (4).

Здание правления Шкловской бумажной фабрики

В деревне Фащевка (или Хвощевка) Шкловского повета с середины XVIII века действовал костёл Наисвятейшей Девы Марии. Вот что писал о нем до революции католический священник Константин Стапович, известный в беларуской литературе как поэт Казимир Свояк:

«Стройный костёл, самый большой в Беларуси, является сердцевиной прихода. Кругом говорят чистым беларуским языком. Отцы иезуиты когда-то приложили немало труда, чтобы беларус не утратил своего языка. Издали они беларуский катехизис, обучали по-беларуски, учили песням... Идут туда с готовностью и не слышно между ними жизни распущенной, аморальной. Большие праздники-фестивали собирают в Хвошевке /Фащевке/ целые толпы беларусов, даже из мест далеких – ибо далеко разошлась слава Девы Марии Хвощевской» (7, 8).

Костёл Наисвятейшей Девы Марии в деревне Фащевка (рис. Н. Орды, 1877 г.) Построен в 1754—65 гг., взорван в 1967 г.

13 июня 1937 года «неизвестные» разбили и ограбили икону Божьей Матери в этом костёле. Дальнейшие печальные происшествия не заставили себя ждать: 9 октября были арестованы ксёндз Петр Янукович, органист Мартин Секацкий, председатель костельного комитета Игнатий Давидович, отец и сын Крупеньки, и еще 9 других прихожан. Судебный процесс над ними занял неделю (он нашел отражение на страницах районной газеты, конечно, в искаженном духе). Приговор был крайне суров: смертная казнь для всех 14 подсудимых! После этого местные жители поняли, что имел в виду ксёндз, когда говорил им: «Учитесь крестить, ибо не станет ксендзов».

Здание костела уцелело в годы войны, но 24 декабря 1967 года его все же взорвали. Как свидетельствую очевидцы, «костёл легко поднялся и опал. Снег был красным как будто от крови, от кирпичной пыли». Народная молва рассказывала, что на руинах костела будто бы явилась плачущая Богоматерь.

Крест на том месте, где в Фащевке стоял костёл

Из воспоминаний Александра Андреевича Ревяко, жителя деревни Рыжковичи:

«У местных жителей была очень сильная религиозность. При закрытии здешней Воскресенской церкви в годы воинствующего атеизма 30-х годов жители защищали храм и даже сбросили с колокольни одного из активистов-безбожников. Церковные ико-

ны верующие защитили и потом хранили в своих дворах. Еще долгое время, почти до начала 70-х годов, икону святого Николая из этой церкви, верующие поочередно торжественно переносили из дома в дом. Взорвали церковь в начале 60-х годов» (6).

Альдона Бонифатьевна Олехнович, жительница деревни Рыжковичи, вспоминает:

«Мой родной дядя Ярошевич Станислав Антонович закончил духовную семинарию в Санкт-Петербурге. Работал в Шкловском костёле, потом в других приходах. Пользовался большим уважением у верующих. Когда начались репрессии, мы очень волновалась за него. Станислав Антонович понимал, что его должны арестовать и предупредил нас, своих родных, чтобы не подходили прилюдно к нему. Сам он по-прежнему исполнял свою священнический долг, как мог поддерживал верующих и только своим взглядам во время богослужения поддерживал связь с нами».

По свидетельству жителей Минска, Станислав Ярошевич был последним католическим священником, служившим в Минске перед Второй мировой войной. Его арестовали в 1937 году и в том же году казнили.

А.Б. Олехнович вспомнила и других своих родственников:

«В те жуткие времена на моих глазах был арестован мой дядя Олехнович Каликст Францевич, который работал врачом в городе Орша. Также во время репрессий погиб мой отец Олехнович Бонифатий Францевич, который работал председателем колхоза, и другой мой дядя Ярошевич Владислав Антонович» (1, 3).

* * *

Кроме тех священников, что упомянуты выше, архивные документы сообщают нам о следующих православных и католических священниках, религиозных активистах, ставших жертвами репрессий в Шкловском районе:

Афанасьев Михаил Иванович, священник. Осужден в 1933 году, казнен.

Боровик Ян, ксёндз. Казнен 27 августа 1937 года в Минске.

Бекаревич Павел Алексеевич, священник. Осужден в 1930 году на 3 года ссылки.

Валусько Никифор Петрович, священник. Осужден в 1937 году на 10 лет.

Верига Юзеф, ксёндз. Арестован в 1933 году. Казнен в конце 30-х годов.

Гуслев Михаил Егорович, священник. Осужден в 1937 году, казнен.

Коваленко Анисим Александрович, священник. Осужден в 1930 году на 5 лет.

Козлов Фома Захарович, дьякон. Осужден в 1930 году на 5 лет.

Карпович Павел, ксёндз. Арестован в 1927 году, сослан в Вятку, где находился 4 года.

Карпушев Кирилл Венедиктович, член церковного совета. Осужден в 1937 году, казнен.

Кузьков Гаврила Ильич, активный церковник. Осужден в 1937 году, казнен.

Прокуратура СССР

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
Краснознаменного
Белорусского военного округа

20 марта 1990 г.
№ 214ж
220003, г. Минск-3

ГР-КЕ ОЛЕХНОВИЧ Альдоне Бонифатьевне
213010, Могилевская обл.,
г. Шклов-2, дер.Рыжковичи,д.176

001710 ж

СПРАВКА

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х годов и начале 50-х годов» отменено внесудебное решение от 3 января 1938г.

в отношении
Ф. И. О. ЯРОШЕВИЧ Станислав Антонович

год рождения: 1889

и он реабилитирован 28 апреля 1989 г. (посмертно)

ЯРОШЕВИЧ С.А.

арестован по делу 14 ноября 1937 г.

до ареста работал ксензом Борисовского костела

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 1655 от 8 сентября 1955 года и распоряжения Совета Министров Белорусской ССР № 1440-р от 15 сентября 1955 года необоснованно привлеченным к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированным время нахождения их в местах лишения свободы засчитывается в общий и непрерывный трудовой стаж, а также в стаж работы по специальности.

Реабилитированным гражданам по прежнему месту работы выплачивается двухмесячная заработная плата, исходя из существующего ко дню реабилитации месячного оклада (ставки) по должности (работе), занимаемой до ареста, или по другой аналогичной должности (работе).

Если предприятие или учреждение, в котором работал реабилитированный, ликвидировано, двухмесячная заработная плата выплачивается его правопреемником, а при отсутствии правопреемника —соответствующим министерством (ведомством).

В случае посмертной реабилитации двухмесячная заработная плата выдается семье.

Исполнительные комитеты Советов народных депутатов обязаны необоснованно репрессированных граждан в случае их реабилитированных, обеспечить жилой площадью в первоочередном порядке.

Военный прокурор БВО А.ГЛУХОВ

Типография газеты «Во славу Родины». Зак. 5

Справка о реабилитации ксендза С.А. Ярошевича

Курневич Осип Петрович, священник. Осужден в 1932 году на 5 лет.

Лазукевич Сергей Михайлович, священник. Осужден в 1937 году, казнен.

Ремухов Игнатий Фомич, староста церкви. Осужден в 1933 году, казнен.

Саминич Василий Иванович, священник. Осужден в 1930 году на 10 лет.

Снитко Михаил Ксенофонтович, дьякон. Осужден в 1933 году на 5 лет.

Стельмахов Захар Васильевич, церковный староста. Осужден в 1932 году на 3 года.

Степанов Антон Тихонович, священник. Осужден в 1932 году на 3 года, в 1937 на 10 лет.

Тризонов Иван Антонович, церковный староста. Осужден в 1937 году, казнен.

Туманов Гаврила Иванович, священник. Осужден в 1929 году на 3 года ссылки.

Шатило Альбин, ксёндз. Первый раз арестован в августе 1929 года, освобожден в 1930. Повторно арестован в январе 1932 года и осужден на 10 лет, сослан в Соловки. Казнен 3 ноября 1937 года (3, 5).

Но и это еще не все. Жертвами воинствующего атеизма стало значительно больше людей.

Уничтожение религии принесло огромное зло нашему народу. Поэтому хочется напомнить слова великого христианина Иоанна Павла II, с которыми он обратился к паломникам из Беларуси:

«Свободу недостаточно только иметь, ее необходимо постоянно добывать, творить».

ИСТОЧНИКИ

1. Олехнович А.Б. Воспоминания. Личный архив автора.
2. Краснаслабадцоў А. Міф аб усенароднай падтрымцы бальшавікоў. // «Тыднёвік Магілёўскі». 2000, № 13 (7–13 красавіка).
3. Няхай сведчанне іх веры не забудзецца. Лёс каталіцкага касцёла на Беларусі ў 1917–1953 гадах. Непакалянаў, 2000, с. 42, 46, 51, 61–63.
4. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Шклоўскага раёна. Мінск, 1988, с. 130, 131, 137–155.
5. Пушкін І. Узброены супраціў ва Усходняй Беларусі (20–30-я гады XX ст.): Дакументы і матэрыялы. Мінск, 2009, с. 23, 30–31, 156, 158, 164.
6. Ревяко А.А. Воспоминания. Личный архив автора.
7. Сваяк К. Адраджэнне Беларусі і унія. // «Унія», 1991, № 1.
8. Тамецкий К., Бендов К. История католического костёла в Фащевке. Мстиславль, 2002.
9. Тараканов С.В. Воспоминания. Личный архив.

КПБ: МЕТОДЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДАВЛЕНИЯ

Анатоль Великий

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ

Неотъемлемой частью коммунистического способа управления обществом является идеологическое подавление и насилие над личностью. Оно существовало всегда, во всех коммунистических странах, и имело тенденцию, как считал Милован Джилас (1911–1985), усиливаться каждый раз тогда, когда слабели другие формы дискриминации. Анализируя насильственный характер коммунистических режимов, Джилас писал:

> «История многое простит коммунистам потому, что поймет: жестокость, проявленная ими, во многом оправдывалась обстоятельствами, необходимостью защищаться, выжить. Однако подавление любой альтернативной точки зрения, идеологическая нетерпимость, монопольное господство лишь той мысли, что льстиво обслуживала их сверхэгоистические интересы, – вот что будет держать их прикованными к позорному столбу истории».

Основным инструментом идеологического подавления в стране являлось Главное управление по охране государственных тайн в печати – более известное как Главлит, одной из центральных задач которого было на самом деле сохранение «идеологической чистоты» в головах советских людей.

В БССР Главлит был создан 3 января 1923 года. Осуществляя цензорские функции, этот орган просматривал все рукописи, фотографии, рисунки и выдавал, или не выдавал, разрешение на их публикацию, осуществлял контроль над типографиями, библиотеками, книжными магазинами, прослушивал радиопередачи. Без Главлита невозможно представить себе историю науки, национального театра, кино, живописи, скульптуры, эстрады и журналистики.

Кроме Главного управления, во всех областных и районных центрах действовали местные «главлиты» со своими штатами. «Плодотворная» и многогранная деятельность «главлитов» никогда не прерывалась. Время от времени он только менял место дислокации в структуре советских надзорных органов.

После смерти И. Сталина 15 апреля 1953 года Совмин БССР вывел Главлит из состава Министерства просвещения и передал его в подчинение Министерству внутренних дел, которое тогда включало и бывший НКВД-МГБ. Через полгода, в октябре, Главлит оставил стены МВД и приобрел самостоятельный статус и новое название – Управление по охране военной и государственной тайны в печати. В 1963 году Главлит присоединили к новосозданному Государственному комитету по печати и полиграфии, а с 1966 года и до кончины БССР цензурное ведомство существовало как Главное управление по охране государственной тайны при Совете Министров БССР.

Суть деятельности Главлита, однако, всегда оставалась одной и тот же: наблюдение, цензура и подавление. Следует остановиться на некоторых моментах этой деятельности.

* * *

Буквально с первых дней своего существования Главлит с большевистской «энергией» взялся за дело борьбы с инакомыслием. Примером инакомыслия, по мнению цензоров, являлась литературная и научная деятельность Язепа Лёсика. Написанную им книгу «Автономия Беларуси» — как произведение «шовинистического характера» — Главлит 26 декабря 1924 года запретил к печати. Публикацию разрешили только тогда, когда из книги удалили фотоснимок Алеся Гаруна — «ярого врага советской власти» — и сделали более 60 купюр*. Второе издание книги стало возможным лишь после того, как в ней сделали уже более 140 изъятий фрагментов текста.

По мере перехода страны к тоталитаризму Главлиту отводилась все более важная роль. Красноречивым свидетельством тому является Постановление Секретариата ЦК КПБ, принятое в ноябре 1929 года:

> /ЦК/ «предлагает Главлиту в современный момент обострения классовой борьбы значительно усилить контроль за издательствами путем более решительного употребления методов запрета не только явно антисоветских, но и идеологическо чуждых проявлений в печати, более решительной борьбы со всякими попытками ревизии генеральной линии партии и искажений классовой линии».

Контроль, естественно, усилили. Только за май — ноябрь 1929 года Главлит запретил 15 подготовленных к печати книг, среди которых значились роман Максима Горецкого** «Крывічы», сборник стихотворений «упаднического, антипролетарского направления» Язепа Пущи, стихотворения Кондрата Крапивы — «сатиры на современную партийную жизнь», «упаднических и морально гнилых» стихотворений Максима Лужанина и т.д.

Деятельность Главлита распространялась на всю духовную сферу жизни. На предмет «идеологической выдержанности» Главлит анализировал периодику и книжные издания, спектакли и картины, высказывания деятелей культуры и многое другое. Например, 11 ноября 1932 года был подготовлен обзор белорусских литературно-художественных журналов и газеты «Літаратура і мастацтва» за текущий год. В подробном и многословном документе высказывалось немало замечаний — прежде всего, политического характера — в адрес разных изданий и их авторов. При этом оценки становились все более жесткими и бескомпромиссными.

Не изменилась основная целевая установка деятельности Главлита и после войны. К примеру, в 1946 году председатель Главлита Ф. Дадиомова пишет в пропагандистско-агитационный отдел ЦК КПБ докладную записку, в которой

---

* Язеп Лёсик (1883–1940) — общественный и политический деятель, языковед, педагог. Алесь Гарун — литературный псевдоним Александра Прушинского (1887–1920), писателя и деятеля национально-освободительного движения.

** Максим Горецкий (1893–1938), писатель. Язеп Пуща (И.П. Плащинский; 1902–1964), поэт. Кондрат Крапива (Атрахович; 1896–1991), писатель и драматург. Максим Лужанин (А.А. Каратай; 1909–1997), поэт и писатель. За исключением Крапивы все были репрессированы. — *Прим ред.*

объясняет, что снятый с печати роман покойного Кузьмы Черного (Н.К. Романов; 1900–1944) «Бацькаўшчына» – вредная с политической точки зрения книга.

Не повезло К. Черному и в 1947 году, когда все та же Н. Дадиомова запретила печатать его повесть «Былінкавыя межы». Чтобы представить себе, за что снимали произведения писателя и чем обосновывали свои решения цензоры Главлита, следует привести цитаты из текстов, посланных в ЦК КПБ. Вот что писал К. Черный в своей повести:

> «А на дворе и вокруг все так, как и десять, и двадцать лет тому назад. Так же плакали замурзаные дети, осыпал ветер песком обветшалые стены, на пустых огородах понуро бродили мелкие худосочные лошади».

А вот что писала Н. Дадиомова в ЦК КПБ:

Поэт Алесь Гарун (Александр Прушинский), запрещенный в БССР

> «В идейно-политическом отношении рассказ является вредным. Автор показывает деревню убогой. Более того, Великая Октябрьская революция, советская власть ничего не дала деревне».

И вывод: повесть нельзя печатать.

Не меньше пострадал от Главлита и драматург Андрей Макаёнок (1920–1982). Главлит мгновенно отреагировал на его комедию «Каб людзі не журыліся» (1958 г.), которую он отдал в журнал «Полымя». В подготовленном заключении отмечалось:

> «В пьесе имеется ряд фактов, которые искажают нашу советскую действительность. Плохо в пьесе показан райком партии, так как колхозники, которые обращаются за помощью в районные власти, не получают ее. Автор пьесы А. Макаёнок мало интересуется теми изменениями, которые произошли в колхозе за последние годы. Жизнь колхозников показана очень тяжелой. Нет дров, нет хлеба и т.д. Главлитом, после доклада в ЦК, было указано редакции на все эти недостатки. С нашими замечаниями они согласны. В результате пьеса была доработана автором и после напечатана».

Переработка, однако, оказалась неудовлетворительной. В очередной докладной записке в ЦК отмечалось:

> «За 1958 г. редколлегия журнала «Полымя» по нашему требованию переработала комедию А. Макаёнка «Каб людзі не журыліся». Нами было сделано вмешательство в 7 местах. Тем не менее, и после этой переработки комедия имеет ряд дефектов».

Вообще, тем, кто писал про деревню, не везло. Так, в мае 1958 года в журнале «Маладосць» была напечатана повесть Алексея Кулаковского «Дабрасельцы».

А в июне этого года произошло совместное заседание Бюро ЦК ЛКСМБ и Президиума правления Союза писателей БССР, где повесть осудили как ошибочное произведение. А. Кулаковского отстранили от должности главного редактора «Маладосці».

* * *

Одним из основных направлений деятельности Главлита являлась проверка литературы, находившейся в библиотеках, книжных магазинах и т.д.

Некоторые люди наивно думают, что из библиотек и магазинов изымалась только антикоммунистическая, религиозная и монархическая литература. Ничего подобного. Большевики полагали, что гражданам СССР вредно читать абсолютно все, что выходит за пределы марксистских догм об угнетении трудящихся и классовой борьбе. Вот одно из множества доказательств — документ, хранящийся в Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 42, опись 1, дело 1576, лист 3):

АКТ

1926 года, марта м-ца 15 дня Скркомиссией /скр — секретной — *Ред.*/ по проверке книжного состава при Главлите Б.С.С.Р. в составе председателя тов. ГУРСКОГО, членов тов. ГРИНБЕРГА произведена проверка книжного состава библиотеки имени КИМ-а в присутствии заведыв. библиотекой тов. ЛЮБИЧ Л.

Из находящихся в употреблении в настоящее время книг, считать изъятыми следующие:

1. Загоскин. Москва и москвичи.
2. Флобер. Переписка.
3. Твен. Принц и нищий.
4. Кульчицкий. Анархизм в России.
5. Ковальский. Двуликий бог.
6. Маркович. Славянские рассказы.
7. Гессен. О правовом государстве.
8. Бюрроуз. Тарзан.
9. Бунин. Полное собрание сочинений.
10. Сенкевич. Два луча.
11. Данилевский. Сочинения, тт. III, IV, V, VI.
12. Данилевский. Сочинения, тт. III, XVII, XVIII.
13. Тур. Мученики Колизея.
14. Данилевский. Сожженная Москва.
15. Брет-Гарт. Рассказы.
16. Данилевский. Сочинения, т. I.
17. Тагор. Садовник Титанджела.
18. Вольнов. На отдыхе.
19. Человеческая трагедия.
20. Спенсер. Начала социологии.
21. Бурже. Деловой человек.
22. Кокошкин. Учредительное собрание.
23. «Складчина». Литературный сборник.
24. Бурже. Трагическая идиллия.
25. Данилевский. Мирович.

26. Загоскин. Кузьма Петрович Миронов.
27. Дрейер. Кандидат.
28. Лажечников. Басурман.
29. История религ. и тайн. религ. обществ.

Как видим, здесь и книги о русской истории (Загоскин, Данилевский, Лажечников), и зарубежная классика (Генрик Сенкевич, Марк Твен, Гюстав Флобер), и приключенческие повести (Брет-Гарт, Бюрроуз – искаженная фамилия Берроуз), и книги об обществе (Гессен, Спенсер).

А ведь это только один список из нескольких тысяч периода 20–50-х гг.!

О масштабах этой деятельности красноречиво свидетельствуют следующие цифры: в 1952 году сотрудники Главлита провели 21.132 проверки книжных фондов библиотек и конфисковали 40.949 книг. За 1953 год в 1.241 книжном магазине проведено 2.648 проверок и конфисковано 380.586 книг. Масштабы «плодотворной работы» сотрудников Главлита впечатляют.

Отчего же было конфисковано столько книг? Говоря о политической истории советского общества, следует помнить, что внутрипартийная жизнь всегда характеризовалась борьбой различных политических группировок. Потерпевшие в этой борьбе поражение представители которой-нибудь конкретной группировки мгновенно провозглашались врагами. Все их произведения сразу же запрещали и уничтожали. После смерти И.В. Сталина в очередной раз развернулась жестокая политическая борьба. Отсель и столь значительное число книг, подлежавших уничтожению.

Однако только библиотеками деятельность Главлита не ограничивалась. В мае 1950 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственной тайны в музеях». В соответствии с этим Постановлением производилась проверка, которая выяснила: в музеях БССР находятся материалы, подлежащие срочному изъятию из экспозиций ввиду содержания в них государственной тайны.

Что же это была за государственная тайна? Например, в музее Великой Отечественной войны срочно потребовали снять условные обозначения народнохозяйственных объектов БССР, данные о количестве лошадей, полученных колхозами и совхозами в 1947–49 гг. в виде репараций, карты дислокации партизанских отрядов и бригад во время войны и т.д. Сняли также практически все обозначения, характеризовавшие положение Минских тракторного и автомобильного заводов. То же происходило и в других музеях страны.

Это только небольшая часть той, без преувеличения, «напряженной работы», что проводили цензоры, «охраняя» беларуский народ от тайн, которых на самом деле не существовало. Тайн, вымышленных партийными идеологами.

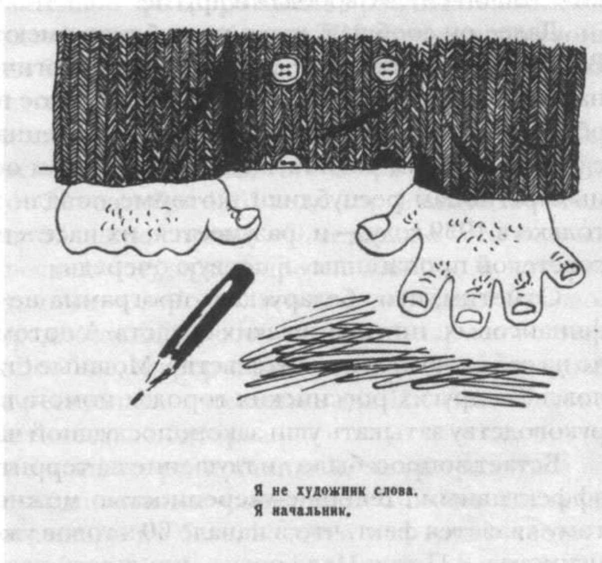
Как уже отмечалась, основным в деятельности Главлита являлось не рассмотрение художественных качеств произведений, а контроль политического и идеологического содержания. Вот выдержка из отчета этого учреждения за 1959 год:

> «Неотъемлемой частью работы цензуры является политико-идеологический контроль... В отчетном году (1959 г.) нами не пропущено в свет ни одного вредного в политико-идеологическом смысле произведения».

Вот еще один яркий пример. В январе 1959 года председатель Главлита А. Садовский направил секретарю ЦК КПБ Тимофею Горбунову (1904–1969) докладную записку, в которой сообщал, что Главлитом просмотрена вся литература, авторы которой уже реабилитированы. В то же время А. Садовский подчеркнул:

> «Считаем, что эту литературу, несмотря на то что авторы реабилитированы, передавать в общие фонды нельзя: ее необходимо оставить в спецхранилищах».

О каких же авторах и какой литературе шла речь и отчего так боялись передавать эту литературу в открытые фонды?

Речь шла о беларуских писателях и общественных деятелях, которых в свое время обвинили в национал-демократизме, — А. Александровиче, А. Дударе, М. Пиотуховиче, Н. Голодеде, А. Червякове иа других. Посмертно реабилитированные, они все же были опасны для действующего режима. Опасны своими литературными произведениями, своей гражданской позицией, своим отношением к беларускости вообще — к беларуского народу, его истории, традициям, языку, обычаям.

Заметим, что все это делалась в тайне от общественности. Практически на всех докладных записках, направленных Главлитом в ЦК КПБ, стоит гриф «Секретно», либо «Совершенно секретно».

Встает вопрос: а должна ли существовать охрана государственных тайн в стране? Да. Но в демократических странах это именно государственная охрана и именно государственных тайн, а вовсе не политическое и не идеологическое наблюдение. Цитированная выше докладная записка А. Садовского — яркий пример игнорирования законов. ЦК КПБ — негосударственный орган, запрещая пользоваться книгами реабилитированных граждан Беларуси, сознательно шел на нарушение законодательства, ибо реабилитация репрессированных произошла именно в законодательном порядке. И за это никто и никогда не понес никакой ответственности.

ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»

Рассматривая формы и способы идеологического подавления в Беларуси, обратимся и к широко известному факту глушения западного радиовещания, которое осуществлялось, с небольшими перерывами, более 40 лет и прекрати-

лось только в конце 80-х. Именно глушение обеспечивало режиму нераздельное идеологическое и пропагандистское господство внутри страны, лишая человека права воспринимать действительность иначе, чем это требовалось исходя из коммунистических догм.

Систематическое глушение началось в Беларуси в 50-е годы. В 1951 году Первый секретарь ЦК КПБ Николай Патоличев (1908–1989) направил Председателю Совета министров СССР Георгию Маленкову докладную записку, в которой отмечал, что на территории БССР наблюдается усиление антисоветского радиовещания на русском языке, организованное «американско-английским империалистическим блоком», через коротковолновые станции «Голос Америки», «Би-би-си», «Свобода» и другие.

Далее он сообщал, что в республике имеются только две станцы глушения. В связи с этим, главный охранник «идеологического целомудрия» беларуского народа просил Г. Маленкова, чтобы союзное правительство израсходовало необходимые средства на строительство специальных радиоцентров по борьбе с антисоветским радиовещанием. При этом особое внимание уделялось западным регионам республики, которые попали под большевистское господство только в 1939 году, – и, разумеется, их население надо было «отсечь» от «антисоветской пропаганды» в первую очередь.

Отметим, что «беларуская» программа не была выполнена - не хватало ни финансовых, ни технических средств. А потому основную роль в этом деле взяло на себя союзное правительство. Мощные станции глушения в Москве, Свердловске и других российских городах помогали республиканскому партийному руководству затыкать уши законопослушной части своих граждан.

Встает вопрос: было ли глушение на территории республики по-настоящему эффективным? Теперь с уверенностью можно ответить: нет. Свидетельством тому является факт, что в начале 60-х годов уже новому лидеру беларуских коммунистов – Петру Машерову – пришлось несколько раз заниматься этой проблемой.

Так, 30 декабря 1965 года на стол П.М. Машерову легла докладная записка, в которой отмечалось:

> «В планах подрывной антисоветской деятельности империалистических государств значительное место отведено БССР. Ежедневно на беларуском языке ведут вещание радиостанции – «Свобода» (Мюнхен), «Свободная Россия», «Голос Америки».

Особенную озабоченность и тревогу партийных чиновников вызывал тот факт, что, за исключением Минска, качество «забивки» повсюду было неудовлетворительным. Даже в Минске начали прослушиваться западные радиостанции и, в частности, радиостанция «Свобода». Вообще, «Свобода» вызвала наибольшую заботу партийного руководства, ибо вела регулярное вещание на беларуском языке.

Подчеркивалось, что, например, в Минске в промежутках времени с 18.00 до 21.00 возможно было прослушивать от 2 до 8 незаглушенных передач. В связи с этим в докладной записке предлагалось срочно начать строительство в районе тракторного завода еще одного центра глушения. Проверка произво-

дилась также в Пинске, Лиде, Полоцке, Витебске, Гомеле, Могилеве, Мозыре, Молодечно, Барановичах. Во всех этих городах в течение суток было выявлено от 5 от 12 открытых, или слабо заглушенных радиопередач.

Эту записку с резолюцией «Найти возможность для решения этого вопроса» – то есть для строительства в Минске еще одного центра глушения – Машеров направил одному из секретарей ЦК КПБ. Однако «возможность решения этого вопроса» так и не была найдена. Добиться полного глушения заграничного вещания не удалось. На деле оно было эффективным только в Минске.

Заметим, однако: глушение радиопередач совсем не означало, что номенклатурщики не имели возможности знакомиться с их содержанием. Тексты заглушаемых радиопрограмм обязательно фиксировались, распечатывались и передавались тем сотрудникам идеологического отдела ЦК, которые по своим служебным обязанностям должны были знакомиться с ними и готовить аналитические, или контрпропагандистские материалы.

ЦК КПБ получал эти тексты из отдела радиоперехвата, созданного в Государственном комитете по радиовещанию и телевидению БССР согласно Постановлению Президиума ЦК КПБ от 24 сентября 1965 года. Так, в июне 1966 года сотрудники ЦК КПБ подготовили большую справку «О методах и сути подрывной деятельности капиталистических государств против БССР», в которой анализировалась работа радиостанции «Свобода». В ней содержался большой фактический материал о самой радиостанции, сотрудниках беларуского отдела, прилагались тексты передач. Вообще, информация о содержании западных радиопередач, направленных на республику, готовилась для ЦК еженедельно; раз в квартал делалась также тематическая подборка.

Рассматривая факт глушения западных радиостанций, можно задаться вопросом: а как он стыковался с подписанным Советским Союзом Заключительным актом Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который провозглашал свободный обмен информацией. А никак. Выполнение требований этого договора, как и ряда других международных пактов, подписанных Советским Союзом, руководство СССР считало своим сугубо внутренним делом. Здесь действовали принципы типа «Запад нам не указка».

* * *

Свобода перемещения – одна из наиболее существенных свобод человека. Так, Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, в статье 13 провозглашает: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну». Советский Союз воздержался при голосовании во время принятия этой Декларации. Правда, позже все-таки присоединился к ней.

Зато Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, который констатировал, что «каждый человек имеет право покидать любую страну, включая и свою собственную», подписали не только Советский Союз, но и две национальные республики – Беларусь и Украина. В 1976 году этот Пакт вступил в силу. Однако ни Советский Союз, ни Беларусь не приняли никакого закона, который бы подтверждал это право. Принятие подобного закона, что, кстати, предусматривалось Статьей 2 названного Пакта, ограничило бы властные возможности номенклатуры.

В Беларуси для каждой поездки за границу требовалось отдельное разрешение, которое простые граждане называли «оформлением». Самым главным в этой процедуре было то, что вопрос разрешения на выезд решался в ряде номенклатурных «инстанций».

Естественно, простое желание гражданина выехать за границу не могло быть основанием для оформления документов. Требовались: а) ходатайство учреждения о разрешении направить гражданина в заграничную командировку; б) ходатайство организации (профсоюза, комсомольской или общественной организации) о выдачи гражданину путевки для поездки за границу; в) частное приглашение родственников или знакомых.

Разрешение на выезд выдавали следующие «компетентные» органы: в случае командирования – Комиссия по выездам за границу при ЦК КПБ; в случае туристической поездки – комиссия по выездам за границу в обкоме или ЦК КПБ. В третьем случае – отдел виз и регистраций (ОВИР), который является органом Министерства внутренних дел. Однако разрешение ОВИР было на самом деле чисто формальным. Без разрешения партийных органов (особых комиссий) выехать за границу было невозможно.

«Политику партии и правительства единогласно одобряем и поддерживаем!» Эта формула означала главную цель системы идеологического подавления

«Положение о комиссии по выездам за границу при обкоме, крайкоме партии, ЦК союзной республики» – довольно интересный документ. Базовым являлся пункт 4, согласно которому именно комиссии принадлежало право выдать или не выдать разрешение.

Не менее важным являлся и пункт 7: «По поручению комиссии органы государственной безопасности проводят проверку лиц, направляемых за границу». В то же время, согласно отдельному списку, под проверку не подпадали работники партийных, государственных и общественных организаций. Кто же попал в этот список, обозначенный грифом «Совершенно секретно»?

Как и следовало ожидать, открывают его члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии; члены и кандидаты в члены ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов партии... И так далее – вниз по номенклатурной лестнице. По этому списку, вся страна оказалась фактически разделенной на «надежных» и «ненадежных» граждан.

Кстати, а что было основанием для принятия отрицательного решения относительно выезда? Причинами считались: «низкий моральный уровень»; неупорядоченные семейно-брачные отношения; «недостаточно высокий уровень политической сознательности»; соображения охраны секретности; наличие родственников за границей и просто – частые выезды.

Как видим, «соображения секретности» стоят только на четвертом месте. Главные причины – совсем другие. Так, в апреле 1967 года комиссия ЦК КПБ отказала в выезде в Италию заслуженной артистке БССР В. по той причине, что «рекомендованная нарушала элементарные нормы поведения во время предыдущей поездки в Англию: игнорировала замечания руководителя группы». Даже несмотря на то, что за В. вступилось Всесоюзное театральное общество, которое обратилось с ходатайством в ЦК КПБ, последнее так и не дало разрешения на ее поездку в Италию.

Отметим, что в 1960–1970 годы не так много наших соотечественников попадало за границу. Вот конкретные цифры: 1965 год – рассмотрено 1.642 дела, дано разрешение выехать 1.421 специалисту и 221 туристу; 1966 год – соответственно 2.237, 2029, 198; 1967 год – 1.398, 1.131, 267. Если учесть, что население Беларуси составляло около 9 млн. человек, то можно представить себе, какой ничтожный процент жителей республики смог выехать за ее границы. Граница в самом деле была на «надежном замке», а «ключ» от этого замка находился в комиссии по выездам за границу центрального и областных комитетов компартии.

* * *

Идеологическое подавление было неотъемлемой органической частью коммунистической власти. Его целями являлись тотальный контроль проявлений инакомыслия, ликвидация свободы творчества, подчинение всего общества воле партийной номенклатуры, выработка рабской психологии. Ради достижения этих целей тратились огромные финансовые средства, ради этого работали не только специально созданные комиссии и управления, но и весь партийный аппарат – от высших руководителей до секретарей мелких партийных организаций. Добровольно и рьяно им помогали многочисленные рядовые партийцы.

ЦЕНЗУРА В БССР

Василий Матох

Цензура (латин. *censura* – оценка) – в классово-антагонистическом обществе система государственного контроля над содержанием печатных произведений, кинофильмов, радио- и телепередач, сценических выступлений с целью недопущения распространения учений, мыслей, сведений, противоречащих интересам эксплуататорских классов.

«Советская Историческая Энциклопедия», т. 15 (1974 г.), с. 716.

Цензура – одно из средств контроля над людьми и обществом в целом. Контроль над словом, устным и письменным, в конечном итоге, приводит к контролю над мыслями. Поэтому государственные режимы авторитарного типа всегда стремятся взять под контроль средства массовой информации и все формы интеллектуального самовыражения. Своей высшей формы цензура достигает в тоталитарных государствах.

В СССР цензура достигла развития, почти невероятного по масштабам и изощренности. Но если «жесточайшая царская цензура» оставила после себя массу свидетельств в виде указов, законов и уставов, то советская политическая цензура действовала скрыто, почти конспиративно. «Большая Советская Энциклопедия» заявляла, что в СССР провозглашена и действует свобода слова и печати, которая исключает существование политической цензуры. Но каждый гражданин, даже не искушенный в политике и искусстве, знал о ее наличии и ощущал ее присутствие.

СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ ЛЖИ

Библия начинается строкой «в начале было Слово». Первым же своим декретом советское правительство поставило Слово под контроль. Прошедшие многолетнюю школу подпольной печати и царской цензуры, большевики декретом «О печати», который Ленин подписал 27 октября 1917 года, запретили все газеты, оппозиционно настроенные к новой власти. За два дня до этого, 25 октября, сразу после провозглашения в Минске советской власти, местный совет констатировал:

> «Установлена революционная цензура над всеми выходящими в Минске и получаемыми тут газетами для предупреждения распространения волнующих население слухов».

В августе 1918 года под предлогом борьбы с контрреволюцией органы ВЧК закрыли все небольшевистские газеты.

Введенная под видом «необходимости военного времени», цензура уже никогда не исчезала из повседневной жизни советских граждан. Менялись ее структуры, но содержание было прежним – партийная диктатура во всех сферах интеллектуальной жизни. С 1918 по 1920 год осуществлением цензуры занимались отделы Реввоенсовета и Наркомпроса (в последнем вопросами цензуры занималась лично Надежда Крупская). В 1921 году цензура была передана в руки ВЧК.

Окончание Гражданской войны заставило большевиков вырабатывать новые формы управления обществом. В частности, 6 июня 1922 года было создано Главное Управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе РСФСР и его местных органах, объединившее все виды цензуры. В историю это учреждение вошло под названием «Главлит». Во всех союзных республиках по московскому образцу создали свои Главлиты. Главлит Белоруссии (Главлитбел) был создан 5 января 1923 года. Это учреждение обладало огромными полномочиями. В соответствии с Положением, утвержденным СНК БССР, на Главлит и его местные органы возлагались:

- предварительный просмотр ВСЕХ предназначенных к опубликованию или распространению литературных произведений, рукописных и печатных изданий, периодических и непериодических, снимков, рисунков, карт;
- издание правил, инструкций и распоряжений по делам печати, обязательных для ВСЕХ органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов;
- выдача разрешений на право изданий отдельных произведений;
- составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению.

Г. Волин (Фрадкин), главный цензор СССР в довоенный период, был выходцем из Беларуси

Руководство типографий под угрозой уголовной ответственности обязано было следить за тем, чтобы все печатаемые издания имели разрешительную визу Главлита. В адрес Главлита для последующего контроля высылалось по 5 экземпляров готовой продукции.

Главлитбел имел свои подразделения в округах (т.н. окрлиты) и районах (райлиты), политредакторов в центре и на местах*. Решения Главлита РСФСР являлись обязательными и для Главлитбела.

Декрет о создании Главлита подчеркивал необходимость его тесного сотрудничества с ГПУ (с лета 1934 года – НКВД). На органы ГПУ возлагалась борьба с распространением произведений, не разрешенных органами Главлита, надзор за типографиями, таможенными и пограничными пунктами, борьба с подпольными изданиями; пресечение попыток доставки из-за границы запрещенной литературы, наблюдение за продажами книг и изъятие запрещенных произведений. Впрочем, на деле функции Главлита были еще шире. Некоторое представление об этом дает следующий документ:

---

* Областей в БССР поначалу не было.

Сов. секретно
Всем Окрлитам
Приказ № 246с

г. Минск 9 июня 1926 г.

Из ознакомления с состоянием инвентаря некоторых книгохранилищ БССР выяснилось, что абоненты на полях книг вождей Октябрьской Революции делают подчас карандашом или чернилами заметки недопустимого свойства.

На полях собр. соч. т. Ленина – ругательства по адресу Владимира Ильича, подчас витиеватые, меньшевистского толка реляции строк на ИЗО и т.д. С этими явлениями нужно покончить в корне.

Главлитбел предлагает Вам в срочном порядке вызвать к себе зав. библиотеками, действующими во вверенном Вам округе, отобрать у них обязательство в том, что по возвращении книги от абонента, если таковая принадлежит перу т.т. Ленина, Зиновьева, Сталина, Маркса, Энгельса, Бухарина, Троцкого, Калинина и т.д., просмотреть ее по страницам. В случае обнаружения каких-либо пометок взыскать с абонента стоимость книги, книгу препроводить в Окрлит, а Окрлиту направить ее в ЦК. Конечно, о ЦК упоминать библиотекарю ни в коем случае нельзя.

Время от времени (не чаще 2-х раз в месяц) Завокрлит проверяет библиотекаря путем беглого просмотра упомянутых книг.

Зав. Главлитбелом П. Орешников
Секретарь Судник Е.

И Главлит, и ГПУ формально являлись государственными организациями, но на самом деле они были инструментами политического контроля, осуществляемого партией большевиков. В своей деятельности Главлит и ГПУ руководствовались указаниями не государственных, а политических структур. Над вопросами цензуры работали отделы печати и агитационно-пропагандистские отделы (АПО) ЦК ВКП(б) и местных компартий, которые и определяли содержание соответствующих циркуляров Главлита и ГПУ. Помимо наблюдения за сохранением государственных и военных секретов, которое осуществляется в любом государстве, Главлит занимался еще и политической цензурой, именно эта сторона его деятельность была основной.

В мае 1923 года СНК БССР принял постановление о создании в структуре Главлита Комитета по контролю за репертуаром – Реперткома (с 1927 г. – Главреперткома). Репертком выдавал разрешение на постановку драматических, музыкальных и кинематографических произведений, концертов, лекций, составлял списки разрешенных и запрещенных к публичному показу произведений, утверждал сценарии, разрешал организацию гастролей театральных и других коллективов, контролировал содержание афиш и программ, следил за радиовещанием БССР. Для обеспечения возможности контроля над всеми исполняемыми произведениями все театры и клубы должны были отводить по одному постоянному месту, не далее 4-го ряда, для сотрудников органов Главреперткома и отдела Политконтроля ГПУ, «предоставляя для этого бесплатную вешалку и программы». Исполнение запрещенных произведений каралось в уголовном порядке.

В 1928 году был создан еще один специальный цензурный орган – Главискусство, который занимался идеологическим и организационным руководством в области литературы и искусства. В дальнейшем шло постоянное уточнение и разграничение функций между тремя главками – Главлитом, Главреперткомом и Главискусством. Но все они были тремя головами одного дракона – советской цензуры.

Следует отметить, что количество сотрудников советского цензорского аппарата никогда не было большим. Так, в октябре 1928 года в Главлитбеле работали 23 политредактора. Но это никоим образом не служит доказательством незначительности советской цензуры. Существовавшая в СССР атмосфера тотального идеологического давления и контроля заставляла каждого редактора, каждого завлита, каждого администратора – от председателя колхоза до секретаря ЦК – на своем рабочем месте выполнять цензорские функции.

Наконец, строгий цензор находился в голове у многих из советских интеллигентов. Он предлагал куцый выбор: либо писать «в стол», обрекая себя на безызвестность; либо пользоваться «тамиздатом» и «самиздатом», тем самым подвергая опасности себя и своих близких; либо идти на компромиссы с властями, чтобы иметь возможность быть услышанным. Самым безопасным способом существования было молчание.

«БЕЛОРУССКИЙ ШОВИНИЗМ»

Едва успев организоваться, Главлит тут же развил бурную деятельность. В 1923 году в библиотеках появились печально знаменитые «спецхраны» – хранилища контрольных экземпляров изъятой из библиотек и магазинов «враждебной» литературы, которые выдавались исследователям только по предъявлении особого допуска. «Спецхраны» существовали в Беларуси до середины 1990-х годов.

Одной из главных особенностей советской цензуры была ее «руководящая» роль в искусстве. Если цензура царского времени только запрещала, то советская еще и указывала писателям и художникам, что и как нужно писать, говорить, думать. Первый руководитель Главлита РСФСР Лебедев-Полянский поучал в одном из своих циркуляров:

> «Наша цензура должна иметь педагогический уклон».

То же самое утверждал первый отчетный доклад Главлитбела 5 мая 1923 года на заседании коллегии АПО ЦК КП(б)Б:

> «Главлит создан вместо существовавшей цензуры, с тем отличием, что кроме функций запретительных Главлит в известной степени и направляет литературную работу».

«Воспитательную» работу начали с литературы. В том же отчете Главлитбел докладывал:

> «И в художественной области пришлось вносить также изменения, например, в сочинения Бядули. Заказанную НК просвещения в Берлине хрестоматию

Лёсика мы вынуждены были изъять из обращения. Целый ряд белорусских учебников надо было изменить, например, географию Азбукина и географию Громыко, в коих проглядывал слишком большой белорусский патриотизм».

Одобрив работу Главлитбела, коллегия АПО потребовала «обратить сугубое внимание на белорусские издания, давая их для просмотра только особо выдержанным и надежным товарищам». «Первостепенным заданием» было определено обследование белорусских библиотек с целью изъятия «враждебной» литературы.

Таким образом, уже с первых шагов главной задачей Главлитбела стала борьба с беларуским национально-культурным движением. Правда, во времена НЭПа и беларусизации, сопровождавшихся определенными послаблениями в идеологической сфере, беларуским национально-культурным деятелям еще сходили с рук некоторые вольности. В 1926 году в Минске даже прошла международная академическая конференция по реформе беларуского правописания и азбуки (выступления ряда делегатов так и не были опубликованы).

Но со второй половины 1920-х гг. цензура начала ужесточаться. В 1926–28 гг. был запрещен ряд произведений известных беларуских литераторов. Под запрет попали: работа Язепа Лёсика «Основные мотивы в творчестве М. Богдановича» (за четко выраженное националистическое содержание); стихи Кондрата Крапивы «Концерт» и «Бараны» (как злостная сатира на Х-й съезд и политику партии в области печати); стихи Янки Купалы «Чужым», «Над Нёманам» и Якуба Коласа «Ваяцкі марш» (за «белорусский шовинизм» и антисоветчину).

После первой же постановки из репертуара Беларуского государственного театра Главлитбел изъял пьесу Янки Купалы «Тутэйшыя» (Здешние). Это событие вызвало широкий общественный резонанс и повсеместное осуждение. В связи с этим Наркомат просвещения, которому формально подчинялся Главлитбел, решил отменить запрет на пьесу. Но отдел пропаганды ЦК КПБ 19 ноября 1926 года отменил постановление Наркомпроса, указав, что «Главлит, как орган идеологической борьбы, подчиняется только ЦК». В принятом отделом пропаганды постановлении говорилось:

> «Считать необходимым, чтобы пьеса была переработана автором, добиваться, чтобы соответствующее письмо Я. Купалы появилось на страницах нашей печати...От обсуждения первой постановки пьесы в печати временно воздержаться».

«ОРГАНЫ НЕПЕЧАТИ»

Пресса, как наиболее эффективное средство формирования общественного мнения, всегда находилась под пристальным вниманием советской власти. Цензуре подвергались не только статьи – оценивался общий «уклон» газет. Партийные цензоры внимательно читали вышедшую периодику и делали соответствующие выводы. Например, вот что писал 29 июля 1921 года в бюро КП(б)Б некто Э. Лейкин:

> «Просмотрел «Советскую Белоруссию» с 147 до 162 номера (с 8 июля до 26 июля). Газета не наша. Это не советская или партийная агитационная газета,

а газета определенного общественного слоя, нам — вне сомнения — лояльного, но чуждого».

Газеты и журналы можно было печатать и распространять только через государственные агентства (к концу 1920-х гг. других уже не было). Редакторы газет получали из ЦК КПБ руководящие указания по почте и телефону, периодически отчитывались в ЦК на заседаниях отдела печати. Программы и планы работ ведущих республиканских газет вырабатывались на специальных совещаниях. Партийные органы занимались и подбором авторов для газетных статей. Планы передовых статей утверждал лично секретарь ЦК.

Любая газета в советском государстве являлась печатным органом партии, на что ясно указал в своей статье в феврале 1926 года председатель СНК БССР Язеп Адамович:

> «Задача прессы как средства, организующего массы, сводится к тому, чтобы передавать миллионам трудящихся лозунги и идеи нашей партии и нашего государства».

Адамович считал, что для укрепления влияния партии надо оставить в республике только центральные газеты, которые легче контролировать. Это позволит «объединить массы в одно целое, коллективно мыслящее, коллективно обсуждающее, коллективно решающее вопросы и коллективно строящее наше государство».

В 1924 году был утвержден союзный перечень сведений, запрещенных к опубликованию. Но, в отличие от царской России, где уставы о цензуре и печати были общедоступны, советский перечень являлся совершенно секретным документом. Непосвященному человеку невозможно было узнать, что пропустят в печать, а что нет.

В соответствии с перечнем запрещалось публиковать сведения военного характера: о дислокации, численности и перемещении военных частей, учреждений, заведений Красной Армии и военных объектов, вопросы военного бюджета и военной экономики (т.е. практически всей экономики СССР). Также секретными являлись сведения экономического характера: финансово-валютные фонды, планы, технические изобретения, усовершенствования, открытия. Плюс обширный список «сведений иного рода», касающихся внешней и внутренней политики СССР, народных волнений, манифестаций, забастовок, отрицательных настроений в обществе и в армии.

Перечень постоянно пополнялся в зависимости от политико-экономической ситуации. Так, в мае 1925 года газетам запретили сообщать о самоубийствах, слу-

чаях умопомешательства на почве безработицы и голода; в июне того же года секретными стали сведения об экспорте зерна. В октябре 1925 года Главлит РСФСР издал циркуляр, ограничивающий публикацию информации о жизни за пределами СССР. Запрещалась публикация радиоперехватов западных радиостанций. Единственным источником сведений о загранице стало Российское телеграфное агентство – РОСТА.

В апреле 1926 года Главлитбел запретил любые упоминания о существовании заводов Военпрома и Авиатреста, а также публикацию сведений, заранее указывающих время и место выступлений членов правительства и политбюро, сведений о Соловецких лагерях, бандитизме, росте цен, девальвации червонца. Из газет исчезли сообщения о стихийных бедствиях, катастрофах, эпидемиях, террористических актах. В 1930 году перечень пополнили статьи, запрещающие упоминание о восстаниях и выступлениях «кулацких и подкулацких элементов».

Деятельность ГПУ была полностью засекречена. Любые материалы, где прямо или косвенно фигурировали органы ГПУ, требовалось согласовывать с местными органами Политконтроля ГПУ.

Исследователь, читающий советские газеты второй половины 1920-х – начала 1930-х гг., неизбежно заметит, как постепенно беднел их язык и содержание, местные новости сводились к сообщениям об открытии новых промышленных предприятий, исчезли хроники городской жизни, полемические статьи о литературе и искусстве, свелась к минимуму реклама. Реклама заграничных товаров исчезла совершенно – она была запрещена. Советские люди не должны были знать о тех материальных возможностях, которые имели граждане других государств.

Все сообщения о жизни за рубежом преследовали своей целью нагнетание страха, создание у советских граждан образа империалистического врага, который «спит и видит, как бы навредить нашей стране, задушить в зародыше строительство светлого будущего».

СНЕГУРОЧКА-МОНАРХИСТКА

Газеты как зеркало отражали всеобщее обеднение социальной и культурной жизни советского общества. Серость и однообразность стали отличительной чертой не только советской прессы, но и все других сфер культурной жизни, например – театра. В борьбе за идеологическую чистоту театрального репертуара цензоры доходили до абсурда. Например, в 1925 году Главрепертком РСФСР своим циркуляром объявил «идеологически неприемлемыми» оперы «Снегурочка» – в связи с «демократически-монархической тенденцией», «Аида» – по причине «империалистического душка», «Демон» – из-за «мистической библейщины»*.

Неудивительно, что к 1928 году в театрах БССР (беларуских, польских, еврейских, русских) остались разрешенными к постановке менее 200 пьес. Руководители театров старались сохранить национальные пьесы, пусть даже

* «Аиду» Дж. Верди написал еще в 1870 г. Н.А. Римский-Корсаков создал «Снегурочку» в 1881 г. – *Прим. ред.*

дореволюционных авторов. Но с конца 1920-х гг. Главлитбел повел с этим решительную борьбу — репертуар театров БССР не должен был отличаться от российских.

В 1929–30 гг. в советской цензуре наступила пора всеобщей унификации. Был издан трехтомный «Репертуарный указатель», где все пьесы и оперы были разбиты по литерам. «Литера А» присваивалась «наиболее идеологически приемлемым произведениям, рекомендуемым к повсеместной постановке». Далее шли просто «идеологически приемлемые», «идеологически хоть и не выдержанные, но не настолько, чтобы запрещать», и, наконец, «категорически неприемлемые». Самой красноречивой в этом указателе была «Литера Г», означавшая пьесы «идеологически выдержанные, но примитивные». Ставить такие пьесы рекомендовалось в рабочих районах в дни революционных праздников.

Жизнь людей становилась все более аскетичной и регламентированной. В июне 1926 года Главлитбел запретил устройство благотворительных вечеров и платных танцев. Развлечения в рабочих клубах проверялись на предмет «политпросветительной» полезности. Репертком сообщал в АПО ЦК КП(б)Б:

> «Репертуар детский исключительно строго цензируется, дабы не привить детям вредных привычек».

Штамп цензора Главлита БССР на форзаце книги Янки Купалы «Вершы. Паэмы» (1948 г.)

Большое внимание уделялось контролю над массовыми видами развлечений, особенно цирку и эстраде. Из наставлений председателя Главлитбела в июне 1926 года своим подчиненным:

> «...Все силовые и акробатические номера м.б. разрешены Окрлитом после визы местного отдела физкультуры или Окрздрава, имеющей целью удостоверить, что если данный номер и вызовет подражание молодежи, то не приведет к нежелательному результату. Все номера с текстами должны быть просмотрены Окрлитами на общих собраниях (не допускать сальностей, контрреволюционных экивочков в тексте и т.д.). Как общее правило, нужно взять линию на выпрямление наших цирков и эстрад в сторону создания из них арен для показательной физкультуры и популярной политсатиры».

Согласно решению НКВД БССР от 15 января 1930 года, в витринах фотоателье можно было вывешивать только те снимки, на которые имелись разрешения Главлитбела, окрлита или райлита.

Решением Главлитбела от 29 ноября 1932 года из продажи и музыкальных библиотек «как халтурные с музыкальной стороны» были изъяты народные песни с нотами «А ў бары, бары», «А ў лесе, лесе», «Мужык жыта прадае», а также песни на слова Янки Купалы «Лісты валяцца», «У імгле», Максима Богдановича

«Як прыйшла я на ток малаціць». «Идеологически чуждыми и враждебными» были признаны народные песни «Ой ты белая бяроза», «А ты ня пыл». Песенный репертуар советского беларуса не должен был содержать лирических произведений «нацдемовского толка».

ДИАЛЕКТИКА В ТАБЛИЦЕ МЕНДЕЛЕЕВА

В 1931 году органы Главлитбела были брошены на борьбу с «национал-демократами». Просматривались и изымались школьные учебники по истории Беларуси, географии, беларускому языку, литературе, изданные в 20-е годы. Проверке на идеологическую выдержанность подвергались даже учебники по математике и химии. Так, книга Я. Бляхера «Неорганическая химия» была изъята вот за что:

> «нигде автор не сумел выявить диалектического процесса, как, например, при изложении типов химических реакций, периодического закона Менделеева, закона сохранения материи, истории химии и т.д.».

Но особое внимание уделялось, разумеется, художественной литературе. Были конфискованы все четыре издания «Истории беларуской литературы» Максима Горецкого за стремление доказать, что беларуская литература «является общенациональной литературой, потому что беларуская нация едина».

В 1931—33 гг. были составлены первые обширные списки литературы, подлежащей изъятию и уничтожению. Списки считались государственной тайной, вручались лишь ответственным руководителям под расписку, а их разглашение каралось в уголовном порядке. В 1935 году списки литературы были уже двух типов — «рекомендованной к изъятию» и «подлежащей изъятию в обязательном порядке». Изъятые книги пропускали через резательные машины типографий и отправляли в макулатуру либо сжигали.

Составленный Главлитбелом в 1935 году список книг, подлежащих изъятию из библиотек, ВУЗов и магазинов насчитывал 620 наименований. Среди запрещенных были книги М. Горецкого «Невялічкі беларуска-маскоўскі слоўнік», Максима и Гавриила Горецких «Руска-беларускі слоўнік», Всеволода Игнатовского «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі», Ефима Карского «Беларускі народ і яго мова», Язепа Лёсика «Аўтаномія Беларусі», Антона Луцкевича «Беларуская навуковая тэрміналогія», Владимира Пичеты «Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым», Симона Рак-Михайловского «Арыфметычны задачнік для пачатковай школы», Бронислава Тарашкевіч «Беларуская граматыка для школ» и множество других.

В дальнейшем фронт работы еще больше расширился. Изымались уже не отдельные книги, а все произведения «враждебных» авторов. В июне 1937 года был издан список, по которому изымались труды 55 государственных и культурных деятелей Беларуси за все годы на всех языках! Расширялись масштабы изъятий. Если в 1935 году Главлитбел и Главлит РСФСР издали три списка запрещенной литературы, то в 1936 году — шесть, а за первую половину 1937 года — семь.

К концу 30-х годов система политической цензуры сложилась окончательно. Бдительность цензоров выросла в разы и шагнула на высоты, недоступные разуму предшественников. Газеты стали изучать даже на просвет. Информационное письмо Главлита от 29 ноября 1938 разъясняло:

> «Бывает так, что если рассматривать фото или рисунок на отдельной полосе, он не встречает каких-либо сомнений. Но стоит взять уже отпечатанный номер этой газеты и посмотреть его на свет, порой можно обнаружить самые дикие сочетания рисунков первой полосы с рисунками второй полосы (или третьей с четвертой). В нашей практике имели место случаи прямых вражеских вылазок в части такого расположения клише. Чтобы не допустить подобного использования газеты во вражеских целях, цензор должен иметь в виду эту форму враждебной работы в печати».

Цензорам рекомендовалось тщательно изучать рисунки и фотографии с помощью лупы, оценивать контуры, орнаменты, тени, штрихи, сочетания красок, посредством которых «враги» могли протащить в искусство «контрреволюционное содержание».

В беларуских библиотеках до сих пор можно увидеть зловещие следы работы советской цензуры – отсутствующие номера и вырезанные статьи в подшивках газет 30-х годов; журналы, где названия статей вымараны черной тушью, а сами статьи безжалостно выдраны. «Великая чистка» шла не только среди людей – советский режим стремился вычистить и людскую память, уничтожая все материальные свидетельства существования репрессированных.

Народный Комиссариат Внутренних Дел Белорусской ССР

СОВ. СЕКРЕТНО

СВОДКА

Второго Специального Отдела НКВД БССР

Составленная „10“ Октября 1940 г.

Сводка НКВД БССР от 10 октября 1940 года в ЦК КПБ о перлюстрации писем

А вот еще одно «важное направление деятельности»:

> СВОДКА
>
> Второго Специального Отдела НКВД БССР
>
> Минским пунктом П/К обработано 100% корреспонденции, исходящей из гор. Минска за 10 октября 1940 с. г. с целью выявления политнастроений студенчества и населения в связи с постановлением СНК об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий.
>
> Характерные выдержки из документов приводим: ...

Политическая цензура усиливала распространение серости, стандартности в литературе, искусстве, практически уничтожив творческую личность.

Духовный мир советского человека, формируемый под влиянием урезанной, неполной и часто лживой информации, значительно обеднялся. Последствия уничтожения свободы слова по своему влиянию на общественный прогресс превзошли последствия карательной политики советского государства, и будут ощущаться еще очень долго.

«УСИЛИТЬ КОНТРОЛЬ...»

С началом Великой Отечественной войны Главлит, как и все советские учреждения, перешел на режим работы военного времени. Перечень сведений, запрещенных к опубликованию, в очередной раз был значительно расширен, что упростило работу цензоров – теперь любые сомнения решались в пользу запрещения. Количество ошибок, допущенных в печати в военные годы, упало с полутора тысяч до 80–90 в год.

СРОЧНО
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЦК ВКП(б) тов. Пузину А.А.
21 июня 1943 г.

«Сегодня, 21 июня 1943 года нами получен сигнальный экземпляр газеты «Коммунист», орган Красноводского Обкома и Горкома и Исполкома Совета депутатов трудящихся от 2 марта 1943 года № 50. В этом номере в тассовской заметке «Американские газеты о задачах стратегии союзника» в третьем абзаце в слове «Сталинград» пропущена буква «р».

Кроме того, по сообщению Начальника Военно-Морского штаба Каспийской военной флотилии в номере от 14 мая 1943 года № 101 в статье «Водному транспорту воинскую дисциплину» в слове «главнокомандующий» пропущена буква «л».

Сообщая об этом, считаю, что эти контрреволюционные опечатки – дело рук врага. Об этих фактах мною сообщено также в НКГБ»...

Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник Главлита

(Н. Садчиков)

Первые послевоенные годы характерны массовыми мероприятиями по установлению советской цензурной системы в восточноевропейских государствах, республиках Прибалтики, западных областях Украины и Беларуси. Просачивание информации в западную прессу о событиях на этих территориях беспокоило советское правительство. Руководству Главлита и НКВД докладывали с мест:

«Вся реакционная американская пресса (США, южноамериканские страны, Канада), а также частично и английская, особенно польская и еврейская реакционная печать, издающаяся в Америке, развернула широкую антисоветскую кампанию по поводу якобы тяжелого положения высланных в Сибирь лиц из западных областей Украины и Белоруссии. Причем различные газеты дают разноречивые цифры сосланных, не то 200 тысяч, не то 500–600 тыс. и даже боль-

ше. Они пишут, что высылаются поляки, евреи, украинцы и белорусы, что физически истребляется польская интеллигенция. Описываются разные жуткие небылицы и прочие ужасы гибели голодных и истязаемых непосильным трудом упомянутых сосланных... Необходимо соответствующим органам принять надлежащие меры и усилить контроль высылаемых куда-либо писем от лиц, высланных в глубь СССР».

Таким же образом, а именно ликвидацией всех источников информации, советская власть пыталась скрыть правду о трагедии в Катыни. Все документы по этому делу были уничтожены или засекречены. В августе 1945 года брошюра «Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» (Госполитиздат, 1944), особым решением была изъята из торговли и библиотек и уничтожена.

К 1947 году в Главлите насчитывалось 7 отделов. Но только один из них (1-й отдел) занимался вопросами охраны собственно военных и государственных тайн в печати и радио. Остальные шесть осуществляли политическую цензуру советских и ввозимых из-за рубежа книг, журналов, газет, радиопередач, кинофильмов и т.д. Третьему отделу Главлита была поручена цензура информации иностранных корреспондентов, которую они отправляли за пределы СССР.

Одной из проблем в работе советской цензуры в тот период было нечеткое разграничение полномочий между Главлитом, Главреперткомом и Главискусством. Все они занимались политической цензурой. С одной стороны, это обеспечивало круговую слежку за писателями и художниками, но с другой – позволяло человеку, получившему отказ в одном ведомстве, найти поддержку в другом. В 1946 году руководство Главискусства констатировало:

> «Нередко мы сталкиваемся с фактами, когда Главрепертком разрешает, а Главлит запрещает и, наоборот, Главлит разрешает, а Главрепертком запрещает».

Эта проблема была решена только в 1966 году, когда было создано Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров БССР, не имевшее структурного деления.

ПЕРЕСТРОЙКА ПО-ХРУЩЕВСКИ

С наступлением хрущевской «оттепели» общественно-политическая жизнь в СССР активизировалась. Возникла необходимость перестроить работу органов цензуры. Руководство КПСС блестяще справилось с этой задачей. Был

упразднен институт цензоров-совместителей, работавших в каждой газете и содержавшихся за ее счет. Упразднили также должности районных уполномоченных Главлита. Формально, штат цензоров сократился, что создавало видимость демократизации политики партии в области идеологии. Зато была введена персональная партийно-профессиональная ответственность редакторов и сотрудников газет за их содержание. Теперь уже не цензоры, а сами работники печати должны были следить за соблюдением государственных тайн и «идеологической чистоты» изданий.

Упор в работе цензуры был сделан на предварительный контроль – крамолу стремились выявить до ее опубликования. Инструкция о порядке цензорского контроля произведений искусства гласила:

> «При осуществлении контроля над произведениями искусства цензоры должны руководствоваться решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и действующими цензорскими указаниями, предусмотренными для открытой печати. Органы цензуры обязаны обеспечить соблюдение всех требований по охране государственных и военных тайн, не допускать к опубликованию и распространению политически вредных, идеологически чуждых, безыдейных, халтурных, пошлых, искажающих советскую действительность произведений».

Особенностью работы советских цензоров в послевоенный период стала глубокая конспирация. Деятели искусства представляли свои произведения в профильные организации – Союзы писателей, художников, скульпторов, кинематографистов, редакции газет и журналов. Оттуда произведения поступали в Главлит. Самим цензорам контактировать с авторами строго запрещалось. Это создавало вокруг работы цензуры ореол таинственности и недосягаемости – авторы не видели тех, кто одобрял или запрещал их работы, не могли им ничего доказать или объяснить. Известный писатель Анатолий Кузнецов, бежавший в 1969 году в Великобританию, так описал советскую цензуру в интервью немецкому журналу «Шпигель» (Зеркало):

> «Они (редакторы) говорят мне или автору: «Это хорошо, но цензура этого не пропустит». И сколько раз я просил: покажите мне этого человека, познакомьте меня с теми, кто это не пропускает, и я докажу, что это можно пропустить. Но мне этого никто не разрешал. Это личности за кулисами, их никто не видит. Это какие-то мифические фигуры».

ТИТАНИЧЕСКИЙ ТРУД

Главлит БССР и его органы на местах к концу 1958 года осуществляли контроль над 7 издательствами, 10 республиканскими, 7 областными, 161 районной газетами, 45 журналами, материалами БЕЛТА, теле- и радиовещания, проверяли всю печатную продукцию, издававшуюся на территории БССР. Контролировались также книжные фонды 18.439 библиотек, 11 выставок, принималась продукция 5 художественных мастерских, контролю подлежали произведения искусства (драматургия всех жанров, эстрадные произведения, тексты музыкальных и

вокальных номеров). Просматривалась вся печатная продукция, посылавшаяся частными лицами за границу – на Минском Главпочтамте, а также все ввозимые в СССР печатные издания – на Брестской таможне. Если цензоры не успевали просматривать ввозимую литературу, то адресат ее просто не получал.

Этим деятельность Главлитбела не ограничивалась. На контроле находились еще и экспонаты 25 музеев. В мае 1950 года было издано постановление ЦК КП(б)Б «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». В музее Великой Отечественной войны срочно потребовали изъять из экспозиций условные обозначения народнохозяйственных объектов БССР, сведения о количестве скота, полученного в 1947–49 гг. в счет репараций, карты дислокации партизанских отрядов и бригад во время войны. Секретными были объявлены почти все сведения о тракторном и автомобильном заводах в Минске. То же самое происходило в других музеях страны.

Главлит БССР давал разрешения на печатание портретов классиков марксизма-ленинизма, руководителей компартии и правительства, маршалов СССР только по эталонам, утвержденным Главлитом СССР и Минкультом СССР. Контролю Главлитбела подвергались хроникальные и научно-технические фильмы, выпускавшиеся киностудией «Беларусьфильм». Масштабы работы поистине грандиозные!

Надо отметить, что в творчество советских писателей, режиссеров и драматургов мог вмешиваться не только Главлит и его местные органы. Например, в процессе съемок среднего беларуского фильма о войне участвовали, кроме киностудии «Беларусьфильм», еще и местный Комитет по кино, Главный комитет по кино в Москве, Союз кинематографистов, культурный и агитационно-пропагандистский отделы ЦК КПБ, а также политуправление Белорусского военного округа, или даже Главное политическое управление Советской Армии (ГЛАВПУР). Писатель Василь Быков во время съемок фильма по его повести «Третья ракета» в 1963 году подсчитал, что право вмешиваться в кинопроцесс имели около 60 человек, и каждый что-то запрещал, изменял, требовал. Каждый хотел оправдать свое существование. После того, как фильм проходил согласование во всех местных инстанциях, его нужно было еще утвердить в Москве, где имелась своя армия критиков и консультантов.

Большое внимание Главлитбел уделял сельскому хозяйству. Практически всем беларуским писателям, которые брались за освещение этой темы, не удавалось угодить партийным идеологам. Во второй половине 1940-х гг. были запрещены к печати роман Кузьмы Черного «Бацькаўшчына» (как «политически вредный») и его же рассказ «Былінкавыя межы». Заместитель председателя Комитета по делам искусств БССР Ф.И. Дадиомова так аргументировала запрет:

> «В идейно-политическом отношении рассказ является вредным. Автор показывает деревню убогой. Больше того, Великая Октябрьская революция, советская власть ничего не дала деревне».

Пострадал и драматург Андрей Макаёнок. Главлитбел мгновенно отреагировал на его пьесу «Каб людзі не журыліся», переданную в журнал «Полымя». В заключении цензоров отмечалось:

«В пьесе имеется ряд фактов, которые искажают нашу советскую действительность. Плохо в пьесе показан райком партии, так как колхозники, которые обращаются за помощью в райком, не получают ее. Жизнь колхозников показана очень тяжелой. Нет дров, нет хлеба и т.д. Главлитом, после доклада в ЦК, было указано редакции на все эти недостатки. С нашими замечаниями они согласны. В результате пьеса была доработана автором и после напечатана».

Но и в «переработанном» виде пьеса цензоров не устраивала. В очередной записке в ЦК КПБ Главлитбел сообщал:

«В 1958 г. редакция журнала «Полымя» по нашему требованию переработала комедию А. Макаенка «Каб людзі не журыліся». Нами было сделано вмешательство в 7 местах. Тем не менее, и после этой переработки комедия имеет ряд дефектов».

В 1958 году редактор журнала «Маладосць» Алексей Кулаковский опубликовал повесть «Добросельцы», где главным героем был председатель колхоза – пьяница и демагог. На совместном заседании ЦК ЛКСМБ и Союза писателей БССР повесть была объявлена «ошибочной», а ее автор уволен с работы.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА — ЭТО НЕ САПОГИ ТАЧАТЬ»

Важно отметить, что цензура литературы и искусства в советском государстве осуществлялась без всяких законных или хотя бы полузаконных, оснований. «Перечня» для литературы, подобного «Перечню запрещенных сведений» для прессы, не существовало. Цензоры литературы и искусства руководствовались указаниями партии и текущей политико-идеологической ситуацией в стране.

Отсутствие правовых норм и, как следствие, полная безнаказанность, таинственность и размытость критериев оценки в деятельности советской цензуры приводили к тому, что любое произведение могло быть объявлено идеологически вредным. Цензоры и специально привлекаемые «компетентные рецензенты» достигли в этом небывалых высот, подвергая критическому анализу произведения классиков литературы и даже классиков марксизма. Но и они испытывали некоторые неудобства, не успевая перестраиваться за быстро меняющейся политической конъюнктурой.

Омельченко, главный цензор СССР после войны

Любопытной в этом отношении является дискуссия, развернувшаяся на совещании руководящих работников Главлита в 1946 году между начальником украинского Главлита Полонником и главным цензором страны – Уполномоченным Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати Омельченко:

«*Тов. Полонник:* По вопросам печати мы руководствуемся «Перечнем». Но мы считаем, что настало время, чтобы дать указания по вопросам художественной лите-

ратуры. Если мы вернемся к истории, тогда давались указания, какую литературу можно давать. Должен быть кодекс требований по литературе. Если старая цензура запрещала писать что-нибудь порочащее женщину, нарушающее святость семьи, дискредитирующее образ офицера, то мы таких указаний не имеем.

Тов. Омельченко: Вы предлагаете дать общий эталон для художественной литературы, известные рамки?

Тов. Полонник: Чтобы цензор знал, с каким критерием подходить к вопросу оценки художественной литературы.

Тов. Омельченко: Цензор не редактор, он лицо, осуществляющее определенные, порученные ему функции. Мне ваше предложение непонятно. Художественная литература – это не сапоги тачать. Это не обувная фабрика, где можно давать указание, какой фасон выпускать. Это схоластический вопрос.

Тов. Полонник: Мне хотелось бы получить от вас какое-то указание.

Тов. Омельченко: Я считаю, что это чепуха. Можете считать это за указание. Какой же можно выдумывать устав для художественной литературы?

Тов. Полонник: Я имею в виду Устав 1885 года. Устав цензору художественных произведений».

И этот разговор произошел на 30-м году советской власти! Совершенно очевидно, что советское государство было заинтересовано в отсутствии правовых основ для организации работы цензуры в области искусства.

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАПОЛОВИНУ

Политическая «оттепель» все же давала о себе знать. В 1950-е гг. были реабилитированы (в том числе посмертно) некоторые беларуские писатели и общественные деятели, обвиненные в свое время в национал-демократизме – Алесь Дударь, Валерий Моряков, Андрей Александрович, Александр Червяков, Николай Голодед и ряд других. Правда, их творчество реабилитировано не было – в январе 1959 г. председатель Главлитбела А. Садовский направил секретарю ЦК КПБ Тимофею Горбунову докладную записку, в которой сообщал, что цензоры просмотрели все книги реабилитированных авторов. Садовский подчеркивал:

> «Считаем, что эту литературу, несмотря на то, что авторы реабилитированы, передавать в общие фонды нельзя – ее необходимо оставить в спецхранах».

«Нацдемы» по-прежнему представляли опасность для советского режима своей гражданской и национальной позицией. Любые сведения о них вычеркивались из всех энциклопедий и справочников. Их имена можно было упоминать только в отрицательном контексте. Под запретом оставались «националистические» произведения Янки Купалы и Якуба Коласа.

Однако либеральные взгляды некоторых чиновников идеологического и цензурного аппарата, а также их человеческие симпатии приводили к тому, что отдельным произведениям все же удавалось проскользнуть через заслоны цензуры. Каждый такой случай был вызовом режиму и ударом по его устоям.

В послевоенное время советские идеологи действовали тоньше, чем в 30-е годы – «враждебных» авторов не уничтожали физически – их подвергали

критике и шельмованию через СМИ и пропагандистский аппарат. Общественности разъясняли, что читать их произведения не следует, так как они «безыдейные», лживые и низкохудожественные. Организовывались показательные митинги и коллективные письма «возмущенных читателей». Устраивались даже «дискуссии» в прессе, заранее срежиссированные и всегда односторонние. Режим пытался сломить авторов морально, принудить к сотрудничеству, загнать в цензурные рамки. Если человек не поддавался «перевоспитанию», то его могли исключить из партии, уволить с работы, лишить научных степеней и званий.

Способы психологического давления на упорствующих были самые разные: открытая слежка, прослушивание, перлюстрация писем, анонимные звонки по телефону, камни в окна и даже «физическое воздействие». Василь Быков в своих воспоминаниях упомянул эпизод с нападением на него и его товарища, Бориса Клейна, неизвестных людей на улице ночного Гродно. Из квартиры Быкова не раз исчезали книги и письма. К Быкову был приставлен специальный подполковник КГБ, который постоянно вел с ним «воспитательные» беседы.

А в 1982 году «неизвестные» обокрали квартиру Владимира Короткевича. Друзья и коллеги писателя полагают, что именно тогда исчезли черновики 3-й и 4-й книг одного из его лучших произведений – романа «Колосья под серпом твоим». Первые две книги были изданы с огромным трудом – партийные идеологи объявили роман «антиисторичным» и потребовали полностью его переписать. Путем разных ухищрений роман все же удалось издать, но он так и остался незаконченным.

Советские писатели были крайне зависимы от государства: вся гонорарная и издательская система была устроена таким образом, чтобы писатель чувствовал себя совершенно бесправным. Например, доходы от заграничных изданий советских писателей поступали в специальную организацию «Союзкнига», которая распоряжалась этими деньгами по своему усмотрению. Авторы получали из этих тысячных сумм крохи – от 10 до 50 рублей за издание, а за книги, объявленные в СССР «идейно вредными», им не платили вообще.

Василь Быков в своих воспоминаниях так описывал ситуацию, сложившуюся в беларуской литературе послевоенного времени:

> «Нас призывали писать правду, но далеко не всякая правда разрешалась литературе, разве что та, которая служила власти. Над регламентацией правды в поте лица трудились партийные органы, им помогали писательские начальники, цензоры-редакторы, «закрытые» рецензенты, которых за верную службу награждали квартирами, должностями, научными званиями, премиями».

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЦК КПСС
16 декабря 1988 г.

«Постановлением ЦК КПСС № 177/77гс от 7 марта 1961 года на Главлит СССР возложено осуществление негласного контроля за информацией, передаваемой иностранными корреспондентами за границу для получения необходимых сведений и своевременной организации контрпропаганды. В этих целях спецслужба Главлита СССР параллельно подключена к линиям связей ряда иностранных корреспондентов.

В последнее время в связи с переходом все большего числа западных информационных агентств на передачу материалов с помощью быстродействующей компьютерной техники и других современных средств связи (например «телефакс») работа спецслужбы Главлита СССР, оснащенной устаревшей аппаратурой (телетайпами), значительно осложняется. Без соответствующего обновления технической базы эта спецслужба вскоре не сможет в полном объеме выполнять возложенные на нее функции».

Зав. идеологическим отделом ЦК КПСС А. Капто

В начале 1980-х гг., в связи с нарастанием социально-экономического кризиса в СССР и неспособностью справиться с ним, партийные идеологи кинулись крепить пропагандистскую работу. Об этом свидетельствует ряд постановлений ЦК КПСС: «О мерах по усилению защиты населения от антисоветского радиовещания» (декабрь 1983) , «О дальнейшем развитии и усовершенствовании периодической печати для детей и юношества» (октябрь 1985), «О работе с кадрами в ТАСС» (декабрь 1985).

Кидаясь из крайности в крайность, советские идеологи взялись даже за рок-музыку. В 1983 году ЦК КПСС издал постановление «О регламентации деятельности вокально-инструментальных ансамблей и дискотек». На дискотеках разрешалось озвучивать не более 20% иностранных песен, тексты остальных 80% должны были принадлежать членам Союза писателей СССР. Все вокально-инструментальные ансамбли тоже должны были исполнять советские песни. Первым отчиталось по этому указанию Министерство культуры БССР. Оно расформировало первую успешную беларускую рок-группу «Сузор'е», имевшую к тому времени статус филармонической.

Деятельность органов цензуры того периода можно рассматривать как часть механизма торможения общественного развития, пытавшегося хотя бы внешне сохранить лакировочно-благополучный стиль массовой пропаганды и официальной культуры. Это требовало все больших усилий — число замечаний цензоров по содержанию просмотренных материалов к середине 1980-х гг. возросло в несколько раз.

При подготовке к печати через предварительную цензуру Главлитбела в 1981—86 гг. проходило в среднем 41.540 учетно-издательских листов в год (это около 1 млн 330 тыс. страниц). Ежегодно просматривалось на экране в среднем 104,1 километра кинопленки, 9320 единиц печатных экземпляров, отправляемых за рубеж по почте. По результатам проверок в среднем более чем тысяча раз в году снимались сведения, запрещенные к открытой публикации. За 1981—86 гг. Главлит БССР отклонил 473 материала, уже подготовленных к печати, и произвел 2549 вмешательств в материалы беларуских издательств, редакций газет, журналов и радиостудий. Расширение издательской деятельности в республике в первой половине 1980-х гг. только увеличивало объем работы Главлитбела.

Многие литературные произведения после рецензирования задерживались и возвращались на доработку. Наиболее характерными обвинениями со стороны цензоров являлись: «неверное» освещение авторами явлений советской действительности; «искажение правды» о партизанском движении на территории

Беларуси в годы Великой Отечественной войны; «одностороннее освещение» жизни колхозной деревни и т.п.

Например, были возвращены на доработку роман Эдуарда Скобелева «Шаги за твоей спиной», повесть Василя Быкова «Круглянский мост», роман Ивана Чигринова «Апраўданне крыві», книга В. Колесника «Парусы Адысея (У. Жылка і рамантычныя традыцыі ў беларускай паэзіі)», В. Коваленко «Агульнасць лёсаў і сэрцаў (Беларуская паэзія аб вялікай Айчыннай вайне у кантэксце рускай і іншай літаратуры)». В книге Н. Сташкевича «На защите идей Октября» правился текст, в котором содержались некритические, по мнению цензоров, оценки деятельности беларуских писателей, публицистов, национально-культурных деятелей Антона Луцкевича, Язепа Лёсика, Алеся Гаруна, Вацлава Ластовского.

Писателя Василя Быкова цензоры не любили

Очень тщательно проверялись материалы такого мощного средства пропаганды, как телевидение. Этот вид СМИ открыл аудитории окно в огромный мир, советские зрители могли с помощью прямого телерепортажа побывать в любой точке земного шара, участвовать в международных событиях. Но они должны были видеть западный мир лишь в отрицательном ракурсе. Еще в 1960 году вышло постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии советского телевидения», в котором телевидение провозглашалось «важным средством коммунистического воспитания народных масс в духе марксистско-ленинской идейности и морали, непримиримости к буржуазной идеологии». Работники телевидения являлись государственными служащими, которые, хотя и обладали рядом привилегий, подчинялись жесткой дисциплине.

Советское телевидение через трансляцию бесчисленных партийных съездов, разных заседаний, награждений одними партийными бонзами других неожиданно для партийных руководителей правдиво показало все их убожество и отсталость, неумение вести себя. Этот эффект прямого телевещания не был сразу понят, поэтому советский телезритель довольно долго был обречен на просмотр видеостенограмм партийных и государственных событий, нередко служивших затем базой для народного фольклора и анекдотов.

С середины 1980-х гг. технические возможности советского телевидения позволили практически все передачи вести в записи, что упрощало предварительную цензуру. Прямые репортажи были сведены до минимума. Наиболее массовые передачи «Голубой огонек», «КВН», «Пресс-центр» и другие выходили на экран после тщательного монтажа, в ходе которого убиралось все, что казалось сомнительным с точки зрения партийной цензуры. Передача «Эстафета новостей» вообще была закрыта. Структура информационных программ была сведена к шаблону и строго регламентирована определенными блоками сообщений: партийная «светская» хроника (выступления членов Политбюро ЦК КПСС, их визиты, награждения и т.п.), экономическая парадная хроника, международные новости с тенденциозным подбором (рассказ о событиях в странах социалисти-

ческого лагеря, борьба рабочих на Западе за свои права и т.п.), спортивная информация, прогноз погоды.

В феврале 1986 года состоялся XXVII съезд КПСС, одобривший программу «перестройки». Она предусматривала, помимо прочего, необходимость расширения информирования населения по актуальным вопросам социально-экономического населения страны и усиление гласности в борьбе с бюрократизмом, другими негативными явлениями. В связи с этим Главлиту было поручено внести необходимые изменения в Перечень сведений, запрещенных к опубликованию, исключив из него сведения политического характера, а также ряд сведений по экономике и промышленности. Теперь Главлит должен был заниматься (по крайней мере, формально) исключительно своими прямыми обязанностями – охраной государственных и военных тайн в печати.

Но политическая цензура не исчезла. Ответственность за идейно-политическое содержание материалов печати по-прежнему должны были нести руководители органов печати, радио и телевидения, учреждений культуры и искусства. Теперь органы цензуры не вмешивались напрямую в материалы, а информировали о них соответствующие партийные комитеты. Правда, число таких информаций постепенно сокращалось – этому способствовали изменившиеся критерии оценки. Почти вся научно-техническая, научно-популярная и справочная литература была снята с контроля Главлита, понемногу начали рушиться спецхраны библиотек, музеев, архивов.

Обложка книги «Круглянский мост»

Однако старая машина еще продолжала работать в прежнем режиме: идеологическая цензура осуществлялась в СМИ, прежде всего на радио и телевидении, в спецхраны библиотек и на утилизацию отправляли теперь уже произведения Л.И. Брежнева, К.У. Черненко и других высокопоставленных «партайгеноссе».

«ВАНДЕЯ ПЕРЕСТРОЙКИ»

С началом перестройки начался постепенный пересмотр советских концепций истории Октябрьской революции, НЭПа, индустриализации, репрессий, ведущей роли партии и т.д. Процесс этот шел медленно – в советской идеологии продолжали существовать своего рода «священные коровы», посягательство на которые резко пресекалось. Вторая мировая война, партизанское движение, история Великого княжества Литовского – все это пересмотру пока не подлежало. В 1980-е годы не была издана отдельной книгой повесть

Василя Быкова «Круглянский мост», опубликованная в журнале «Полымя» еще в 1968 году. Герои этой повести – советские партизаны, которые для подрыва важного моста используют мальчика – сына полицая. Мальчик при взрыве погибает.

Редактор журнала «Полымя» Павел Ковалев предварительно заручился поддержкой ЦК КПБ – повесть одобрил секретарь ЦК по пропаганде, бывший партизан Станислав Пилотович. Редактор газеты «Літаратура і мастацтва», бывший политработник Леонид Прокша опубликовал в своей газете хвалебную статью, посвященную этой повести. Но после публикации «Круглянского моста» на русском языке в журнале «Новый мир» на Быкова обрушился шквал критики со стороны бывших чекистов и партизанских генералов. Главному редактору «Нового мира» Александру Твардовскому вскоре пришлось оставить этот пост. Своих должностей лишились Пилотович, Прокша и Ковалев.

Похожая судьба постигла повесть Быкова «Знак беды», опубликованную на беларуском языке в журнале «Полымя» в 1983 году. Это произведение обсуждалось на самом высоком уровне – в Политбюро ЦК КПСС. Бывший пресс-атташе генсека Горбачева в своих воспоминаниях писал, что на заседании Политбюро развернулась дискуссия между председателем КГБ СССР Чебриковым, который требовал повесть запретить как «подкоп под коллективизацию», и Горбачевым, который сказал, что эта повесть – «знак весны, обновления, демократизации». Повесть разрешили публиковать на русском языке в журнале «Дружба народов», но предварительно из нее вычистили почти все «острые» места. Когда же повесть была подготовлена к публикации отдельной книгой, Главлит по указанию секретаря ЦК КПСС Егора Лигачева наложил на нее вето. Книга вышла лишь после того, как из нее вообще выкинули сцены раскулачивания. В 1986 году Лигачев потребовал переснять и фильм «Знак беды», снятый Михаилом Пташуком, но режиссер отказался.

Вообще в Беларуси советская цензура сдавала позиции медленнее, чем в России. Во второй половине 1980-х гг. журнал «Огонёк» стал одним из самых демократичных изданий СССР, он публиковал полемические и остросоциальные статьи. Именно в «Огоньке» в 1988 году была опубликована статья Василя Быкова «Дубинки вместо перестройки», посвященная минским событиям 30 октября 1988 года, когда местные власти с применением дубинок и слезоточивого газа разогнали на Восточном кладбище шествие, организованное национально-демократической оппозицией и приуроченное к празднику «Дзяды».

В Беларуси же продолжали запрещать печатать даже произведения «нацдемов» 30-х годов, например Алеся Гаруна. Недаром секретарь ЦК КПСС Лигачев ставил БССР в пример другим, не столь «стабильным» республикам, а Алесь Адамович с горечью называл Беларусь «Вандеей перестройки».

Но в 1980-е годы «завинчивание гаек» в одних сферах жизни компенсировали послабления в других. Например, под патронажем комсомола стали проходить многочисленные рок-фестивали. Еще в 1970-е годы комсомол пытался возглавить советское рок-движение, чтобы таким образом взять его под контроль – ведь подпольные рок-группы контролировать было невозможно. Кроме того, на рок-группах можно было заработать – организация концертов и фестивалей приносила комсомолу неплохие доходы.

А в 1980-е годы развернулась кампания по дискредитации музыкальных стилей, набиравших популярность в СССР – «heavy-metal» и «hard-rock». В этой ситуации тех советских рокеров, которые не увлекались «тяжелой музыкой», комсомольские руководители воспринимали почти как своих союзников. В 1985 году в Минске под патронажем горкома комсомола был создан первый беларуский рок-клуб «Няміга», объединивший беларускоязычные рок-группы «Бонда», «Блізьняты», «Магістрат» и «Рэй». Правда, клуб существовал недолго – рокеры явно не вписывались в «формат» советской системы.

Все рок-группы, выступавшие на официальных концертах, должны были проходить комиссию по литературной проверке текстов, где их проверяли цензоры и партийные идеологи. Песни, не прошедшие «литовку», не разрешались к исполнению. Естественно, что партийные чиновники выискивали крамолу даже там, где ее не было. Например, при прослушивании песни группы «Бонда» «Тата мае рацыю» чиновники задали недоуменный вопрос – «Зачем советскому человеку рация? Он что, шпион?». После объяснений смысла слова «рацыя» в беларуском языке комиссию все же удалось пройти. А вот группа «Мроя» комиссию не прошла, так как ее песни сочли «слишком мрачными»...

В июне 1990 года Верховный Совет СССР после продолжительных обсуждений принял закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», который законодательно закрепил отсутствие какой бы то ни было предварительной цензуры. Один из последних руководителей Главлита СССР Владимир Солодин в своем интервью рассказал, что еще в 1968 году рассматривался проект «Закона о печати», предусматривавший отмену цензуры. При обсуждении проекта в Политбюро секретарь ЦК Михаил Суслов сказал: «От отмены цензуры в Чехословакии до ввода наших танков прошел год. Чьи танки и когда мы будем вводить в Москву?». После этого проект похоронили.

Спустя год в Москву вошли танки и открыли огонь по Дому правительства. Танки были свои, советские...

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ РАДИОВЕЩАНИЯ В БССР

Александр Гужаловский

Исследования психологов свидетельствуют о могучей силе воздействия голоса на подсознание человека. Этот уникальный психологический феномен по достоинству оценило и широко использовало в своих интересах руководство партии большевиков. Правители советского государства приняли во внимание и более прозаические соображения: значительная часть населения долгое время оставалась неграмотной (так, в БССР в 1926 году неграмотными были 49,6 % граждан старше 16 лет). Следовательно, эта часть жителей страны оставалась недоступной для воздействия печатных средств массовой информации.

В 1920–30-е годы радио стало мощным идеологическим оружием, инструментом массовой политической агитации и пропаганды внутри СССР и за его пределами.

Российская исследовательница Т.М. Гараева выделила ряд периодов в процессе становления политического контроля над советским радио.

Первый (1918–20 гг.) – «военно-технический», обусловленный условиями и задачам гражданской войны. Затем последовал «поисковый» период (1921–24 гг.), когда формы и методы радиовещания являлись объектом дискуссий и экспериментов. После него радиовещание несколько лет (1924–28 гг.) развивалось в структуре акционерного общества «Радиотрест». Гараева характеризует этот период как «оптимальный». За ним последовал «ведомственный» период (1928–33 гг.), обозначенный принадлежностью учреждений радио Народному комиссариату почт и телеграфа (НКПиТ), а потом Наркомату связи ССР. И, наконец, наступил «государственный» период (1933–41 гг.), когда все радиостанции подчинялись Радиокомитету при Совнаркоме СССР.

В 1924 году в Москве было создано всесоюзное акционерное общество «Радиопередача». Его учредители – Российское телеграфное агентство (РосТА), НКПиТ, Трест заводов слабых токов и другие – поставили своей целью объединение всего радиодела в СССР, организацию широкого вещания для населения, строительство и эксплуатацию радиостанций, торговлю радиоаппаратурой и другую деятельность коммерческого характера. Уже на первом году существования АО «Радиопередача» начало эксплуатацию радио-телефонных станций в Ленинграде, Харькове, Минске, Ростове, Тифлисе, Свердловске.

На протяжении всего времени существования «Радиопередачи» ее уполномоченным в БССР являлся А. Канокотин, бывший партработник низового уровня. При уполномоченном существовал совет, в который входили представители от ЦК КПБ, ЦК ЛКСМБ, Главполитпросвета и НКПиТ.

Из журнала «Абажур», 2009, № 3 (78), с. 18–23. Перевод А.Е. Тараса.

Минская радиостанция «имени Совнаркома БССР» приступила к регулярному вещанию на территорию республики с 15 ноября 1925 года. Уже через месяц, 22 декабря 1925 года, ЦК компартии Беларуси постановил создать радиокомиссию при агитационно-пропагандистском отделе. В ее обязанности входили:

- пропаганда радио в городе и деревне,
- идейно-политическое руководство работой «Радиопередачи» и беларуского отделения «Общества друзей радио» (существовало с 1924 г.),
- назначение руководителей радиовещания и редакторов, утверждение структуры сетки вещания.

Например, вот как выглядела программа радиопередач в марте 1928 года: радиогазеты (ежедневно), концерты (3 раза в неделю), радиоуниверситет (3 раза в неделю), политический доклад (раз в неделю).

Первый выпуск «Беларуской радиогазеты» прозвучал в эфире 13 марта 1926 года. Ее структура выглядела следующим образом:

1) Новости из-за рубежа (из Западной Беларуси);
2) По БССР;
3) Партийная жизнь;
4) Рабочая жизнь;
5) Новости села;
6) По Минску (хроника, театр, кино, суд и т.д.);
7) Физкультура;
8) Сообщения;
9) Почтовый ящик.

Раз в две недели выходили в эфир еврейский, польский, латышский отделы, а также отдел «По СССР», транслировавшийся из Москвы. В течение того же года были созданы радиогазеты «Беларуская деревня», «Красная смена», «Пионер Беларуси».

Редакции радиогазет не ограничивались использованием традиционных газетных жанров, они разрабатывали новые: информационные заметки, корреспонденции, интервью, радиорепортажи. В эфир шли как оригинальные материалы, подготовленные непосредственно в редакциях радиогазет, так и информация из агентств и прессы. Аппаратуры для звукозаписи еще не было, беларуские радиожурналисты до 1949 года работали исключительно в прямом эфире*. Около 80% вещания во второй половине 20-х годов велось на беларуском языке.

Радиогазеты занимали центральное место в вещании, но не были единственной его формой. Перед микрофоном появлялись артисты, поэты, ученые. Транслировались демонстрации, съезды, вечера, собрания. В 1928 году был организован радиоуниверситет, превращенный через два года в Институт заочного обучения по радио (в 1931 году его ликвидировали ввиду низкой эффективности такой формы образования).

Важное место в эфире 20-х годов занимали корреспонденции рабочих и сельских корреспондентов. Большинство «народных» материалов отличалось актуальностью и остротой. Движение рабселькоров представляло опасную аль-

* Первый серийный магнитофон К-1 производства фирмы BASF был представлен на выставке в Берлине в 1935 г. В советских радиоцентрах магнитофоны появились только в 1948–49 гг.

тернативу системе государственной пропаганды, не терпевшей никаких импровизаций.

5 марта 1928 года бюро ЦК КПБ приняло постановление о дальнейшем развитии радиофикации и радиовещания. Оно поставило задачу расширять коллективные формы использования радио в местах проживания и отдыха граждан (громкоговорители на улицах городов, в красных уголках, клубах, учреждениях образования и здравоохранения). В том же месяце ЦК созвал в Минске республиканское партийное совещание работников радио. На нем обсуждали вопросы расширения аудитории радиослушателей. А работникам радио, как свидетельствуют принятые решения, досталось за оторванность от жизни, узость тематики и многое другое.

* * *

Специфику доступа населения Страны Советов к информации характеризовало не только содержание передач, но и условия, которые приходилось соблюдать частным лицам для пользования радиоприемниками*.

Так, каждый покупатель радиоприемника должен был зарегистрировать его в управлении связи своего округа**. При этом требовалось заполнить развернутую анкету (год и место рождения, национальность, партийность, социальное положение, образование, профессия, место жительства до и после революции, служба в армии, причина увольнения с последнего места работы). Решение о регистрации принимали сотрудники окружного управления связи после согласования с местными политорганами. В заявлении о разрешении на установку радиоприемника его владелец должен был указать, какие радиостанции он собирается слушать. Самодельные приемники требовалось представлять в управление связи округа для пломбирования.

Еще более сложным являлся порядок регистрации частных радиоприемников в 100-километровой пограничной зоне, охватывавшей примерно треть территории БССР до осени 1939 года (здесь хорошо принимались радиостанции Варшавы и Кёнигсберга). Потенциальному владельцу требовалось иметь трех поручителей – членов компартии. Несовершеннолетним, кроме того, – разрешение родителей или опекунов. Использование самодельных приемников в погранзоне вообще запрещалось.

Такой порядок регистрации в сочетании с дефицитом детекторных радиоприемников торговле и высокой их стоимостью делал радиоаппаратуру малодоступной широким кругам населения.

Одним из инструментов тотального идеологического и политического контроля над обществом служил орган цензуры – Главное управление по делам литературы и издательств БССР (Главлитбел).

Первоначально функции радиоцензуры (предварительной и последующей, или карательной) были распределены между разными ведомствами. Предварительной цензурой радиогазет и художественно-просветительских программ за-

* Первый советский серийный приемник «БВ» выпускался с 1925 г. Он сыграл основную роль в радиофикации предприятий, учреждений, хат-читален, клубов, красных уголков.

** В 1924–30 гг. в БССР вместо областей были округи: Бобруйский, Борисовский, Витебский, Калининский (с центром в Климовичах), Минский, Могилевский, Мозырский, Оршанский, Полоцкий, Слуцкий. Деление на округи несколько раз менялось. – Прим. ред.

нимался Главлит; лекций и докладов – Главполитпросвет. А последующую цензуру осуществляли оба этих ведомства совместно с представителями ГПУ.

Тем не менее, если печатное слово к середине 20-х годов полностью находилось под идеологическим контролем, то слово, звучавшее по радио, иногда доносило слушателям правду жизни. Трансляции митингов, выступления в прямом эфире, несмотря на все старания властей исключить нежелательные ситуации, давали шанс решительному или отчаянному человеку высказать свое мнение.

* * *

Реформа радиовещания в СССР, начавшаяся в 1928 году, была направлена на перевод собственности радиовещательных организаций (в первую очередь радиостанций) из акционерной в государственную. Совет труда и обороны СССР принял 13 июля 1928 года постановление о ликвидации общества «Радиопередача». Все дела радиовещания и радиофикации отныне возлагались на НКПиТ. Перевод радиовещания на государственные рельсы был осуществлен весьма оперативно, а сопротивление акционеров «Радиопередачи» быстро сломлено. Но после этого внутри НКПиТ сложилась достаточно напряженная ситуация. Статус второразрядного бюрократического учреждения в составе полувоенного ведомства не удовлетворял ни радиожурналистов, ни пропагандистов ЦК.

Политбюро ЦК ВКП(б) 21 августа 1931 года решило вывести радиовещание из структуры НКПиТ и подчинить его непосредственно ЦК, оставив за наркоматом только административно-хозяйственную часть. С этой целью через четыре дня (26 августа) Политбюро приняло постановление о создании в структуре НКПиТ самостоятельного Радиокомитета (на правах управления) под идеологическим руководством отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б).

Типичная «картинка» советской пропаганды: рабочие слушают новости

Примерно через год, 7 сентября 1931 года, Президиум ЦИК советов СССР постановил создать Комитет по радиовещанию (при ЦИК) и подчинить ему все органы и учреждения советского радио. 1 декабря того же года Политбюро ЦК партии решило передать Комитет по радиовещанию Совету народных комиссаров СССР. Наконец, 31 января 1933 года постановлением Совнаркома СССР был создан Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию.

Этот же документ подтвердил принадлежность приемно-передающих средств Наркомату связи СССР и указал роль радиокомитета в наркомате – «советник и помощник» по вопросам радиотехнического строительства.

Вот так завершился почти десятилетний период поисков организационных форм работы советского радио в пользу тоталитарного партийного контроля и государственной формы собственности.

* * *

Изменения в системе радиовещания в БССР происходили по московскому образцу.

В июле 1928 года минская радиостанция имени Совнаркома БССР и гомельская радиостанция имени Сталина перешли от акционерного общества «Радиопередача» в собственность НКПиТ СССР. Оперативное руководство радиовещанием в БССР осуществлял Уполномоченный НКПиТ по радиовещанию и радиофикации в БССР. Ему помогали Радиосовет (отвечавший за политический и художественный уровень передач) и Радиоцентр (решавший технические вопросы радиотрансляции).

17 апреля 1932 года ЦИК советов БССР выделил радиовещание из системы связи и создал для руководства им Комитет радиовещания при ЦИК. Исполкомам городских и районных советов было рекомендовано выделить по одному из членов их президиумов для руководства радиовещанием на местах.

27 декабря 1933 года Совнарком БССР преобразовал Комитет радиовещания в Комитет радиоинформации и радиовещания, который существовал до начала Великой Отечественной войны.

ЦК КПБ с помощью приказов и директив контролировал журналистский и редакторский состав органов радиовещания, содержание передач и форму подачи материалов. Как и другие СМИ, радио активно участвовало в политических кампаниях – пропаганде пятилеток, выборов в Верховный Совет, борьбы с «врагами народа».

В 1932 году были закрыты радиогазеты. В 1933 году было ликвидировано Общество друзей радио СССР. Вместо него при ЦК ВЛКСМ появился Комитет содействия радиофикации страны и развитию радиолюбительства. В 1935 году был ликвидирован и он, а его функции переданы Всесоюзному радиокомитету.

К середине 30-х годов централизация и монополизация творческого процесса достигли апогея. Практически все текстовые материалы, а также комментарии к музыкально-художественным программам готовились в Москве, в аппарате Всесоюзного радиокомитета, а затем рассылались на места. Значительно сократился объем вещания на беларуском языке.

В 1936 году в структуре Всесоюзного радиокомитета появился новый отдел – «микрофонных материалов». Он занимался централизованной подготовкой текстов микрофонных радиопередач и рассылкой их для местного вещания, в том числе для радиостанций БССР. Это должно было полностью исключить возможность выхода в эфир бесконтрольных текстов.

В 1937 году была прекращена практика радиомитингов и радиопереключек.

* * *

Одновременно с усилением политической и организационной зависимости радио происходило усиление цензуры. Главлит и другие цензурные органы являлись исполнителями воли главного идеологического заказчика – партийного руководства. При этом партия «указывала и направляла», органы цензуры осуществляли контроль, а органы ГПУ – НКВД карали виновных.

Еще 10 января 1927 года ЦК ВКП(б) своим постановлением определил обязательный порядок прохождения всех эфирных материалов через органы Главлита. В январе 1928 года приказом по правлению АО «Радиопередача» была

введена практика оформления микрофонных текстов с визами заведующего отделом и уполномоченного Главлита. Подлежали вторичному визированию все изменения, вносимые в тексты непосредственно перед эфиром.

Постановление Совнаркома РСФСР от 5 октября 1930 года дополнило практику предварительного просмотра Главлитом печатной продукции, выставок, лекций, а также текстов радиопередач последующим контролем. Вскоре цензорская группа радиовещания была преобразована в сектор Главлита, который занимался только предварительной цензурой центрального эфира и контролем работы групп радиовещания, действовавших в структуре облгорлитов. Последующий контроль центрального вещания осуществляла самостоятельная цензорская группа при радиокомитете. Для цензоров были созданы благоприятные технические условия: установлены радиоприемники и радиоточки на рабочих местах и в квартирах.

Одновременно руководство радиокомитета разработало детальную схему прохождения материалов через цензуру, нарушение которой жестоко каралось.

Наконец, в 1940 году, после передачи цензурного контроля над художественным радиовещанием из Главреперткома в Главлит, в руках последнего были сосредоточены все виды радиоцензуры, что исключало возможность лавирования авторов между ведомствами.

Однако, если в Москве нарушение указанных норм контроля или отклонение от них рассматривалось как чрезвычайное событие, то в столицах союзных республик распоряжения Главлита выполнялись не в полном объеме*.

В отчете ответственного инструктора «Радиопередачи», составленном после проверки работы радиостанций БССР в мае 1928 года читаем:

> «Как правило, предварительная проработка материалов нигде не практикуется. Материалы допускаются к микрофону без основательной проработки и проверки, как в смысле идеологической выдержанности, так и редакционной... Политический просмотр материалов, как предварительный, так и последующий, нигде не существовал. Часто политически невыдержанные сообщения проскальзывали мимо ответственных работников и в таком виде передавались в эфир».

В сентябре 1930 года «с целью ликвидации прорывов в деле радиовещания на местах» в БССР была направлена ударная бригада из Москвы. Характеризуя работу минского радиоцентра, члены бригады отметили:

> «...О его музыкально-воспитательной работе говорить не приходится, ибо репертуар состоит из "подозрительных" народных песен, малороссийщины и т.д. /.../ Нельзя не обратить внимание еще на одно обстоятельство: к моменту начала передач Белрадиоцентр ежедневно остается без ответственного руководства. Ведут все передачи дикторы, которые, конечно, лишены возможности вносить на ходу те или иные изменения... Дежурного, политически ответственного тоже нет».

---

* В 1927 г. в своей инструкции Гомельскому окрлиту Главлитбел предложил при осуществлении контроля работы Гомельской станции «быть достаточно гибким, чтобы не срывать работу радиовещательных организаций». См. НАРБ, фонд 4, опись 1, дело 3546, лист 189.

Известны также попытки ретрансляции районными радиоузлами БССР передач зарубежных радиостанций, в частности, богослужений в костёлах.

Руководство БССР приняло меры с целью исправления ситуации. В 1931 году начала работу новая трансляционная станция мощностью 30 кВт. Штат сотрудников беларуского Радиоцентра увеличился до 50 человек. Среди них были молодые беларуские литераторы Т. Кляшторный, С. Барановых, В. Моряков (все они погибли во время сталинского «большого террора»). Постановлением секретариата ЦК КПБ от 21 августа 1931 года в Главлите БССР была введена должность цензора, ответственного за радиовещание. Без его визы на первой и последней страницах в эфир не мог выйти ни один материал. Показателен и тот факт, что председателем Радиокомитета в 1931 году назначили бывшего заведующего Главлитбела Р. Шукевича-Третьякова*.

Появление представителей цензурного ведомства на радио сразу же отразилось на его работе. Начались увольнения редакторов, литературных сотрудников и даже музыкантов оркестра за «политические ошибки», неисполнение приказов руководства и, разумеется, за «принадлежность к антисоветским организациям». 17 ноября 1932 года цензор на 25 минут прекратил трансляцию из Минска, так как на материале отсутствовала подпись редактора. Но остатки прежнего либерализма какое-то время сохранялись на минском радио: редакторы могли оспорить цензорские запреты на следующий день после эфира. Вскоре было покончено и с этим — решение цензора стало истиной в последней инстанции.

К тому же времени относится создание такой формы прослушивания радиопередач, как партийные радиоаудитории. Они представляли собой помещения, где кроме приемников имелись небольшие библиотеки агитационной литературы, наглядные пособия, подшивки периодических изданий. Каждую партийную радиоаудиторию возглавлял штатный заведующий. К концу 1935 года в БССР насчитывалось более 400 таких аудиторий. Ежемесячно их посещали в организованном порядке свыше 6 тысяч человек.

После создания в 1933 году Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию советские власти поставили масштабную задачу — развивать проводное радио. Вообще говоря, первые трансляционные точки появились в крупнейших городах БССР (Минске, Витебске, Гомеле, Бобруйске, Полоцке) еще в 1928 году**. На первую пятилетку планировалось установить в БССР 416 тысяч радиоточек. Именно это называлось радиофикацией. Сеть радиоточек позволяла государству осуществлять жесткий информационный контроль, так как полностью исключалась возможность приема извне нежелательной информации. Фактически, радиоточка — это приемник с жестко фиксированной частотой, позволяющей слушать только одну официальную радиостанцию. Одновременно проводная сеть государственного радио решала задачу оповещения населения в чрезвычайных ситуациях.

---

* Родион Шукевич-Третьяков (1893–1942) возглавлял Главлитбел в 1922–24. В 1924–31 редактор газеты «Беларуская вёска». После Радиокомитета работал в АН БССР, в Комитете по физкультуре и спорту. В августе 1938 арестован и вскоре осужден как «враг народа». В январе 1942 умер в лагере. Реабилитирован в 1956.

** Идею создания проводного радио (т.е. системы передачи в квартиры клиентов новостей, рекламы, лекций и музыки) в 1922 г. предложил и реализовал американец Дж. О. Сквайр.

В отличие от проводной сети, советское волновое радио 30-х годов было направлено преимущественно на зарубежные страны.

В тот же период радиовещание начало использовать звукозапись при помощи электромеханических систем. Это, во-первых, электрограммофонная система (грампластинки) и, во-вторых, тонфильмовая (использовавшая принцип звукового кино). Появление этой техники существенно изменило структуру радиопередач. Если раньше практически все они шли в прямом эфире (только иногда перед микрофоном ставили механический граммофон), то в середине 30-х годов до 20 % эфирного времени занимала звукозапись. А это, в свою очередь, постепенно вело от доминирования вербальных элементов (речи) в радиовещании к увеличению доли невербальных элементов, в первую очередь музыкальных.

Певец у микрофона (1950-е гг.)

* * *

В январе 1935 года деятельность Радиокомитета БССР обследовала выездная бригада, состоявшая из представителей Всесоюзного радиокомитета и отдела культуры и пропаганды ЦК КПБ. В отчете бригады, составленном в характерном для 30-х годов воинственном тоне, говорилось о «чрезвычайно низком политическом и художественном качестве белорусского вещания». В целях его улучшения члены бригады считали необходимым:

«1. Сократить количество собственных передач для Белорусского радиокомитета с 9 до 5, максимум 6 часов, на узлах — до 2 часов;

2. Полностью прекратить вещание на языке эсперанто;

3. Прекратить литовские и латышские передачи, потому что в Белоруссии их никто не слушает;

4. Максимально сократить количество литературных передач, полностью запретив при этом производство собственными силами литературно-художественных передач на актуальную тематику».

Первая «чистка» работников радиовещания БССР («один исключен из партии, трое — сняты с работы как нацдемы, необходимо снять еще троих») произошла в 1933 году, во время следствия по делу «Белорусского национального центра» (полностью сфабрикованному ГПУ), который якобы «распространил свою деятельность на Радиоцентр».

А в 1935 году органы НКВД сфабриковали «дело Радиокомитета». В результате его весь руководящий состав комитета был уволен и репрессирован. В качестве формальных причин этой расправы назывались такие, как отсутствие планирования и централизации, политические ошибки в эфире, «вредительская» гонорарная политика и т.п. В Минске по этому делу вместе с рядом талантливых журналистов был уволен и уполномоченный Главлита в Радиокомитете.

Атмосферу, господствовавшую на беларуском радио во второй половине 30-х годов, хорошо передают доклады, регулярно поступавшие партийному руководству республики из цензурного департамента. Например, вот что докладывал в политпросветотдел ЦК КПБ 9 марта 1937 года начальник Главлита и отдела военной цензуры БССР И.Л. Ахрамович на основе донесения цензора, прикомандированного к Радиокомитету:

> «Диктор Юревич сделал при передаче лекции 5 марта 1937 г. на тему «Социализм и коммунизм» ряд ошибок в тексте, завизированном Главлитом, которые граничат с ошибками стилистического и политического характера... /Он/ где надо и не надо вставлял слово «товарищи», искаженно произносил имя Ленина /.../ Владимир с ударением на последнем слоге, добавлял ряд ненужных слов, типа «есть, да, вот, понятно, всемерно, появляются условия» и т.д., пытался сделать собственные выводы после прочитанной Ленинской цитаты – «О двух важнейших условиях, необходимых для осуществления полного коммунизма»...
>
> Прошу Ваших указаний дикторам на недопустимость изменений текстов лекций при передаче в микрофон без согласия на это Уполномоченного Главлита. В случае повторений подобных нарушений Уполномоченный Главлита будет вынужден выключать микрофон и останавливать передачу».

Вскоре по предложению Главлита было проведено совещание сотрудников Радиокомитета, где последние оправдывались: «Диктору передают материал за 2–3 минуты до передачи... отдел агитации /ЦК КПБ/ всегда спешит, поэтому материал недоброкачественный», авторы тянут до последнего дня, машинистки безграмотные, условия в помещении /Радиокомитета/ ужасные».

В своем постановлении от 1 октября 1937 года ЦК КПБ «вскрыл ряд серьезных политических ошибок в работе Радиокомитета». В результате более 50 его сотрудников разных профессий и уровней были уволены с работы. Значительная их часть стала жертвами репрессий. Второй мощный удар по кадрам беларуского радио после расправы 1935 года привел к тому, что и в следующем 1938 году важнейшие отделы Радиокомитета – агитации и пропаганды, текущих новостей, докладов и выступлений – не имели даже редакторов.

Не удивительно, что 23 апреля 1938 года тот же И.Л. Ахрамович снова докладывал в ЦК КПБ о политических ошибках в материалах, передававшихся радиостанцией имени Совнаркома БССР:

> «В одном из материалов цитата тов. Сталина приведена следующим образом: "Надо весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед угрозой военного нападения, чтобы никакая случайность и никакие фокусы наших собственных рядов (надо было «внешних врагов») не могли застать нас врасплох".
>
> ...23 марта 1938 г. в передаче речь шла о ветеранах войны, а диктор сказал «ветеринаров» войны...
>
> ...Замечен ряд ошибок литературного образца».

Редакторы также отсутствовали в девяти районных редакциях радиовещания.

Ограниченность круга архивных источников не позволяет нам реконструировать типичные образцы реакции «простых людей» на радиопропаганду 1920–30-х годов. Но даже отрывочные сведения показывают, что далеко не все граждане покорно и с удовольствием слушали официальный «голос правды».

Например, в 1926 году уполномоченный «Радиопередачи» А. Канокотин выделил целую группу авторов писем на радио, которым «надоела наша советская передача; они просят не засорять эфир советской передачей и дать свободно принимать заграницу». В 1940 году на собрании радиослушателей пищевых предприятий Минска в президиум, где сидело руководство Белрадиокомитета, поступила записка: «Почему мало передают о любви?»

К выступлениям с комментариями допускали только проверенных людей

Общий наш вывод таков: попытки лучших представителей беларуской интеллигенции использовать возможности радио для распространения научных знаний и культурных ценностей были насильственно прерваны политическим руководством страны на рубеже 1920-х и 30-х годов.

IV. О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ БЕЛАРУС

Вацлав Ластовский

I. БЕЛАРУСКИЙ НАРОД

Кто мы?
Мы – беларусы.

Кто такие беларусы?
Беларусы – это народ славянского языка.

Почему мы называемся беларусами?
Потому что мы родились беларусами, кормились беларуской землей, выросли и живем в Беларуси.

Кто это – беларус?
Беларус тот, в чьих жилах течет беларуская кровь, чьи прадеды, деды и родители были беларусами.

Как называется тот, кто отрекается от своего народа?
Тот, кто отрекается от своего народа – предатель, продажная душа. Предательство – самое тяжкое злодейство, какое только известно людям. Поэтому мы никогда не оставим свой народ. Истинный беларус, настоящий сын своего народа, всегда будет держаться мысли: «Пусть лучше погибну, чем отрекусь от своего народа беларуского». Потому что с Беларусью и с беларуским народом связана наша жизнь. Это наше высшее добро, наша радость и слава.

Что такое народ, или нация?
Народ, или нация, это люди, которые говорят на одном языке, живут в общей стране и благодаря этому составляют одну большую семью, народ, нацию.

Кто принадлежит к народу, или к нации?
Каждый, кто происходит из одного народа, или нации. Принадлежность к нации, или народу, нельзя выбирать по своему вкусу или симпатии. Принадлежащим народу является каждый человек уже по своей крови, по своей природе, своим телом и душой.

Сознательным гражданином своего народа беларус становится только тогда, когда он осознает – это значит, хорошо поймет, кто он есть и ощутит духовную и кровную связь со всем своим народом.

Народная сознательность сближает и соединяет людей в одну крепкую семью. Самым дорогим и милым нашему сердцу будет каждый беларус, хотя

Эта статья была напечатана в 1918 году в небольшом сборнике статей разных авторов («Што трэба ведаць кожнаму беларусу», 64 стр.), изданном в Минске. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

бы он жил очень далеко от нас, потому что он принадлежит к нашему народу беларускому, потому что это наш брат по народности. Все остальные народы, хотя бы они и жили в Беларуси, нам чужие, потому что они уважают и любят каждый свой народ и свою Отчизну, а из нашей земли и народа только тянут для себя соки.

Есть ли другие народы?

На свете много разных народов. Каждый другой народ нам чужой, а есть между ними и наши тяжкие враги, которые уже давно упорно работают над тем, чтобы погубить беларусов и самим занять нашу землю, отнять наше добро. Каждый такой враг старается уговорить наших темных братьев, чтобы они отреклись от родного: и языка, и песни, и грамоты, а вместо нашего, родного, подсовывают свое, чужацкое. Бойтесь же, братья, таких волков в овечьей шкуре.

II. БЕЛАРУСКАЯ ЗЕМЛЯ

Где живут беларусы?

Беларусы живут на своей беларуской земле. Беларуская земля – вся та, где живут беларусы.

Насколько велика Беларусь?

Беларусь большой край. По своей площади Беларусь занимает среднее место между Италией и Румынией: Италия – 286 тыс. кв. км; Беларусь – 258 тыс. кв. км; Румыния – 131 тыс. кв. км*.

Какой же сильной державой будет Беларусь, когда не будет ни от кого зависеть и будет управляться сама, своими людьми, беларусами!

Живут ли беларусы за пределами Беларуси?

Вследствие того, что над Беларусью господствуют иностранцы, беларусам не раз приходилось покидать свою Отчизну и отираться по чужим углам. Очень много беларусов переселилось в Сибирь, в Северную Америку, в Аргентину, в Азию, а также по всей Московщине.

Сколько всего беларусов?

Беларуского народа живет на свете 10 миллионов. Между европейскими народами беларусы занимают 9-е место. Численность народов в Европе выглядит так:

Немцев – 74 млн; москалей – 65; французов – 42; англичан – 40; итальянцев – 34; украицев – 33; испанцев – 18; поляков – 15; беларусов – 10 млн; румын – 9: евреев – 9 млн**.

---

* Ластовский привел данные на весну 1918 г. Передел территории Европы по Версальскому договору (1919 г.) был еще впереди. Площадь Беларуси он указал в границах БНР, объявленных ее правительством. Позже московские власти отобрали у беларусов 50 тыс. кв. км. Часть они «подарили» Летуве и Польше, часть присвоили себе.

Данные на 2010 год таковы: (1) Украина – 603,7 тыс. кв. км; (2) Франция – 551,6; (3) Испания – 504,7; (4) Швеция – 450; (5) Германия – 380; (6) Финляндия – 337; (7) Норвегия – 324,2; (8) Польша – 312,7; (9) Италия – 301,2; (10) Румыния – 237,5; (11) Великобритания – 244,1; (12) Беларусь – 208; (13) Греция – 131,9; (14) Болгария – 110,9

** Это данные 1914 года. В 2005 году Беларусь занимала 13 место среди 44 стран Европы по численности населения: (1) Германия – 82 млн; (2) Великобритания – 58,8; (3) Италия – 57,5; (4) Украина – 52,3; (5) Испания – 39,3; (6) Польша – 38,7; (7) Румыния – 22,7; (8) Нидерланды – 15,6; (9) Греция – 10,5; (10) Португалия – 10,4; (11) Венгрия – 10,3; (12) Бельгия – 10,02; (13) Беларусь – 9,8; (14) Болгария – 9.

III. БЕЛАРУСКИЙ ЯЗЫК

Что такое народный язык?

Народный язык тот, на котором говорит весь народ. Каждый народ имеет свой язык и на нем везде говорит. Родной язык великое народное богатство, которое народ должен высоко ценить и уважать.

Как узнать, что мы беларусы?

Легче всего это узнать по нашему языку. Язык соединяет людей в один народ. И наш беларуский язык соединяет более 10 миллионов беларусов в один народ.

Почему мы говорим на беларуском языке?

Потому что он наш родной, а каждый человек любит свой родной язык: немец – немецкий, болгарин – болгарский, беларус – беларуский. И все, что красивое и хорошее, все мудрости мира – науку, литературу – мы лучше всего понимаем и любим, когда слышим на своем родном языке. В собственном доме мы, бывает, мало видим свою любовь к нашему языку, зато, будучи на чужбине, как только услышим наш язык, так очень тешимся. Потому что человеку милее всего слышать и говорить на своем родном языке.

Каков наш язык?

Наш язык один из самых чистых в семье славянских языков. Он красивый, мелодичный, очень певучий и гибкий, благодаря чему весьма подходит для поэзии и песен. Вследствие того, что наш язык сохранил давний славянский характер, он – как мать в славянской семье языков: на него, как на мать, похожи все славянские языки: московский, сербский, чешский, украинский, польский и другие. Но при этом он совсем особый, самобытный язык, как и каждый другой.

Враги нашего народа лгут, что язык наш не самобытен, когда говорят: «это мешанина московского и польского». Так говорить могут только наши злопыхатели, или темные люди. Много ученых людей разных народностей изучали наш язык и писали о нем ученые книги, и все они в один голос говорят, что беларуский язык совершенно самобытный отдельный язык, такой же отдельный славянский язык, как польский или московский.

В прошлом наш язык был одним из самых культурных восточно-славянских языков: на нем говорили князья наши, князья и вельможи Великого Княжества Литовского и короли Польские. На беларуском языке в Великом Княжестве Литовском писали все законы, вели все дела и суды, происходили сеймы и прочее. С тех времен сохранилось много документов, книг, грамот, и все они написаны на чистом нашем беларуском языке.

Имеют ли беларусы свою литературу (письменность)?

Мы, беларусы, имеем богатую свою отдельную письменность. Беларуская письменность старше польской и московской. Из всех славянских народов одни только чехи имели раньше беларусов Библию, напечатанную на своем языке.

Чешская Библия напечатана в 1488 г.

Беларуская – в 1517 г.

Украинская – в 1555 г.

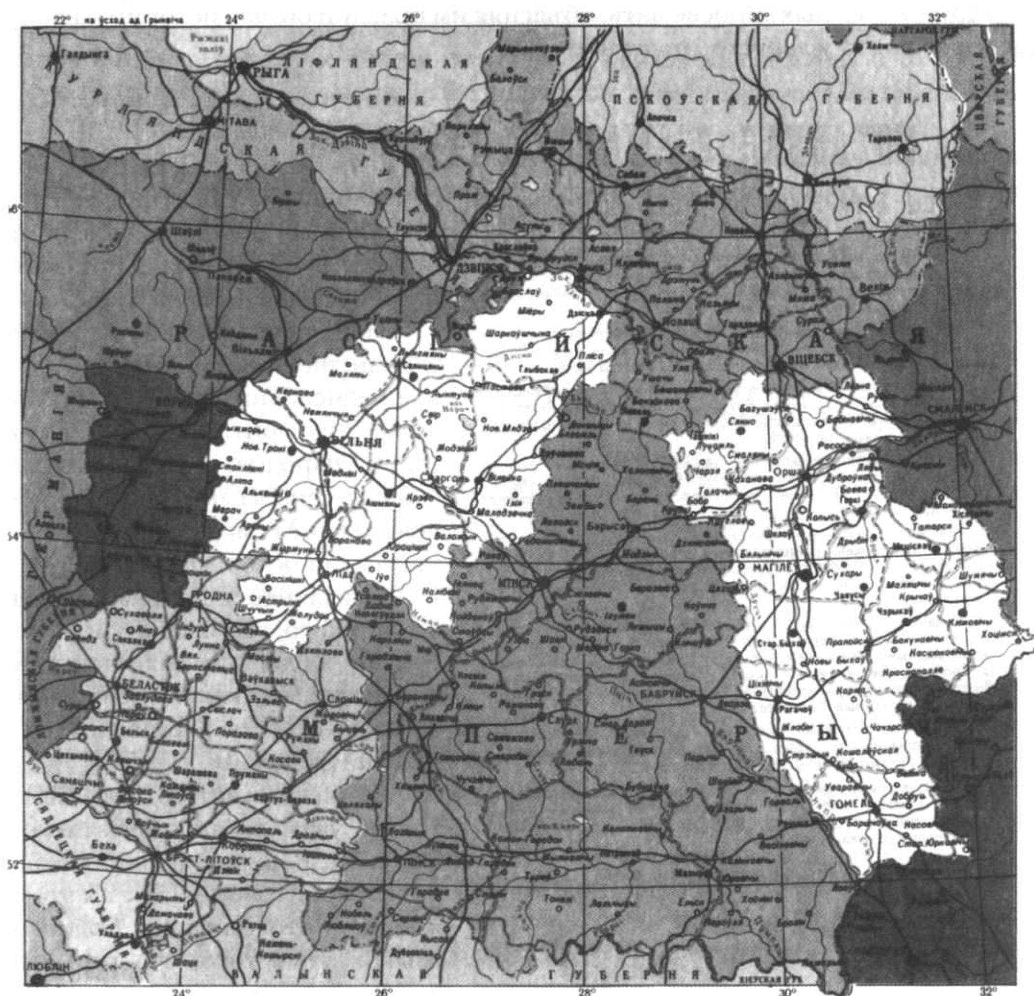
Польская – в 1561 г.

Литовская – в 1660 г.

Московская – в 1751 г.

Беларусы в прежние времена имели очень богатую письменность. В XVI веке были написаны и напечатаны на беларуском языке все законы, духовные книги (православные, католические, униатские и реформатские), исторические, научные и всякие другие.

Позже наш народ оказался в упадке, его подавили, зажали, при этом заглушили и письменность. Когда наша Отчизна подпала под Россию (Московию), то и вовсе запретили что-либо писать и печатать по-беларуски. Только в 1905 году, во время российской революции, беларусы добились права печатать книги на своем языке. За короткое время от 1905 года беларуские поэты и писатели написали много прекрасных и интересных книг, создали новую беларускую литературу. Теперь беларусы имеют новую и немалую свою литературу, много газет и журналов.

Беларуские губернии Российской империи в 1861 —1917 гг.

Един ли беларуский язык по всей Беларуси?

Один и тот же по всей Беларуси. Но как все старинные языки, так и наш, имеет свои варианты – диалекты, или «гутарки». У нас есть шесть диалектов, или «гутарок»: витебский, смоленский, полесский, центральный (минский), слуцкий, борисовский.

Почему некоторые беларусы стараются говорить на чужом языке вместо своего?

Те беларусы, что стараются говорить чужим языком, избегая своего, бывают или шельмы, душепродавцы и перевертыши, или люди темные, которых опутали враги нашего народа. Первые не говорят по-беларуски ради личной выгоды, потому что пошли в наемники к иностранцам и работают вполне сознательно во вред беларускому народу, чтобы его погубить. Другие не говорят вследствие своей темноты, ибо поверили нашим врагам, что язык наш «уродливый», «простой» и идут за разными нашими злопыхателями на бойню – как овечки.

Обязанность каждого сознательного беларуса с первыми (врагами) бороться, а других (темных) просвещать, объясняя им правду и обучая истории нашей, распространяя беларуское печатное слово.

УСТАУНАЯ ГРАМАТА

РАДЫ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКІ.

Год назад народы Беларусі разам з народамі Расіі скінулі ярмо расійскаго царызму, які найцяжэй прыціснуу быу Беларусь; ні пытаючыся народу, ен укінуу наш край у пажар вайны, якая чыста зруйнавала гарады і вескі беларускіе.

Цяпер мы, Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, скідаем з роднаго краю апошняе ярмо дзяржаунай залежнасьці, якое гвалтам накінулі расійскіе цары на наш вольны і нізалежны край.

Ад гэтаго часу **Беларуская Народная Рэспубліка абвешчаецца Нізалежнай і Вольнай Дзяржавай.** Самі народы Беларусі, у асобі свайго **Установчаго Сойму**, пастановяць аб будучых дзяржауных зьвязях Беларусі.

На моцы гэтаго трацяць сілу усе старыя дзяржауныя зьвязі, якія далі магчымасьць чужому ураду падпісаць і за Беларусь трактат у Берэсьці, што забівае на сьмерць беларускі народ, дзелючы зямлю яго на часткі.

На моцы гэтаго урад Беларускай Народнай Рэспублікі мае увайсьці у адносіны з зацікауленымі старанамі, прапануючы ім пераглядзіць тую часьціну **Берэсьцейскаго Трактату**, якая датычыць Беларусі, і падпісаць мірануюумову з усімі ваюючымі дзяржавамі.

Беларуская Народная Рэспубліка павінна абняць усе землі, дзе жыве і мае лічбенную перавагу беларускі народ, а ласьне: **Магілеушчыну, беларускія часьці Меншчыны, Гродзеншчыны (з Гродная, Белостокам і інш.), Віленшчыны, Віцебшчыны, Смоленшчыны, Чарнігоушчыны і сумежныя часьці суседніх губерняу, заселеныя беларусамі.**

Беларуская Народная Рэспубліка падцьверджывае усе тыя правы і вольнасьці грамадзян і народау Беларусі, якія абвешчаны **Устауной Граматай ад 9 сакавіка 1918 году.**

Абвешчаючы аб нізалежнасьці Беларускай Народнай Рэспублікі, Рада яе пакладае свае надзеі на тое, што **усе любячые волю народы** дапамогуць беларускаму народу у поунай меры здзейсьніць яго палітычна-дзяржауные ідэалы.

Рада Беларускай Народнай Рэспублікі.

Дана у Менску-Беларускім
25 сакавіка 1918 году.

Третья уставная грамота БНР от 25 марта 1918 г.

Что случилось бы, если бы мы забыли свой родной язык?

Если бы мы наш родной, Богом данный и священный беларуский язык бросили, забыли, а переняли чужой – тогда от всех нас и след исчез бы на земле.

Наш поэт Мацей Бурачок /Франтишек Богушевич – *Ред.*/ в предисловии к «Беларуской дудке» говорит: «Много было таких народов, что утратили сначала свой язык – так, как у человека перед смертью речь отнимается, а после и совсем умерли. Не оставляйте же языка нашего беларуского, чтобы не умереть! Узнают людей по обличью или по одежде, какую кто носит – вот же язык это есть обличье и одежда души людской».

Кто не уважает родной язык, тот не уважает ни себя самого, ни свой род, ни своих дедов-родителей, говоривших на этом языке. А кто стыдится родного языка, стоит того, чтобы и его добрые люди стыдились, как выродка, чтобы им пренебрега-

ли как нелюдью. Ибо, стыдясь родного языка, он оскорбляет не только дедов-родителей своих, но и весь народ. Справедливый, добрый человек никогда не стыдится родного языка. Он и сам говорит своим родным языком и смотрит, чтобы другие его уважали.

IV. ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

Что такое наша история?

Наша история – это прошлое родной стороны, – все то, что было когда-то на Беларуси.

Каково наше прошлое?

Наше прошлое – это непрерывная борьба за лучшую долю и свободу нашего народа.

В самые давние времена беларусы управляли всей своей жизнью через вече, это значит, старейшины нашего народа советовались и постановляли обо всем. После беларусы стали выбирать себе князей. Княжеская власть была наследственной, переходила от отца к сыну. Наши князья имели свою великокняжескую столицу в Полоцке, а удельные княжеские столицы были в Витебске, Минске, Друцке, Смоленске и много еще где.

Приблизительно в XIII веке Беларусь разделилась на много мелких княжеств, а это потому, что после смерти отца-князя сыновья делили «вотчину», как теперь, например, делятся у нас в деревнях крестьяне. От этого народ беларуский очень ослаб и едва не попал во владение иностранцев.

Важнейшими из наших князей были: Рогволод (княжил в Полоцке в X веке), Изяслав, Брячислав и Всеслав*. Этот последний наиболее прославился: в честь его и свои, и чужие песни складывали и похвалы. О нем одна старинная песня говорит: «князь Всеслав людей судил, князем города приводил в порядок».

Из рода князей полоцких были и князья Великого Княжества Беларуско-Литовского. Из этих князей наиболее прославились Альгерд и Витовт. Альгерд ходил войной на Москву и Москву добыл, щит свой прибил к ее воротам /в 1370 г. – *Ред.*/. Витовт прославился мудростью и силой, он хотел короноваться на короля Литовского, но поляки отобрали у послов золотую корону, которую послал ему для коронации папа римский.

Из рода беларуско-литовских князей происходили и короли польские (Ягеллоны). А Ягайло, который был и королем польским, до конца своей жизни не умел говорить по-польски, а только по-беларуски. И не удивительно, ибо мать его была княгиня витебская, и он воспитывался в Витебске и был там князем.

В Великом Княжестве Беларуско-Литовском беларуский язык был государственным. На беларуском языке происходили все суды и сеймы, писались все документы, по-беларуски говорили все паны, вельможи, князья, по-беларуски учились в школах, молились в церквах и костелах. Словом, вся жизнь, весь лад, привычки и обычаи были беларуские.

После Беларуско-Литовское Княжество соединилось с Польшей как «равное с равным и свободное со свободным». Но это единство не принесло добра

* Изяслав Владимирович, князь полоцкий в 988–1001 гг. Брячислав Изяславович, князь полоцкий в 1003–1044 гг. Всеслав Брячиславович – князь полоцкий в 1044–1101 гг. – *Ред.*

ни беларусам, ни литовцам. Поляки отобрали у нас и нашу свободу и равенство, запрягли беларуский народ в панщину, а панов и духовенство ополячили. За 200 лет польской свободы и равенства беларусы стали несвободным, мужицким только народом, без своей письменности, без государственного и гражданского права. А в конце XVIII века, после раздела Польши, беларусы попали из огня да в полымя – из польских в «братские» московские объятия. После поляков беларусы остались едва живыми, а тут московские «братья» стали совсем их душить, чтобы стереть след беларуского народа, чтобы беларусов омоскалить.

Поляки тянули беларусов-католиков к себе, москали – православных беларусов к себе. Те и другие старались, чтобы беларусы забыли о том, что они беларусы, отдельный народ, что наша земля не московская или польская, а наша, что они тут по волчьему праву стали хозяевами. Но народ наш и в этой чужацкой напасти проявил необыкновенную живучесть и силу.

Никакие польские путы, никакие московские нагайки и остроги не смогли отобрать у нашего народа его самое драгоценное достояние – родной язык. Все, что могли, они отобрали: и школы, и церкви, и землю, и леса, и реки, и города, и богатство, а вот язык не смогли отобрать у нашего народа. А если наш народ сохранил язык, то он жив и будет жить. Через язык наш народ сумеет возродиться и снова сделается великим и сильным.

V. ВЕРА (РЕЛИГИЯ) БЕЛАРУСА

Какова вера беларуса?

Все беларусы христианской веры; частью католики, а частью православные.

На Гродненщине и Виленщине много беларусов-католиков, а на Могилевщине, Витебщине, Смоленщине и Черниговщине больше беларусов православной веры, хотя там есть и католики. Раньше было много среди беларусов униатов, принявших церковное единство, но церковную унию разрушило московское правительство, желая омоскалить беларусов.

Но вера, или, как говорят, религия, не препятствует людям сохранять народное единство. Среди немцев, например, есть католики и протестанты, но они составляют единый немецкий народ. Так и беларусы – православные и католики – составляют один беларуский народ.

Означает ли вера народность?

Нет, вера нечто одно, а народность нечто другое, поэтому вера не может означать народность. Например, есть поляки-католики и кальвинисты; немцы есть католики, лютеране и кальвинисты; но и поляки, и немцы составляют один народ – одни польский, другие немецкий. Католической веры итальянцы, французы, есть также англичане, немцы, беларусы, но все это разные, чужие друг другу народы.

Все беларусы, православные они или католики, есть дети одной матери Беларуси, поэтому надо нам жить в согласии между собою и взаимно уважать одну и другую веру. Это потому, что рождаемся мы беларусами, а верующими – православными или католиками – становимся после крещения. Точно так же и партийными людьми (социал-демократами, социалистами-революционерами,

радикалами, национал-демократами) делаемся куда позднее, но все это не препятствует нам быть добрыми беларусами и вместе стоять за народную свободу, за лучшее будущее всего нашего народа и края.

VI. ОТЧИЗНА

Что такое Отчизна?

Отчизна – это тот край, где мы родились и выросли, где живут наши родители и деды жили, где живет весь беларуский народ.

Где Отчизна беларусов?

Наша Отчизна – это беларуская земля, где беларусы живут испокон века, обрабатывая эту землю своими руками, поливая ее своим потом и кровью, защищая от врагов. И в нас самих, в наших характерах отразилась наша Отчизна, в сердце носим ясную, никогда не угасающую память о ней. Отчизна – это наши родители и наши дети. В каждом из нас сохраняется прошлое и будущее родной земли.

Поэтому мы со своими семьями, имуществом, со всеми нашими обществами, с нашими селами и городами принадлежим великой нашей Отчизне – Беларуси.

Откуда взялись на этой земле беларусы?

Землю беларускую наш народ заселяет с древнейших времен. Насколько хватает человеческой памяти, всегда на этой земле жили беларусы. Они осели на этой земле в то время, когда она была не обработанной и дикой, и своими руками, своим неутомимым трудом превратили ее в урожайную и богатую.

Минск в 1918 г. (нынешняя Площадь Свободы)

VII. СИМВОЛЫ БЕЛАРУСИ

Каковы символы беларуской державы?

Символ беларуской державы – это герб давнего Великого Княжества Беларуско-Литовского: витязь на белом коне в красном поле. Этим гербом отличались в старину все беларуские земли, или – как их называли позже – воеводства.

Каков национальный беларуский цвет?

Национальный беларуский цвет – бело-красный. Из этих цветов сложен беларуский флаг, который состоит из трех продольных полос – белой, красной и снова белой.

VIII. ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ

Что такое патриотизм?

Патриотизм – это искренняя любовь к своему родному народу и к своему родному краю. А патриот – это человек, который старается помочь своему народу и работает в этом направлении изо всех сил.

Чего мы хотим для своей Отчизны?

Каждый из нас любит Беларусь, хотел бы видеть ее счастливой. А это произойдет тогда, когда все беларусы станут сознательными и когда сами беларусы будут хозяевами на своей земле, когда над нами не будут господствовать никакие иностранцы. Ради этого не только самим надо любить Отчизну и работать для ее блага, но надо еще учить и склонять к этому всех беларусов, с которыми сталкиваешься, пробуждать у них эти высокие добрые чувства.

Какова патриотическая обязанность каждого беларуса?

Святая обязанность каждого беларуса всегда и везде принадлежать своему народу, заботиться о чести нации и старательно исполнять все, что способствует укреплению и образованию нашего народа.

Позаботимся же о родном крае, исполним же свои обязанности перед ним! Постараемся, чтобы имя Беларус всегда, у всех народов встречало уважение.

Каким способом беларус может заботиться об укреплении и образовании своего народа?

Каждый человек должен свой народ любить, гордиться им, для его блага и славы жить и трудиться: изо всех сил заботиться о возвышении его, славе и чести. Каждый патриот-беларус более, чем кто-то другой, пусть старается исполнять свои патриотические обязанности, ибо у нас больше, чем у других, работы, ибо мы отстали от других. Беларуский патриот может заботиться об укреплении и расцвете своего народа через семью и школу и через гражданский труд.

IX. БЕЛАРУС В СЕМЬЕ

Каковы обязанности беларуса в семье?

Первая обязанность, чтобы в семье беларуской говорили и молились по-беларуски и чтобы сохранялись наши обычаи и традиции. Чтобы в людях и

вещах и во всем, что есть в жилище, проявлялся беларуский характер: всевозможные узоры, рисунки, вышивки должны быть в беларуском вкусе. В каждой беларуской семье должны быть беларуские книжки и журналы. Плох тот беларус, который читает в семье не беларускую, а чужую газету, на чужом языке.

Как бы дальнейшим продолжением семьи для молодежи является школа. Беларуская семья должна стараться, чтобы ее дети учились в беларуской школе. Чужая школа до сих пор учила беларуских детей любить чужое и презирать свое родное и свой народ, свой язык и обычаи. Чужая школа воспитывала из наших детей людей, чужих для нашего народа. Вследствие этого, каждый патриот должен прилагать все силы, чтобы везде, где живут беларусы, были беларуские начальные, средние и высшие школы. Семья – это основа, фундамент нации, а школа – ее будущее.

Беларуский патриот должен заботиться еще и о том, чтобы в беларуских семьях пели беларуские песни и чтобы в школах учили петь патриотические беларуские песни.

Официальные лица на балконе здания военной комендатуры БНР в Гродно. Второй слева К. Езовитов (18 марта 1919г.)

Беларус в гражданской жизни

Беларускую гражданскую жизнь создают общины («грамады»), кружки, общества, учреждения, а также наш театр, концерты, развлечения, журналы, промыслы, торговля – все места публичной гражданской жизни и объединения.

Вот и надо, чтобы повсюду в гражданской жизни беларус выступал с честью и рассудительно, а главное – справедливо и по делу. На собраниях и совещаниях – будь то хозяйственные, купеческие, духовные, политические или другие – беларус должен судить обо всем исходя из потребностей и пользы беларуского народа.

Выбирая людей в учреждения и представительства, надо заботиться, чтобы не выбирать людей чужих, врагов нашего народа и нашего дела. Наоборот, надо

всегда стараться на разные посты выбирать добрых, честных и сознательных беларусов. Остерегайтесь давать власть над собой людям чужим и неизвестным.

Как поступать, чтобы наше положение было ясным?

Чтобы наше положение было ясным, мы должны быть насквозь беларусами. Не только со всеми говорить по-беларуски, но и добиваться, чтобы этикетки в магазинах, где мы покупаем товары, были на беларуском языке, а также предпочитать беларуские товары и изделия. Словом, стараться, чтобы наша Отчизна имела насквозь наш родной беларуский вид.

Как поступать в учреждениях?

В учреждениях, волостях, судах и повсюду нам надо говорить только по беларуски и защищать свое национальное право на это.

X. БЕЛАРУС НА ЧУЖБИНЕ

Должен ли беларус видеть чужбину?

Мир – это лучшая школа жизни. Кто много видел, тот много знает. Каждый, кто только может, пусть увидит не только свой родной край, но и заграницу.

Как должен вести себя беларус на чужбине?

Пусть помнит, что иностранцы, глядя на него, будут судить обо всем народе. Так пусть беларус на чужбине достойно и уважительно представляет свою нацию.

Надо ли изучать чужой язык?

Надо – чем больше человек знает, тем ему лучше, потому что он становится образованнее. А только хорошо образованный человек может много сделать для своей Отчизны. Кто знает чужой язык, тот может читать чужие книги и журналы, может узнать из них много полезного для нас, такого, что и нам нужно.

Разговаривая с чужими людьми, расскажет такой человек и о нашем народе, нашей жизни. Ибо на чужбине о нас знают только то, что пишут о нас наши враги. Но прежде всего, пребывая и на чужбине, каждый беларус должен хорошо знать свой язык, свою географию, историю, искусство, литературу, словом – всю нашу жизнь, чтобы сам не делал ничего постыдного для нас, но достойно защищал наш народ и хорошо работал ради него.

XI. ЧЕМ МЫ МОЖЕМ ГОРДИТЬСЯ

Мы гордимся тем, что мы беларусы.

Ибо народ наш способный, из нашего народа вышло много знаменитых людей, за которых в неоплатном долгу перед нами и поляки (Костюшко, Мицкевич, Сырокомля, Крашевский и много других), и москали (Достоевский, Симеон Полоцкий и многие другие), и прочие наши соседи*. О нашей способности

* Тадеуш Костюшко (1746–1817) – вождь восстания 1794 года; Адам Мицкевич (1798–1855) – поэт; Владислав Сырокомля /Кондратович/ (1823–1862) – поэт; Юзеф Крашевский (1812–1887) – писатель; Федор Достоевский (1821–1881) – писатель; Симеон Полоцкий /Ситнианович/ (1629–1680) – церковный деятель. – *Прим. ред.*

свидетельствуют также наши традиции и обычаи, наше зодчество, всевозможные памятники культуры и прочее.

Мы гордимся своим языком!

Ибо наш язык мелодичен, богат и очень хорош для песен и поэзии. А к тому же он один из самых чистых славянских языков.

Мы гордимся своей песней!

У беларусов очень много песен. Нота наших песен очень богатая и отражает в себе душу нашего народа. Наша народная песня занимает одно из выдающихся мест среди песен всех народов мира. Ею интересуются ученые люди других народов.

Мы,
Урад Беларускай Народнай Рэспублікі,
іменем Беларускага Народу,
просімо ўсе ваенныя і цывільныя установы чужаземных Дзяржаў і загадываемо ўсім прыслухаючым нам ваенным і цывільным ўласьцям, каму гэты пашпарт будзе паказаны, дазволіць свабодны праезд Дзяржаунаму сакратару Беларускай Народнай Рэсп. Кляудушу ДУЖ-ДУШЭУСКАМУ.
і даваць яму у патрэбе усялякую дапамогу.
Выданы у м. Рыве
25-га кастр. 1920 г.
Старшыня Рады Народных Міністраў:
Пашпарт мае моц да 25. X. 1921 г.

Ўласнаручны подпіс:
Signatura antographe:
Eigenhändige Unterschrift:

Паспорт госсекретаря БНР Клавдия Душ-Душевского

Мы гордимся своим народом!

Любой другой народ, живя в столь трудных условиях, какие выпали на нашу долю, погиб бы, а наш народ проявил чрезвычайную жизненную силу. Он выдержал всевозможные напасти, унижения и лихолетье, сохранил в себе свой родной язык и любовь к своей Отчизне Беларуси. Наш народ любит правду и красоту, – он спокоен и рассудителен, но при этом тверд.

Мы гордимся своей историей!

Наша история – это беспрестанная борьба за свободу, борьба за сохранение своей национальной души. При том мы никогда не зарились на чужое. Наша история – это Голгофа нашего народа, создающая ему честь и славу.

Почтовая марка БНР стоимостью 25 грошей

Мы гордимся своей родной землей!

Наша Отчизна – прекрасный край. Много в нем красоты: красивая у нас весна и лето, осень и зима. Наши пущи, леса и поля окутаны поэзией, из которой выглядывает наше прошлое.

Одним словом, мы горды тем, что мы беларусы!

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Вацлав Юлианович Ластовский (1883—1938) — беларуский общественный и политический деятель, историк, филолог, этнограф, публицист, писатель, литературовед. Член-корреспондент Украинской академии обществоведения в Праге (с 1926), действительный член АН БССР (в 1928—30).

В 1909—14 секретарь редакции газеты «Наша Ніва». Редактор журнала «Саха» (1912), газеты «Гоман» (1916—17), журналов «Беларускі сцяг» (1922) и «Крывіч» (1923—27).

В 1919—23 премьер-министр эмигрантского правительства Народной Рады БНР. В 1920—27 жил в Литве. В апреле 1927 вернулся в БССР. Занимал руководящие посты в государственных и общественных учреждениях. В 1928—29 непременный секретарь АН БССР.

Автор ряда книг и множества статей на беларуском, русском, польском языках.

В июле 1930 арестован органами ГПУ по фальсифицированному делу «Союза освобождения Беларуси», в апреле 1931 выслан на 5 лет в Саратов. Повторно арестован органами НКВД в августе 1937 и 23 января 1938 казнен как «агент польской разведки и участник национал-фашистской организации».

По приговору 1938 года реабилитирован в 1958, по приговору 1931 года — в 1988.

V. ГЕРОИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

«БЕЛОРУССКИЙ ЧАПАЕВ»

Максим Петров

Осенью 1934 года в СССР вышел в прокат кинофильм «Чапаев» режиссеров и сценаристов однофамильцев Георгия и Сергея Васильевых. Этот фильм, снятый по мотивам одноименной повести Дмитрия Фурманова, опубликованной в 1923 году, был посвящен командиру 25-й стрелковой дивизии Красной Армии Василию Ивановичу Чапаеву (1887–1919).

Фильм, воспевавший «романтику революции», в историческом плане от начала и до конца представлял собой сплошную ложь*. Но, талантливо сделанный, он приобрел огромную популярность у зрителей. А главное, его отметил и одобрил Сталин – главный «ценитель» советского кинематографа. Газеты, журналы и радио наперебой расхваливали фильм.

Огромный успех киноленты вызвал дикую зависть у многих деятелей «пролетарского» искусства» и причастных к нему «руководящих товарищей». В этой связи кое-где на местах даже происходили «подковерные разборки». Например, начальник управления по делам искусств Совнаркома БССР некто Пасюкевич написал докладную записку в адрес руководства республики. В ней он заявил, что хотя актер Леонид Кмит и числится в штате киностудии «Советская Белоруссия», но ни в одном фильме не снимался. А вот как только студия «Ленфильм» взяла его в картину Васильевых на роль ординарца Петьки, так сразу «получил звание заслуженного артиста СССР». Пасюкевич намекал на то, что такой чести артист не заслужил.

«Начальник искусств» не владел ситуацией. Леонид Кмит успел сняться в нескольких беларуских фильмах. В том числе вместе с Борисом Бабочкиным, приглашенным Васильевыми на роль Чапаева. Впрочем, «мышиная возня» вокруг артистов на почве зависти была «цветочками». «Ягодки» появились позже, когда Москва поставила задачу создать в союзных республиках киноленты о своих «Чапаевых».

В 2006 году историки обнаружили весьма любопытные документы в фонде И.В. Сталина, хранящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Это письма от 13 мая и 15 июня 1936 года, подписанные Николаем Гикало – первым секретарем ЦК КПБ, и Николаем Голодедом – председателем Совнаркома БССР. В первом из писем сказано:

> «Согласно Ваших личных указаний, переданных через тов. Голодеда о создании кинофильма «Белорусский Чапаев», мы уже приступили к собиранию необходимых материалов. Но мы натолкнулись на затруднение в основном во-

* Одна из выдумок киношников: будто бы В.И. Чапаев погиб в реке Урал под вражескими пулями. На самом деле Чапаев (чуваш по национальности) попал в плен к белогвардейцам и был расстрелян. В 1928 году в Москве проходил судебный процесс над «убийцами комдива Чапаева».

> просе – кого взять главным героем этого фильма, т.е. кого взять за «Белорусского Чапаева». Ряд людей, которых мы перебрали, по-видимому, не подойдут для такой большой задачи, которую Вы поставили перед нами и в которой должна быть сконцентрирована героика гражданской войны.
>
> Придавая этому делу исключительно важное значение, и зная, что Вам лично известно не мало настоящих героев гражданской войны, в том числе и по Западному фронту, организатором побед на котором Вы являлись, как и на других участках, мы обращаемся к Вам, тов. Сталин, с просьбой принять нас по этому вопросу и помочь нам подсказать (назвать) «Белорусского Чапаева», как это Вы помогли украинцам, назвав фамилию Щорса».

Примерно таково же содержание второго письма («По Вашем решении – мы прибудем в любое время»...).

Сталин на эти письма не ответил, Гикало с Голодедом не принял. Почему – неизвестно. Документов на этот счет нет. Зато точно установлено, что идея фильмов об украинских, беларуских и прочих «Чапаевых» принадлежала лично Сталину.

После указания вождя в республике немедленно начали подготовку к съемкам «политически важной» киноленты, а главное – стали искать для нее подходящего героя. Вот выдержка из протокола заседания бюро ЦК КПБ от 19 декабря 1935 года, с грифом «строго секретно»:

> «В 15-дневный срок рассмотреть вопросы, связанные с созданием фильма, посвященного белорусскому «Чапаеву». А вместе с этим определиться с кандидатурой на роль главного героя, автора сценария, режиссера-постановщика и других исполнителей».

Отряд беларуских партизан (1919 г.)

ЦК создал специальную комиссию. Она устраивала заседания в Институте истории партии, опрашивала бывших участников гражданской войны. Быстро удалось определить восемь кандидатов на роль беларуского Чапаева. Далее среди них все ярче стал вырисовываться один. Большинство «товарищей», причастных к «решению вопроса» (в том числе Голодед) пришли к выводу, что этим героем должен стать Александр Соловей, бывший батрак, создавший в 1918 году так называемую «Рудобельскую республику». Герой из полесской глубинки, который боролся с немцами, подавлял «эсеровские мятежи», а потом воевал с поляками и погиб в 1920 году, когда на его отряд налетели польские уланы и «порубили Соловья вместе с конем на мелкие кусочки».

Справка: Александр Романович Соловей (1897–1920) – участник борьбы большевиков за власть, объявленный в БССР героем гражданской войны.

Родился в деревне Рудобелка Бобруйского повета. В декабре 1917 года 20-летний малограмотный хлопец возглавил Рудобельский волостной ревком. В январе 1918-го Соловей превратил ревком в штаб отряда «красногвардейцев», сформированного из местных маргиналов. Отряд несколько раз участвовал в столкновениях с легионерами I-го Польского корпуса генерала Ю. Довбур-Мусьницкого.

Во время германской оккупации восточной Беларуси (апрель – ноябрь 1918 г.) Соловей возглавлял так называемую «Рудобельскую республику»: был председателем подрайонного комитета РКП(б) и одновременно командовал местными партизанами. Устанавливал власть большевиков в Бобруйске в момент эвакуации немцев (28 ноября 1918 г.), участвовал в подавлении мятежа эсера Стрекопытова в Гомеле (март 1919 г.) и крестьянского восстания против большевиков в Черниговской губернии.

Летом 1919 года, как командир Бобруйского интернационального батальона, а затем Борисовского полка, воевал с поляками, занявшими Бобруйск и вышедшими к Березине. В сентябре – декабре 1919 года во главе конного отряда совершил рейд по тылам войск национального правительства Латвии. С декабря 1919 года командовал 1-м интернациональным батальоном полка имени Красных коммунаров, участвовал в боях за Освею, Режицу /в Латвии/, Полоцк, Борисов, Лепель.

С лета 1920 вместе со своим батальоном состоял в 3-м конном корпусе Г.Д. Гая, участвовал в захвате Вильни и Гродно. Погиб 15 августа 1920 года в бою за местечко Кольно в Польше.

«Рудобельской республикой» называли Рудобельскую волость, где в 1918–20 гг. во время оккупации Беларуси войсками Германии и Польши местным большевикам удалось сохранять свою власть.

Рудобельский ревком, превращенный в штаб, а потом в партийный комитет, возглавлял недавний батрак Александр Соловей. Членами ревкома – штаба – парткома были батрак Леонтий Одинцов (1891–1943), бывшие солдаты-фронтовики Максим Левков (1894–1937) и Максим Ус (казненный поляками в январе 1920), а также Н. Звонкович.

Партизаны («красногвардейцы») деревни Рудобелка и окрестных деревень охраняли свои селения от реквизиций польских легионеров и немец-

ких военных команд, вели среди населения агитацию «за революцию». Накануне эвакуации немцев отряды Соловья и других местных командиров вошли в Бобруйск и пытались помешать оккупантам вывозить награбленное имущество.

Во время польской оккупации в волости действовали партизанские отряды, которыми командовали М. Левков, П. Молокович, Т. Володько, А. Полонейчик. Их «главнокомандующим» являлся А. Соловей. Отряды нападали на польские обозы, разрушали деревянные мосты возле деревень, совершали налеты на железнодорожные станции. В январе 1920 года польское командование направило против партизан карательную экспедицию. Она сожгла несколько деревень, в т.ч. Рудобелку. Несколько десятков партизан погибли в боях, примерно столько же сдались в плен, но поляки их казнили.

Летом 1920 года, после прихода «красных», местные жители на общем собрании переименовали свою волость в Октябрьскую.

Создание сценария комиссия ЦК поручила писателям Анатолию Вольному и Григорию Кобецу. Раньше они уже писали сценарии к нескольким фильмам.

Бобруйский повет

Вот что рассказала по этому поводу Елена Григорьевна Кобец-Филимонова – дочь Г. Кобеца:

«Авторы ездили по заданию ЦК партии в командировки, побывали на месте боев, встречались с матерью Соловья, с его боевыми друзьями. Собрали обширнейший материал. Кроме того, в их руках оказались партийные документы. Так что сценаристам было о чем писать, фактуры хватало. Но они пошли дальше. Авторам показалось, что мало красочных эпизодов, нет той изюминки, которая нужна для захватывающего фильма. Поэтому решили создать обобщающий образ и наделить его более яркими чертами. А это не всем понравилось. В газетах и на заседании в Союзе писателей /26 апреля 1936 г. – *Авт.*/ драматургов упрекали за такую трактовку и даже за деда Тимоху, который затмил Алеся Соловья.

Сценарий Вольный и Кобец дорабатывали в Доме литераторов под Пуховичами. И надо же, какая судьба! Вернулись они в Минск с надеждой, что скоро начнутся съемки. Но в ту же ночь Анатоля Вольного арестовали, а потом и расстреляли*. А папа мой под видом командировки для сбора фактов ко второй серии фильма «Искатели счастья» уехал на Дальний Восток. И «уехал» надолго: в общей сложности 22 года провел в ГУЛАГЕ».

Конные бойцы Красной Армии (Полоцк, 1919 г.)

Короче говоря, фильм о «белорусском Чапаеве» не состоялся. Почему – неизвестно. Минский журналист Евгений Казюкин выдвинул версию:

«Причина, скорее всего, одна. Вождь, у которого была цепкая память, и который ревностно следил, как исполняются его поручения, особенно по созданию кинокартин, вероятно все знал о работе над фильмом. Знал, что белорусы, не информируя его, уже выбрали героем Алеся Соловья, что написан сценарий и его обсудили на заседании Союза писателей, утвердили и скоро начнутся съемки. А в том сценарии ни слова об «организаторе побед на Западном фронте», т.е. о товарище Сталине, о его роли в борьбе с немцами и белополяками.

Этого Сталин не простит и Александру Довженко, создателю украинского Чапаева – «Щорса»: в том фильме тоже почему-то забыли сказать доброе слово о великом вожде. Но «Щорс» появился на экранах, а «Белорусскому Чапаеву» не повезло. Не повезло и тем, кто участвовал в его создании. Один из авторов сценария о Соловье был арестован и расстрелян, а второй, боясь расправы, вынужден был бежать на Дальний Восток (но все равно угодил там в лагеря)»**.

* Анатоль Вольный – псевдоним Анатолия Ажгирея. Его казнили в подвале минской внутренней тюрьмы НКВД в ночь с 29 на 30 ноября 1937 г. Было ему тогда 35 лет.

** Фильм «Щорс» вышел на экраны в 1939 году, однако в смысле популярности до «Чапаева» ему было очень далеко.

(Кстати говоря, Николай Щорс погиб 30 августа 1919 года во время боя у села Белыницы под Коростенем. 44-я стрелковая дивизия, которой он командовал, отступала к Киеву под натиском войск УНР. В Военно-медицинском музее в Санкт-Петербурге хранится дело о гибели 24-летнего Щорса, с материалами вскрытия. Щорс был убит выстрелом из револьвера в затылок. Его застрелил сотрудник особого отдела дивизии. Подоплека убийства в том, что большевики не доверяли Щорсу, считая его «излишне самостоятельным».

Писатель Анатоль Вольный (Ажгирей) /слева/ и поэт Михась Чарот (Куделько). Оба были казнены в октябре 1937 года

Примерно по таким же соображениям был убит 6 августа 1925 года и Григорий Котовский – «молдавский Чапаев», награжденный тремя орденами Красного Знамени. Он в то время командовал 2-м кавалерийским корпусом РККА, имел огромную популярность в народе и в армии, и тоже отличался «излишней самостоятельностью». Большевики панически боялись всех потенциальных «Бонапартов».)

Письма Гикало и Голодеда показывают, что они были написаны с единственной целью – обезопасить себя. Столько в них мольбы, столько преклонения! Что-то напугало главных беларуских начальников. Возможно, они поняли, что Иосиф Виссарионович будет гневаться. Но лесть и мольба не помогли. Вскоре их обоих – по указке из Москвы – назвали «двурушниками-троцкистами», «врагами народа», «шпионами иностранных разведок», исключили из партии, изгнали со всех постов, а затем убили*.

В начале 70-х годов вышел в прокат фильм «Рудобельская республика», созданная по сценарию Граховского и Фигуровского. Но в нем Соловей был лишь одним из героев, а не центральным персонажем. К тому же фильм получился скучный: ни динамики, ни острых моментов. Поэтому его быстро забыли.

В наше время и историки, и «читающая публика» воспринимают гражданскую войну совсем не так, как в 70-е, а тем более в 30-е годы. Ни о какой «героике революции» не может быть и речи**. Если бы сейчас стали снимать фильм об Александре Соловье, то, скорее всего, изобразили бы его «красным» бандитом, осатаневшим от вседозволенности и крови...

---

* Голодеда чекисты казнили 21 июня 1937 года, Гикало – 25 апреля 1938.

** Весьма характерно название одной из лучших книг о гражданской войне, появившихся за последние 10 лет: «Гражданская история безумной войны». Авторы – историк Андрей Буровский и писатель Михаил Веллер. Опубликована в 2007 году в Москве.

ИЗ АВАНТЮРИСТОВ — В ПИСАТЕЛИ

КТО ТАКОЙ СЕРГЕЙ ПЯСЕЦКИЙ?

Владимир Орлов

Местечко Раков отзывается в моем сознании не только именами профессора-филолога Вячеслава Рагойши и одаренных многими талантами братьев Янушкевичей, но также именем одного из самых выдающихся беларуских авантюристов прошлого века Сергея Пясецкого**.

Внебрачный сын шляхтича из древнего литвинского рода, Сергей уже в 17 лет принял участие в борьбе против большевиков в составе отряда известного атамана Дергача (Вячеслава Адамовича). Дергач, который занимался и литературной деятельностью, не знал, что под его рукой воюет будущий писатель. Не подозревал об этом и сам Пясецкий.

В Западной Беларуси он стал агентом польской разведки, находя время и на занятия контрабандой в районе пограничного Ракова. (Тогдашние приключения позже легли в основу его первого романа «Любовник Большой Медведицы»).

Вследствие своего авантюрного характера Пясецкому вскоре пришлось распрощаться с беспокойной работой разведчика, но легче его жизнь не стала. Под воздействием кокаина он совершил тяжкое преступление и в 1926-м был осужден на смертную казнь, которую с учетом заслуг перед секретным ведомством ему заменили на 15 лет заключения.

Организованные Пясецким три бунта заключенных окончились переводом его в самую жестокую в тогдашней Польше Свентокшицкую тюрьму, где бывший диверсант и контрабандист выучил польский язык и начал писать на нем художественную прозу.

Публикация первого же романа вызвала успешную кампанию за досрочное освобождение больного туберкулезом писателя. Он вышел на свободу в 1937-м.

В годы войны Пясецкий героически воевал на Виленщине в отрядах Армии Краевой и прославился тем, что устроил в Вильне среди белого дня побег из гестапо Юзефа Мацкевича, позже едва ли не самого знаменитого писателя польской эмиграции (кстати, тоже беларуса по происхождению).

У. Арлоў. «Імёны свабоды». Мінск, 2007, с. 242–243.

* Сергей Пясецкий родился 1 июня 1901 г. в Ляховичах. Умер 12 сентября 1964 г. в Пенли, в Англии. Похоронен в Гастингсе.

Вячеслав Рагойша (1942 г.р.) – критик, литературовед, переводчик, доктор филологических наук (1993), профессор (1994).

Братья Янушкевичи: Феликс (1954 г.р.) – художник и реставратор; Язеп (1959 г.р.) – литературовед, археограф, писатель; Валериан (1962 г.р.) – скульптор.

Среди более чем десяти книг Пясецкого, бежавшего на Запад, самая известная, видимо, — «Записки офицера Красной Армии», запрещенная в послевоенной Польше. На беларуском языке она вышла только в 2005 году.

Читая эту книгу, я поначалу был слегка обескуражен чрезмерным, как мне казалось, гротеском, но, вспомнив собственный армейский опыт, полностью согласился с переводчиком Алесем Островцовым, отметившим в предисловии, что «Записки...» являются «одним из наиболее последовательных, уничтожающих, бескомпромиссных по-настоящему смешных примеров сатирического отражения античеловеческой сути советской системы».

СОЧИНЕНИЯ С. ПЯСЕЦКОГО

Начныя багі. /Пераклад В. Арэшкі/ Часопіс «Спадчына», 1999, № 1.

Ніхто не дасць нам вызвалення. /Пераклад П. Рагойшы/ Часопіс «Полымя», 2001, № 6.

Запіскі афіцера Чырвонай Арміі. /Пераклад А. Астраўцова/, 2005.

Каханак Вялікай Мядзведзіцы. /Пераклад Ф. Янушкевіча/ Мінск: выдавец В. Хурсік, 2009.

Пяты этап. /Пераклад Я. Янушкевіча/ Часопіс «Полымя», 2010, №№ 4, 5.

ЛЮБОВНИК БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Мельхиор Ванькович

Летом 1936 года я проделал восемь тысяч километров, петляя вдоль восточной стены.

Наша граница с Советами дрожит тревогой, хоть и затянута в колючую проволоку. Так, как будто мы находимся у подножия вулкана. Здесь растут цветы и пасутся козы. Лишь застывшие у подножия волны шлака говорят о том, что было раньше. И еще чувствуется непрерывная дрожь под землей.

Застывшая лава прошлого – это кресты в лесах, поставленные полицейским, погибшим в борьбе с диверсионными бандами, это проломы под крышами крестьянских хат, прогалины среди людей, которых смяли или смели взрывы Евразии. Это кровавое повествование, смердящее преступлением Востока, после которого в душах людей остались глубокие раны.

Дрожь эта непрерывна – иногда это приведенный в пограничную стражницу индивидуум, явно стремящийся за решетку; иногда это слухи, неведомыми путями ползущие по деревням; иногда – продуманные диверсии в узловых пунктах наших коммуникационных артерий...

На границе минуло время золотых интересов – импортных и экспортных, контрабандистского эльдорадо, безумных рейдов, организованных ватаг. Жизнь границы ушла под землю, но не замерла.

Я происхожу из Витебско-Смоленских ворот, ворот шириной в 70 километров, где за время истории произошло 28 великих сражений. Может поэтому у нас, людей оттуда, ухо профессионально чутко на шорохи из евразийских пространств, на мелодию границы, которая по-разному в нашей истории бежала от березки к березке, от болота к болоту, но всякий раз лентой шириной в несколько десятков километров.

Может быть именно поэтому я старательно отмечал трепет границы.

И поэтому для меня стало событием, когда однажды я получил из тюрьмы, что на Святом Кресте, две большие общие тетради, усыпанные мелким маком буквиц, а когда вчитался, понял, что это воспоминания бывшего контрабандиста с раковско-ивенецкого пограничья.

Сергей Пясецкий — так назвался автор, — писал:

«Если бы вечером, в глухую осеннюю ночь, сбросить с границы покрывало мрака на длинном ее промежутке, мы бы увидели партии контрабандистов, стремящиеся к границе... Идут втроем, впятером, даже по десять и более. Большие группы ведут «машинисты», досконально знающие границу и пограничье. Малые партии ходят преимущественно на свою руку. Идут даже женщины, сразу несколько, чтобы за золото, серебро и доллары купить в Польше товар и с лихвой продать в Советах. Есть и вооруженные группы, но их очень мало. Оружие контрабандисты не носят. Если кто-то из них берет с собой ствол, то при задержании, если видит, что имеет дело не с хамами, чьих обрезов контрабандисты боятся больше всего, то отбрасывает оружие подальше от себя. С оружием ходят Алинчуки, Сашка и некоторые другие, имеющие очень веские на то основания.

Отпахнув заслон мрака с пограничья, мы бы увидели акул границы: крестьян с обрезами, карабинами, револьверами, топорами, вилами и кольями, подстерегающих добычу. Иногда увидели бы и диверсионную банду в составе десятка или нескольких десятков людей, вооруженных револьверами, карабинами, гранатами, а изредка и пулеметами. Увидели бы мы и конокрадов, уводящих краденых коней из Польши в Советы, а из Советов в Польшу.

Наконец, увидели бы необычную фигуру... человека, в одиночку измеряющего пограничье и переходящего границу... Чаще всего он идет самыми опасными путями. Шагает с револьверами в руках, с гранатами за поясом, с кинжалом на боку. Это шпион... Старый, закаленный, чудом уцелевший в десятках стычек, решительный, словно дьявол, до безумия смелый пират границы. Все боятся его: и контрабандисты, и стражники, и агенты всех подразделений разведки и контрразведки, и крестьяне... Поймать контрабандиста — заветная цель! Но наткнуться на такую сатану — страшнейшее дело.

Увидели бы и много других интересных вещей... О некоторых из них я расскажу дальше в своей повести».

Я зачитался рукописью. Откуда-то из глубины тюремных склепов ко мне протягиваются руки, замурованные от света. Какое же это жуткое дело долгими месяцами, даже годами слепиться над писаниной, в страшнейших условиях браться за писательство людям, несклонным к нему. Не иметь никакой помощи, никакой подсказки, никакого поощрения, никакой награды, склоняться под тяжестью сомнений, продвигаться в полной неизвестности, в неопытной голове

перебирать слова — новый инструмент, столь отличный от ножа и браунинга, а потом посылать разбухшую вещь в далекий, отполированный мир.

Название этого романа или повести — «Любовник Большой Медведицы». Он о том, как под холодным блеском никогда не заходящего созвездия делает свои первые шаги после демобилизации из армии молодой неопытный хлопец, которого знакомые берут на первое контрабандное дело. Под ногами сгибается серебристый колос, черные лесные недра открывают светлые полянки, над которыми в блеске своих семи звезд стоит Большая Медведица.

В постоянной опасности и шальных деньгах течет жизнь в пограничном Эльдорадо. Смелый и предприимчивый парень достигает все новых высот. Распоряжается тысячами долларов. Имеет любовниц по обеим сторонам границы, диктует границе свой закон. Прекращает носить товар, начинает «водить фигурки», то есть переводить людей через границу. И, наконец, выплывает на широкие воды настоящего пиратства — в компании с двумя другими отчаянными головами начинает нападать из засады на контрабандистов возвращающихся из-за границы с долларами и золотыми рублями. Неделями он спит под балдахином лесных елей. Знает каждую тропинку, по которой идет дичь, знает ее привычки, знает, когда ударить наверняка.

Например, вот история охоты на Берку по кличке Стоногий.

«Щур /кличка компаньона Пясецкого, в переводе с беларуского «крыса» — *Прим. ред./* узнал в местечке, что некая группа повстанцев (так называлась одна из категорий плохо организованных «диких» контрабандистов) ходит за границу не прямо из местечка Раков, а из Волмы. На ту сторону несут очень ценный товар, а на нашем участке возвращаются без него. В то же время их проводник Берка «Стоногий» после переброски двух — трех групп возвращался из-за границы один и с уплаченными ему за товар деньгами. В зависимости от количества и ценности переброшенного через границу товара носил большие суммы, от пяти до десяти тысяч долларов. Нам подсказали примерный участок, на котором возвращался из Советов Берка Стоногий. Он находился неподалеку от Тэкли Поля. Спустя некоторое время мы уточнили, что Берка Стоногий после перехода границы идет шестью дорогами. Проходит возле дубравы наследника Новицкого, яр возле стодолы управляющего этого имения Карабиновича; неподалеку от корчмы на дороге из Волмы в Раков и, наконец, лесом вблизи корчмы. Там шел тремя дорогами: лугом возле деревни, левой окраиной леса и тропинкой, пересекавшей лес на другую сторону. Принимая во внимание разные обстоятельства, устраивали засады на одной из этих дорог. Все безрезультатно. А потом Щур узнал в местечке, что Берка Стоногий опять вернулся тем промежутком, который мы сторожили. Щур бесился.

Начались лунные ночи. Если небо очищалось от туч, было удобнее готовить засады. Однажды, как обычно, устроили засаду в двух точках: я на тропинке, что шла через середину леса, а Щур на его левом крыле. Прикинули, что Стоногий будет возвращаться по одной из этих дорог.

Был второй час ночи. Места наших засад находились на приличном удалении от границы. Опасаясь проглядеть еврея, возвращающегося из-за границы, я внимательно всматривался в пространство перед собой. Если казалось, что

уловил какой-то звук, поднимался и пристально осматривал окрестности. Убеждался в обмане зрения и снова садился на пень от спиленной ели.

В какой-то момент услышал слева крик. Побежал туда окраиной леса. Приблизился к месту засады Щура и увидел, что он обыскивает какого-то крестьянина, который громко просил, чтобы Щур его отпустил: давал десять рублей золотом. Крестьянин нес в мешке более десяти килограмм овечьей шерсти и говорил, что идет к свойкам, живущим возле Волмы.

Внезапно мне пришла в голову одна мысль. Когда Щур отпустил мужика, я сказал коллеге, что, по моему мнению, Берка Стоногий никогда не возвращается из Советов в одиночку, а всегда идет вместе с мужиком и бабой. Они идут первыми на расстоянии несколько десятков шагов друг от друга, а за ними крадется Берка. Напомнил ему о бабе, задержанной неподалеку от амбара Карабиновича. Щур, ничего не говоря, побежал той дорогой, по которой накануне прошел крестьянин. Через четверть часа он вернулся и сказал: «Ты прав, позади шла баба, а дальше кто-то в сапогах; объегорили нас».

Чтобы дать пример фактуры, я привел какой-то фрагмент. Читал эту книгу со штабной картой в руках.

Постепенно Пясецкий остался один. Товарищей перестреляли, либо они разошлись. Щур, например, подался в далекий Ростов: это был довоенный ростовский бандит. Что гнало его туда? Он сам не смог бы ответить. Какая-то неизлечимая ностальгия управляет поведением этих людей.

Проводив друга, Пясецкий возвращается с той стороны границы.

«Волк рванул с места и через несколько прыжков вылетел на полосу. Торопясь, я подался за ним. Перед моими глазами показалось широкое открытое пространство пограничной полосы, взятой с обеих сторон, словно в раму, стенами леса... Волк мчался к проволочной ограде. Вскочил в разрыв, сделанный мной прошлой ночью, и исчез в лесу на той стороне полосы. Где-то у него неотложное дело... Перебежал вслед за ним пограничную полосу и оказался в лесу. Потом направился на запад».

Теперь, одинокий как волк, он рвет и кусает людей. Наконец-то подловил Берку Стоногого и отобрал у него 7400 долларов. Уже и сам не знает, сколько у него денег на разных малинах. Но они не радуют: постоянная неизлечимая хандра одолевает его. Идет прощаться с могилой, тем местом, где когда-то друзья нашли его без сознания, обессиленного, после побега из советской тюрьмы. Тут появлялось привидение, сам видел несколько раз белую тень. И сейчас она есть. Это дочь русского офицера, убитого на этом месте во время перехода границы. Попрощался.

«На северо-западе сияет невероятно прекрасная Большая Медведица. Ее окружили легкие пушистые снежно-белые облака. Это был конец моего третьего золотого сезона. Это была годовщина смерти Сашки Веблина – некоронованного короля границы. Это была моя последняя ночь на пограничье...»

Так закончилась эта толстая рукопись, густо усеянная синими штампами тюремной цензуры.

Издательство ответило, попросило узнать подробности. Ответ пришел нескоро (тюремная цензура!). Автор сообщал:

«Мое наказание окончится 30 сентября 1941 года. Окружным судом города Вильни я был приговорен к смертной казни, милостиво замененной Президентом на 15 лет. По закону, после отбытия двух третей срока наказания, я был бы переведен на условное лишение свободы, но не имею возможности доказать, что не начну снова зарабатывать на прожитие оружием».

Переходя к своей рукописи, он писал:

«Пишу потому, что должен писать. Это является моей органической потребностью, неодолимым и непобедимым желанием. Нашествие воспоминаний иногда пугает меня, которые (вычеркнуто цензурой) на бумагу бы (вычеркнуто цензурой). Это разрушает мой ум. А в то же время здравый смысл подсказывает писать спокойно, терпеливо, по плану, совершенствовать стиль, познавать язык, углублять науку. Как это трудно без необходимых книг, в несоответствующих условиях. Как неприятно раскладывать работу на месяцы, годы, если хочется сделать ее сразу, чтобы успокоиться.

Мне очень досадно, что языковое облачение повести такое скверное. После года работы по овладению языком хорошо это понимаю. Уверен, что ошибки, которые допускаю, выглядят дикими и комичными. Избавлюсь от них в следующих романах... Мне сильно мешает знакомство с русским языком и то, что до сих пор я не встречался с людьми, правильно говорящими по-польски, поскольку более десяти лет нахожусь в окружении людей, которые пользуются странными диалектами, либо употребляют гротескную смесь из нескольких языков. До сих пор единственным моим проводником и наставником были «Wiadomosci Literackie», которые, по моей просьбе, бесплатно получаю от пана редактора с марта 1935 года. Из них черпаю знания, учусь языку и даже боюсь поблагодарить любимую газету за то, что где-то за боротом жизни есть человек, который сам ничего не давая, пользуется трудом, талантом и организацией многих людей, стоящих у верстака культуры. Они были моей радостью, моим светом, и от них я получил больше всего пользы... Мечтаю о том, чтобы в будущем поблагодарить их.

...Затрагиваю многие вопросы, потому что это письмо особенное (дальнейший текст вычеркнут цензурой). Следующий раз не буду иметь возможность писать так широко. Поэтому сразу прошу прощения, если дальнейшая корреспонденция будет лаконичной и сухой»...

И снова опустилась завеса, и снова мы ничего не знали. Но уже был след к делам Виленского окружного суда. Просмотрел его акты и излагаю то, что вычитал в них. Эти судебные дела огромные, толстенные. Безошибочным путем, с непоколебимой мудростью они ведут к причиненному ущербу. Пока изучаю их, выпадает ко мне маленькая розовая бумажка с информацией:

«Сергей Пясецкий, православный, поляк, шляхтич, подхорунжий, разведчик II Отдела, кокаинист, особые приметы: зарубцевавшиеся огнестрельные раны на левом плече и ноге».

И только из дела встает его извилистая жизнь.

Родился в 1901 году, сын почтового служащего. Закончил семиклассную гимназию в Покрове. Юношей принимал участие в повстанческой антибольшевистской организации «Зеленый Дуб», взаимодействовал с польскими войсками при захвате Минска и в это время в первый раз ранен. Направлен в школу подхорунжих в Варшаву, откуда вышел со званием подхорунжего и в этом звании служил в беларуских добровольческих формированиях в кампании 1921 года. После войны его услугами пользовался Второй Отдел*.

Пробел в деле. А далее сообщается, что 21 месяц сидит в Новогрудской тюрьме, находясь под следствием за ограбление и уничтожение группы контрабандистов. Но 25 августа 1925 года выходит на свободу без приговора; а уже в октябре снова ранен на советской территории. За этот короткий срок 30 раз переходит границу!

Жилет контрабандиста начала 1920-х гг.

Какие-то там за границей происходят погромы, убийства; разрыв контракта. 18 января 1926 года Пясецкого увольняют со службы. Куда податься, если его профессия – игра с опасностью? Хочет уехать в Иностранный Легион, но, как офицер запаса не получает разрешения. Предлагает свои услуги французской разведке, знает Россию, но его не берут. Что делать? Денег нет, потому что никогда их не ценил. Золотые времена контрабанды прошли: граница укрепилась и на ней ничего нельзя заработать.

Пребывает в нищете. Голодает. Пешком идет к брату в Гродно. Но выясняется, что брат сам находится в нужде. Пясецкий тащится назад в Вильню. Вконец разваливается обувь. Идет босиком. От лучших времен остался только один надежный друг – наган. Любит оружие, в его повести оно часто упоминается.

Ощущает себя бездомным зверем. Принимает весь оставшийся кокаин – половину грамма. В деле находится заключение специалиста о том, что обычно кокаинисты употребляют пять сотых грамма, а в течение дня – 15 сотых, и что один грамм является смертельной дозой.

Чрезвычайно возбужден. Когда на шоссе появляется фура с евреями, едущими на ярмарку, выхватывает наган: «Руки вверх!» Получилось. Отбирает 1054 злотых. Щедро дает вознице на пиво и направляется в Новогрудок. Там еще сидит за прежнее дело (нападение на контрабандистов) верный компаньон

* «Двойка» – разведывательный отдел генштаба Войска Польского. – *Прим. ред.*

Неверович, капрал в добровольческом отряде Домбровского, дважды раненый, после – сержант милиции на нейтральной полосе, который как и Пясецкий хорошо знает советские тюрьмы.

В Новогрудке Пясецкий, купив одежду и обувь для Неверовича, идет в тюрьму. Хочет внести залог за Неверовича, но узнает, что его уже освободили. Оставляет только 40 злотых на библиотеку.

Неверовича находит в Вильне. Что будут делать в Польше? Вынуждены идти той тропинкой, которой является их профессия. Научите рысь питаться растениями. Кто-то доверчиво открыл Пясецкому местонахождение дровяного сарая в Москве, где закопал бриллианты. За их возврат обещал половину, это 6600 долларов. Идти на дело планирует вместе с Неверовичем, а тем временем, экономии ради, перебираются из отеля к любовнице Неверовича в Новую Вилейку. Из этой экономии вышло то, что спустили весь капитал, успев только купить Неверовичу револьвер.

Надо в последний раз испытать счастье. Задерживают конку, двигавшуюся узкоколейкой из Василишек. Польскому чиновнику позволяют опустить руки и не обыскивают. Также и какую-то польку. Когда против этого протестует пассажирка-еврейка, Пясецкий приказывает ей снять еще и серьги, а когда она сопротивляется, бьет ее рукояткой револьвера по голове. Добыча очень жалкая – 160 злотых.

Продолжение весьма шаблонное. Предает любовница Неверовича. Полиция и наручники. Полевой суд.

В деле приговор виден издалека. Но прежде, чем вынесут приговор, прилетают два гонца. Один послан смертью с пожеланием уголовного отделения суда. И посланный жизнью – свидетельство Второго Отдела от 9 января 1926 года:

> «...работа Пясецкого была весьма результативной... Донесения имеют большую ценность... проявил большую преданность польскому делу... отличался отчаянной отвагой. В разведке служил добросовестно. Поручаемые задания выполнял не щадя здоровья и жизни».

Напрасно!

> «Принимая во внимание и т.д. суд единогласно признал обоснованным и справедливым наказать обоих расстрелом согласно ст. 25, 28, 30, 31, 34 и, по судебному законодательству изъять из имущества подсудимых Пясецкого и Неверовича по 600 злотых, а также одинаково присудить им оплату судебного делопроизводства».

Еще один документ – сообщение о помиловании с заменой на 15 лет. А потом тишина.

И после, начиная с 1930 года, прошения о помиловании – словно стук из гроба.

Первое прошение о сокращении срока наказания написано в Равичах в январе 1930 года на имя Президента.

> «...к отцу, – пишет заключенный, – податься не мог, ибо он жил в Минске-Литовском /т.е. в БССР – *Прим. ред.*/, попасть в Иностранный Легион я не мог как офицер запаса. Шесть месяцев напрасных попыток и унижений... все обсто-

ятельства сложились таким образом, чтобы склонить меня к преступлению, и в то же время не было ни одного, чтобы удержать меня от него... В России, вращаясь в сферах чиновников и офицеров Красной Армии, я научился широко распространенному там употреблению кокаина: не был вконец испорченным человеком, но неудачником... Я не заслужил себе ничего за свою работу, даже отдыха... после нескольких лет скитаний в армии, окопах, госпиталях»...

Суд на закрытом заседании 18 ноября 1930 года «не нашел оснований».

И снова прошение от 16 августа 1932 года, посланное из тюрьмы усиленного режима в Коронове.

Суд на закрытом заседании 3 ноября 1932 года «не видит оснований».

Теперь его сажают на Святом Кресте, и появляется обычный гость — туберкулез.

На основе заключения тюремного врача, сопровожденного свидетельством двоюродного брата, столяра из Новогрудка, о том, что он дает ему жилье и берет на содержание, обращается к суду 2 декабря 1933 года. И снова напрасно.

Сергей Пясецкий (фото 1950-х гг.)

13 апреля опять прошение — без результата.

Наконец — последнее прошение от 24 апреля 1936 года. Ссылаясь на двоюродных братьев Кулаковских из Новогрудка, родного брата Анатолия из Гродно, на свидетельство II Отдела, на врачебное заключение, на свидетельство тюремного начальства о хорошем поведении, на отбытие десяти лет тюрьмы усиленного режима...

На закрытом заседании Виленский Окружной суд 28 мая 1936 года решает, «что ни в обстоятельствах дела, ни в прошениях заявителя суд не видит никаких оснований признать Сергея Пясецкого достойным помилования».

Благодаря содействию министра Грабовского, я получил возможность посетить Пясецкого на Святом кресте.

Когда-то, перед войной, я путешествовал из Сандомира в Опатов, Климантов, Слупы чрез святокрестовые горы на Кельцы. Сбил ноги. Сгибались под рюкзаками. Поднимались вверх, так же напрасно, как тот святой, забыл его имя, который ежегодно поднимается на полметра. В наших головах шумело начало «Пеплов», вокруг нас шумела еловая пуща. Суеверно посматривали на каменистые вершины Лисицы, куда будто бы слетались на шабаш черти. Существовали мы с Польшей бедной и униженной, свободной от мыслей о нормах питания для заключенных, свободной от решений тайных судов; голодной в будние дни и щедрой по праздникам, окровавленной, но беззаботной.

Я ночевал в отеле «Польском», в комнате, предназначенной для гостей, приезжающих навестить узников. Утром явился шофер в зеленой форме. Закутанный в одеяло, я снова ехал дорогой, когда-то измеренной сбитыми пятками.

Меня принимал начальник тюрьмы, в прошлом руководитель российского острога в Радоме, в присутствии настоящего прирученного волка. Когда я выполнял формальности, волчара смотрел на меня кровавым взглядом.

Я получил разрешение на встречу с заключенным Пясецким. Землистое, измученное лицо. Кто же определит возраст этой маски? Блестящие, глубоко запавшие глаза. Это тот человек, что ежегодно стучит в мир из глубины гроба?

Говорит только о писательстве. Не жалуется. Спрашивает, постоянно спрашивает о том, как надо писать. Сообщаю ему, что аванс из гонорара оставляю у начальника тюрьмы. Это его совсем не интересует. Говорит над чем работает, что начал трилогию из жизни преступного мира.

В зимние метели контрабанду возили и на санях...

Я купил ему вечное перо и бутылочку чернил, а также пачку бумаги. Но бумагу не берет: правила не разрешают держать отдельные листы – должны быть сброшюрованы. Обещаю прислать общие тетради. Наполняю ручку. С восторгом смотрит, как наполняется прозрачный баллончик.

Осторожно берет в руку перо и пробует писать. За окнами, взятыми в плетенку толстых решеток, большими мягкими пластинками тихо падает снег. И из этого простого акта передачи орудия труда создается некий обряд. Позирует? Нет – скорее это какие-то два отличных друг от друга существа хотят достичь взаимопонимания.

Спрашиваю его о прежних друзьях. Этим летом поеду туда; буду с ними разговаривать. Но что можно рассказать о них после одиннадцати лет? Дает адреса, которые были когда-то актуальными, называет клички людей, которых наверняка много раз растрепал, разбросал ветер.

Прощаемся.

А потом я иду рассматривать острог. На перекрестке каждого коридора охранник протяжно кричит *«У-ва-а-а-га-а!»* и глухой гул, которым полнится этаж, замирает. Что означает этот гул?

В камерах, отделенных плетенками решеток от коридоров, полы которых отполированы до блеска (заключенные полируют их бутылками), стоят по стойке *«Зважай!»* две шеренги заключенных в арестантской одежде. Эти лица – лица упырей. Только один Сабирай – убийца директора мясной биржи – еще не утратил вида. До общей матовости землистой кожи не дотянули еще и украинцы из заговора против святой памяти Перацкого.

В камерах, маленьких камерах величиной в половину комнаты, сидит более десятка заключенных. Их матрасы подняты высоко под потолок. Ночью не остается и пяди земли. В камере всего по три скамеечки на десяток людей...

«Адпачывай...»

Глухой гул снова рождается в остроге. Это толпа арестантов в 700 с лишним человек начинает ходить по камерам, стуча деревянными подошвами сандалий.

Ходить... Но как?

Камеры такие тесные, что ходить невозможно. Поэтому нашли технику: становятся в два ряда и двигаются по камере, поворачиваясь по команде. Двигаясь так, разговаривают, или... думают. Никто не может ни сбиться с шага, ни отступить на половину ритма, ибо все смешалось бы.

Сейчас мы проходим вдоль ряда зарешеченных камер, и в каждой видим более десятка убийц, бандитов, кровосмесителей, шпионов, альфонсов, отравителей, наемников (на Святой Крест редко попадает заключенный, получивший менее десяти лет, а сколько здесь пожизненно осужденных, оставшихся еще от немцев)! В ритме, отбиваемом деревянными сандалиями, они ходят, бросаясь от стены к стене. Страшные лица увеличиваются, приближаются к дверям, чтобы через миг перед нами были ряды стриженых затылков. Как дикий хищник бросается острог от решеток к окну, от окна к решеткам на дверях.

В какой-то из этих камер пишет свои романы Пясецкий...

* * *

В Варшаве получил от него письмо. Сообщает, что отправляет мне роман «Пятый этап» и роман под названием «Жизнь разоруженного человека».

> «Я очень хотел бы, чтобы в будущем вы гордились мною, – пишет Пясецкий, – и я постараюсь этого достичь. Спасибо, большое спасибо за вечное перо. Как ребенок тешусь им. Правда... Вечером думаю о том, как встану и буду им писать... и очень недоверчиво смотрю на каждого, кто поглядывает на него. Радует меня больше, чем когда-то оружие. Наконец я могу пользоваться тем, что составляет часть культуры. Не имея чем поблагодарить вас, посылаю привет от Большой Медведицы. В хорошую погоду вижу ее из моей камеры... Какие красивые, какие красивые, какие чудесные, какие лучистые у нее глаза!..»

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Писатель М. Ванькович (1892—1974) родился в деревне Калюжица Игуменского повета (ныне в Березинском районе). Из старинного беларуского шляхетского рода Ваньковичей. Детство и юность провел в Минске, в 20—30-е годы жил в Польше, много путешествовал по Западной Беларуси. В 1949—58 жил в США. Автор романов, повестей, очерков, репортажей, мемуаров, написанных на польском языке

ГЕРОЙ И ЛЮДИ ВОКРУГ: ФЕДОР КРЫЛОВИЧ

Анатоль Тарас

В ночь с 29 на 30 июля 1943 года на станции Осиповичи в Беларуси была совершена самая грандиозная наземно-транспортная диверсия за всю историю Второй мировой войны. В результате ее было уничтожено четыре воинских эшелона: один с топливом и авиамаслом; два с боеприпасами, один с бронетехникой.

Совершил диверсию 27-летний комсомолец-подпольщик Федор Крылович из Осипович. За нее трое партизанских командиров получили в начале 1944 года звания Героев Советского Союза. Лишь о самом диверсанте «забыли». Войну Ф.А. Крылович завершил с единственной наградой – медалью «Партизану Великой Отечественной войны», которую вручали всем участникам партизанского движения.

Только по настойчивой инициативе секретаря ЦК ЛКСМБ Кирилла Мазурова в декабре 1948 года – в связи с 30-летием образования БССР – его наградили орденом Ленина. Но орден – не золотая звезда Героя. Автор самой результативной диверсии умер в 1959 году в бедности и забвении.

Его 90-летие в марте 2006 года и 50-летие со дня смерти в ноябре 2009 года не были отмечены ни властями, ни общественностью Беларуси.

* * *

Федор Крылович родился в 1916 году в Минске в семье железнодорожника. Его отец Андрей Андреевич и до, и после революции работал кондуктором. Детские и юношеские годы Федора прошли в Осиповичах, здесь он окончил семилетку. Поступил в Витебский электротехникум, но учебу пришлось бросить из-за материальной нужды. Чтобы помочь семье, работал сразу в двух местах: электриком на железнодорожной электростанции в Осиповичах и одновременно помощником уполномоченного в городском отделе физкультуры и спорта.

В армию был призван в 1937 году, окончил школу связистов в Ульяновске. Стал сержантом, воевал на Халхин-Голе и у озера Хасан. Потом участвовал в войне с Финляндией. Вернулся в Осиповичи летом 1940 года.

Вот что рассказал бывший подпольщик Леонид Верещагин:

> «Федора знали и любили в городе. Высокого роста, широкоплечий, он был необыкновенно подвижным, общительным, смелым и решительным парнем. В военной гимнастерке, подтянутый и стройный, он мог посоперничать с любым в веселом танце на предвоенной вечеринке. Всем этим он притягивал к себе молодежь. Те, кто помладше, стремились подражать ему. Для нас слово Федора было законом».

Почти как в стихотворении Маршака: «в белой футболке, плечистый и крепкий..., знак ГТО на груди у него»... Прямо-таки плакатный представитель ста-

линской молодежи. Такого хоть на Северный полюс посылай, хоть в Китай на борьбу с японскими милитаристами.

Услышав 22 июня 1941 года по радио о начале войны с Германией, сержант запаса Крылович немедленно явился в военкомат. Но в армию его не взяли – наркомат путей сообщения забронировал кадры железнодорожников. И уйти с товарищами на восток не удалось: немецкие танки, обойдя Осиповичи, вышли к мосту через Березину и отрезали путь на Могилев. А уже 30 июня немцы вошли в Осиповичи.

Эта узловая станция во время оккупации стала важной базой Вермахта. Здесь располагались склады, формировалось или разгружалось множество военных эшелонов.

Организованного подполья в Осиповичах поначалу не было. Группы сопротивления возникали стихийно. На железнодорожном узле такую группу возглавил машинист паровозного депо Марк Шведов. В нее вошел и станционный электромонтер Федор Крылович. Подпольщики занимались саботажем: сыпали песок в буксы колес, повреждали цилиндры у паровозов, неправильно переводили стрелки, пуская вагоны под откос.

Федор, имевший навыки радиолюбителя и армейскую специальность связиста, собрал радиоприемник. В доме Крыловичей подпольщики слушали передачи из Москвы. Постоянный прием и запись сводок вел отец Андрей Андреевич. Он в 1943-м ушел в партизаны. В борьбе против оккупантов участвовали также его сын Алексей и дочь Софья – брат и сестра Федора. Все они погибли.

В феврале 1943 года совещание партийных функционеров в Москве (пленум ЦК КПБ) поставило задачу партизанам: проникать в города с целью создания агентурных групп на важнейших военных объектах. Весной 1943 года с Федором Крыловичем встретился секретарь Могилевского подпольного обкома ЛКСМБ Павел Воложин, уполномоченный ЦК ЛКСМБ в зоне Осиповичи – Бобруйск. Он поручил ему расширить масштаб диверсий и акций саботажа на станции и в городе*.

В донесении Воложина секретарю ЦК ЛКСМБ К.Т. Мазурову от 2 июля 1943 года сказано:

> «Имел свидание. Подобрался замечательный парень. Он у меня уполномоченный по г. Осиповичи – Крылович Ф.А. Он по моему поручению организовал 9 комсомольских организаций по 3–4 человека в организации. Ребята толковые и энергичные, только нужен материал. Стыдно признаваться, что нет тола и мин. Жду. Этот Крылович Федя замечательный парень, энергичный и инициативный, исполнительный. Вот, что он проделал за свое пребывание в Осиповичах: кроме этих 9 организаций у него есть еще 11 человек диверсантов и 5 распространителей литературы. Состав – комсомольцы и молодежь. Друг с другом они не связаны. Эта группа уничтожила за свое существование 21 цистерну с горючим, 13 платформ с горючим. Выведено из строя 38 электромоторов, дизель электростанции выведен из строя на 6 месяцев (...) переправил в парти-

* П.Ф. Воложин вышел на Крыловича через секретаря Осиповичского подпольного райкома комсомола И.Б. Гнедько.

занские отряды 52 человека молодежи. Парень хорошо знает работу подполья, конспирации. Поставил перед ним ряд новых задач и основное – активизация действий созданных организаций».

В середине июля 1943 года Воложин встретился с командованием спецотряда наркомата госбезопасности БССР «Храбрецы», базировавшегося в Октябрьском районе Могилевской области. В отряде он получил две магнитные мины английского производства*. Их дали в обмен на обязательство поставлять из Осипович разведывательную информацию, в которой нуждались чекисты. Мины «по цепочке» переправили Крыловичу.

В ночь с 29 на 30 июля 1943 года электромонтер Крылович заступил на дежурство по станции Осиповичи. Мины лежали на дне переносного ящика с инструментами. Темнело, когда на станцию прибыл эшелон с жидким топливом. Скоро он должен был уйти в южном направлении, в сторону Курска. В это время с путей вызвали дежурного электрика: вышел из строя семафор в Северном (или, по-другому, Могилевском) вагонном парке. В сопровождении немца-охранника Крылович отправился к семафору. Когда провожатый отвлекся, Федор установил мину на бочке с бензином на платформе в голове эшелона, вдоль которого они шли. Вторую мину ему удалось поставить на такой же бочке в хвосте состава. Обе должны были взорваться в пути.

Здание вокзала в Осиповичах

Но тут произошло неожиданное. Вместо того, чтобы немедленно отправить эшелон с бензином из Осипович, станционное начальство приказало передвинуть его в Северный парк, где находились составы с боеприпасами и военной техникой.

Федор уже вернулся домой, когда прозвучал первый взрыв. Ночное небо озарило пламя от горящих бочек с бензином. Минут через 10–15 от взрыва вто-

* Некоторые авторы (например, Ю.Г. Веремеев) пишут, что Крылович использовал объектные мины типа СПМ. В действительности, как установил историк А.М. Литвин, у него были английские мины.

рой мины детонировали боеприпасы в соседнем эшелоне. В городе, словно от землетрясения, зашатались здания, заколебалась земля. Над станцией взметнулся гигантский огненный смерч. Пламя перекинулось на эшелон с танками и бронемашинами. Казалось, горело все — составы, земля, даже небо. Оглушительные взрывы, разлетающиеся в разные стороны на сотни метров осколки и неразорвавшиеся снаряды, бушующий в разных местах огонь — все слилось в сплошной гул. По свидетельствам очевидцев, «взрывы и пожар продолжались до 12 часов дня», то есть 10 часов подряд.

Свидетельства об этой диверсии сохранились в немецких документах. Дежурный офицер оперативного отдела 203-й охранной дивизии сделал следующую запись в дневнике боевых действий:

«30.07.1943. Около 2 часов на станции Осиповичи на железнодорожном составе с горючим взорвалась магнитная мина. В результате пожара сгорело 29 цистерн с бензином, 60 вагонов с боеприпасами и эшелон с боевой техникой. В результате взрывов боеприпасы разбросаны по всей территории. Срочно затребованы пиротехники из Минска и Могилева для обезвреживания всюду разбросанных снарядов и бомб. По данным 550-й полевой комендатуры, потери до сих пор составили 3—4 солдата убитыми, 27 солдат и 6 железнодорожных служащих ранено».

В своей радиограмме в Москву командир отряда «Храбрецы» Александр Рабцевич сообщил:

«...В результате пожара сгорели 4 эшелона, в том числе 5 паровозов, 67 вагонов снарядов и авиабомб, 5 танков типа «тигр», 10 бронемашин, 28 цистерн с бензином и авиамаслом, 12 вагонов продовольствия, угольный склад, станционные сооружения. Погибло около 50 фашистских солдат»*.

Позже Рабцевич представил рапорт с уточненными данными:

«Уничтожены 25 вагонов с бензином /в бочках/, 8 цистерн с авиамаслом, 65 вагонов с боеприпасами, 5 танков «Тигр», 3 танка Л-10, 7 бронемашин /все 15 машин находились на ж/д платформах/, 12 вагонов с продовольствием, 5 паровозов, кран для подачи угля, угольный склад. Повреждены иные станционные сооружения. В окрестностях сгорели 9 домов».

Конечно, столь крупные потери обусловило, в основном, стечение обстоятельств. Однако этот факт не умаляет заслуги Крыловича.

Бывший офицер генерального штаба Вермахта Э. Миддельдорф спустя несколько лет после войны написал в своей книге:

«Действия русских партизан во время проведения крупных наступательных и оборонительных операций сильно затрудняли обеспечение немецких войск и проведение оперативного маневра... Крупного успеха добились партизаны также в июле 1943 года, когда ими на станции Осиповичи был уничтожен эшелон с горюче-смазочными материалами, два эшелона с боеприпасами и чрезвычайно ценный эшелон с танками «Тигр»**.

---

* Как следует из немецкого документа, погибло не более 4-х человек, ранены 33.

** Э. Миддельдорф. Тактика в русской кампании. Москва, 1958, с. 344.

На танки «Тигр» германское командование возлагало большие надежды в операции «Цитадель». Оно несколько раз откладывало начало наступления под Курском именно из-за недостаточной укомплектованности штурмовых частей этими боевыми машинами.

После взрыва Федор Крылович ушел из города в 1-ю Бобруйскую партизанскую бригаду, которой командовал В.И. Ливенцев. Возглавил в отряде диверсионную группу, совершил ряд успешных операций.

* * *

Вскоре началась дележка результатов диверсии в Осиповичах. Делить было что, к тому же наступил подходящий момент – победа в битве на Курской дуге.

Само собой разумеется, что выдающийся подвиг Крыловича с самого начала никто не собирался преподносить как деяние бойца-одиночки. Осиповичскую диверсию требовалось обязательно включить в планы и достижения конкретных структур.

Остатки разрушенного вагона

В этом плане соперничали два основных ведомства. Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем ЦК КПБ Пантелеймоном Пономаренко и подчиненный ему Белорусский штаб партизанского движения под руководством второго секретаря ЦК КПБ Петра Калинина. Они олицетворяли партийно-советский элемент на оккупированной территории. Опираясь на местный актив, они «поднимали на борьбу» гражданское население.

Наркомат госбезопасности СССР во главе с Лаврентием Берией и наркомат госбезопасности БССР (шеф – Лаврентий Цанава) делали ставку на диверсионно-разведывательные группы (ДРГ) профессионалов-чекистов. В СССР их тоже называли партизанами, хотя по сути дела они являлись бойцами специального назначения. Кроме того, в тылу врага действовали еще и подпольные комсомольские организации, а также армейские ДРГ.

Вот все они и отчитывались: секретари подпольных райкомов партии и комсомола, командиры спецотрядов НКГБ, диверсионно-разведывательных групп Генштаба Красной Армии. Кто же из них имел больше «прав» на Крыловича?

На этот вопрос был найден следующий ответ: чьи мины – тому партизанскому начальнику и записать диверсию. Но это было бы правильным, если бы вместе с минами Федор получил и конкретное задание. А таковое отсутствовало, имелось лишь общее указание «совершать диверсии».

В результате сварливой дележки результатов операции «для истории» была предложена следующая схема: а) Крылович получил мины от чекистов; б) при посредничестве комсомола; в) под общим партийно-советским руководством.

Такая формулировка в принципе устраивала всех. Соответственно, «в зачет» осиповичской диверсии в начале 1944 года звания Героев Советского Со-

Tag Uhrzeit und Art der Unterkunft	Darstellung der Ereignisse (Dabei wichtig: Beurteilung der Lage (Feind- und eigene), Eingangs- u. Abgangs-Zeiten von Meldungen und Befehlen)	Wetterlage*) Gesundheitszustand Ersatz Munitionsverbrauch**
.7.1943	4 Tigern. Munition liegt im ganzen Ort verstreut. Feuerwerker sind dringend angefordert zur Beseitigung der herumliegenden Granaten. Die Strecke ist befahrbar.	
7.1943	Insgesamt 7, zum Teile schwere Gefechte mit Banditen. Dabei 15 Banditen erschossen, 11 gefangen, 5 Verdächtige festgenommen. 5 Straßenverminungen, 2 Gleissprengungen, 5 ausgebaute Minen. Südostw. Osipowitschi wurde Zug zweimal mit Panzerbüchse und MG beschossen ohne Schaden beschossen. In Osipowitschi ist 1 Feuerwerker aus Minsk eingetroffen. Ein weiterer ist aus Mogilew unterwegs. Nach Angaben der F.K.550 betragen die Veflusts bisher 3 – 4 Soldaten tot, 27 Soldaten verwundet, 6 Eisenbahner verwundet. Zehntagesbericht siehe Anlage 102. Bis hier hin geführt und übergeben: Obl. u. stellv. OI	Sonnenschein

Страница из немецкого документа с записью о диверсии в Осиповичах

юза получили трое руководящих товарищей из разных партизанских ведомств: А.М. Рабцевич, В.И. Ливенцев и Н.Ф. Королев.

Справка: Рабцевич Александр Маркович (1898–1961), на службе в царской армии в 1916–17, в Красной армии в 1918–1924, в 1920 окончим школу комсостава РККА. В 1921–24 командовал диверсионно-террористической группой в Западной Беларуси. В 1936–39 был инструктором и командиром диверсантов в Испании. С июля 1941 командир роты отдельной м/с бригады. С июля 1942 командир диверсионного спецотряда НКВД «Храбрецы». По официальным данным, отряд за два года осуществил на территории 14 районов БССР 218 диверсий. В 1945–52 на службе в органах МГБ БССР.

Ливенцев Виктор Ильич (1918–после 1997) окончил в 1941 Гродненское военно-политическое училище. В августе – ноябре 1941 один из руководителей подполья в Бобруйске. С ноября 1941 командир партизанского отряда, с февраля 1943 – командир 1-й Бобруйской партизанской бригады. В 1944–50 на руководящей работе в ЦК комсомола БССР. В 1958–78 на руководящей работе в Комитете по ФиС при Совмине БССР. В 1978–86 управделами ЦК КПБ.

Королев Николай Филиппович (1906–1972), родом из деревни в Осиповичском районе. Образование начальное. С 1930 рабочий, затем председатель колхоза. С 1937 зам. председателя, потом председатель Осиповичского райисполкома. В партии с 1939. С июля 1941 командир партизанской группы, отряда, бригады в Могилевской области. В июле 1943 – марте 1944 командир соединения, генерал-майор. После войны на советско-партийной работе в Могилеве и Могилевской области.

Но почему в советской военной истории были затушеваны и автор взрыва и сама «диверсия века»? Видимо потому, что диверсия Крыловича оказалась по-

хожей на знаменитое «ленинское бревно на субботнике» – в том смысле, что очень многим хотелось иметь к ней отношение.

В фундаментальном труде «История второй мировой войны 1939–1945» (Москва, 1976, том 7, с. 314) сказано:

> «...в ночь на 30 июля комсомолец-подпольщик Федор Крылович из оперативной группы „Храбрецы" совершил на Могилевском железнодорожном узле крупную диверсию».

Авторы статьи явно что-то недослышали и потому напутали. Диверсия была совершена не в Могилеве, а в так называемом Могилевском (он же Северный) вагонном парке станции Осиповичи. Для примера: Киевский вокзал находится в Москве. А главное, Крылович никогда не входил в спецотряд «Храбрецы»... Но ветераны-чекисты пользовались большим влиянием в Институте военной истории Минобороны и сумели провести свою линию.

Кроме того, кому «было положено» – те награды уже получили. Еще и поэтому определение «крупнейшая диверсия времен Второй мировой войны» руководящие товарищи сочли неуместным. Стали называть ее просто «значительной операцией» – одной из многих. Кто ее автор и чем награжден? Какая разница! Общеизвестно, что Победу ковали массы под мудрым руководством коммунистической партии и лично товарища Сталина...

Было даже сказано о том, что «крыловичей у нас много», и что вообще диверсантская удача – как у фотографа. Человек случайно оказался в нужное время в нужном месте и просто нажал кнопку. Правда, никто не задал публично элементарного вопроса: почему в нужном месте каждый раз оказывался именно Крылович, а не те «товарищи», которые руководили партизанским движением из просторных уютных землянок, обшитых парашютным шелком? И не мог задать без вреда для собственного здоровья. Ведь суть советской идеологии сводилась к идее, что отдельный человек – ничто. А «руководящая и направляющая сила» – это все!

Взгляните на старую любительскую фотографию. На ее обратной стороне надпись:

> *«День победы 9-е мая 48 г. Осиповичи, стадион „Локомотив".*
> *На память племянникам от дяди Феди».*

Девушка рядом с «дядей Федей» нас не волнует, нам интересен только он сам. «Дяде» на карточке всего лишь 32 года, но это не просто подпольщик Федор Андреевич Крылович. Это супердиверсант. Он самостоятельно осуществил одну из крупнейших диверсий всей Второй мировой войны. В результате ее были уничтожены сразу 4 эшелона с боеприпасами и техникой – свыше 100 вагонов, цистерн и платформ с грузом. И это не партизанская байка, не выдумка из липового отчета подпольного райкома. Диверсию подтверждают немецкие документы.

Тогда почему на фотографии, сделанной через три года после Победы, китель подпольщика не украшен цветным металлом от воротника до нижней пуговицы? Ни единой награды – ни ордена, ни медали. А потому, что не было их у Федора Крыловича!

И вот представьте себе тот праздничный день в Осиповичах. Народ собрался на стадионе и возле него. Полощутся флаги, играет духовой оркестр. Фронтовики толпятся у киосков с пивом. Вспоминают боевые эпизоды. А Федор здесь словно чужой. Здоровый мужик, а не похоже, что воевал. То ли бывший заключенный, то ли из тех, кто в эвакуации «оборонял Ташкент».

Вот почему в его взгляде чувствуется безмерная тоска...

В интервью журналу «Смена» (№ 20, 1970 г.) бывший начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Пономаренко сказал:

> «Если бы речь шла о самой выдающейся операции, совершенной одним человеком, я бы, не задумываясь, ответил: уничтожение четырех военных эшелонов на станции Осиповичи в июле 1943. Их взорвал комсомолец Федор Крылович»...

Федор Крылович с родственницей (9 мая 1948 г.)

Хорошо это было ему говорить спустя 25 лет после войны, тогда, когда сам герой уже 11 лет лежал в могиле. Но бывший партизанский руководитель и послевоенный глава партии и правительства БССР так и не сказал, почему орден Ленина был вручен Крыловичу только в 1949 году. Кто виноват, что долгие шесть лет он переживал горькую обиду?

В этой связи упомянем один любопытный момент. Украинские партизаны – в отличие от беларуских – делали ставку на подрыв не рельсов (которые немецкие техники быстро восстанавливали), а паровозов и железнодорожных составов. Такая тактика давала гораздо более весомые результаты. Ведь массовый подрыв рельсов, в том числе на второстепенных участках, привел к распылению сил и средств, а в итоге – к снижению количества крушений поездов. Кроме того, если бы партизаны рвали не рельсы, а поезда и паровозы, советским войскам при освобождении Беларуси достались бы железнодорожные пути в целости и сохранности.

Так вот, диверсия Крыловича явилась веским аргументом против теории Пономаренко, которого поддержал сам «гениальный вождь и учитель». Какие уж тут награды исполнителю?

* * *

Помимо всего прочего, власть имущие объясняли «безгеройность» Крыловича его «низким моральным обликом». Мол, в послевоенные годы он пьянствовал. Оттого, мол, и жизнь свою окончил до срока – в 43 года... Однако такие суждения суть извращение правды.

Люди, жившие рядом с Федором Андреевичем, подтверждают: да, выпивал бывший подпольщик и партизан. Но почему?

Во-первых, чтобы унять скрытую обиду. Соседи возвращались с войны, увешанные орденами и медалями, а у него, героически боровшегося с врагом все военные годы, – ничего. Поневоле запьешь.

Во-вторых, Федор Андреевич пришел из партизан раненным и контуженным. Постоянно открывались раны от пуль и осколков. Но более всего мучили последствия контузий. Это спазмы сосудов, дикие головные боли. А в спецсанатории Крыловича никто не отправлял, обезболивающих препаратов ему тоже не выдавали. Оттого и лекарство у него было свое, народное – водка.

Но уж, во всяком случае, человеческого облика он не терял. Обратимся к документу, а именно, к официальной характеристике:

Производственная характеристика

Крылович Ф.А. работает электромонтером с сентября 1945 г., а позже за хорошую работу переведен в старшие электромонтеры. За период работы на электростанции т. Крылович Ф.А. все задания выполнял и перевыполнял. Является лунинцем (так в честь инициатора почина называли участников движения передовиков-железнодорожников, аналогичного стахановскому. – *Авт.*). За хорошую работу на транспорте получал благодарности от руководства отделения паровозного хозяйства.

За перевыполнение производственных заданий отмечался прессой. Так, «Железнодорожник Белоруссии» отмечал стахановский почин т. Крыловича на электростанции. Также областная газета «За Советскую Родину» отмечала стахановско-лунинские методы работы т. Крыловича.

Крылович Ф.А. является профоргом участка электростанции. Активно участвует в общественно-политической жизни электростанции и паровозного хозяйства.

Решением Райпрофсожа т. Крылович Ф.А. занесен на Доску почета имени 4-й Сталинской пятилетки к годовщине Великой Октябрьской революции.

Начальник электростанции
ст. Осиповичи Бел. ж.д.
техник-лейтенант тяги
Крицук.

Федор Крылович (слева) с товарищем по работе

Документ датирован 1948-м годом. Разве горький пьяница, каким хотели представить Крыловича, мог заслужить такую характеристику? Так что аморальность Крыловича придумана. Просто кое-кому хотелось оправдать тот вопиющий факт, что истинный герой прошедшей войны официально героем не признан. Вместо

него героями признаны «руководящие товарищи». Что ж, это одна из самых устойчивых советских традиций: генералам звезды, льготы и спецполиклиники, рядовым солдатам медали, почетные грамоты и очереди в винно-водочные отделы.

* * *

О Федоре Крыловиче настойчиво напоминали современникам оставшиеся в живых после войны партизаны и подпольщики. Историк Алексей Литвин посвятил его подвигу несколько статей. Но воз и ныне там. Федор Крылович даже посмертно не удостоен звания Героя, память о нем запечатлена лишь в названии одной из улиц Минска.

Даже когда наша страна в 2005 году в невиданных ранее масштабах отмечала 60-летие Великой Победы, Федора Андреевича мало кто вспомнил.

Всякое общество нуждается в том, чтобы историческая справедливость обязательно была восстановлена. Когда история все расставляет по своим местам и воздает каждому по заслугам, это означает, что люди, продолжающие эту историю, будут справедливы и по отношению к современникам.

После войны прошло уже 65 лет. Республика Беларусь вступила в 20-й год своей независимости от Москвы. Давно пора избавиться в отечественных исторических публикациях от лицемерных выражений типа «один из организаторов подполья». При такой «проводке» личности подвиг Крыловича измеряют по шкале ценностей бюрократов-аппаратчиков. Ну, а поскольку как «организатор» он действительно один из многих, то и внимания ему — на десять строк. Однако «Диверсия Крыловича» — это вполне самостоятельный символ героизма и воинской славы. Как «Триста Спартанцев», как «Таран Талалихина». Пора нам научиться достойно распоряжаться отечественным достоянием. Для начала заменить на здании станции в Осиповичах убогую мемориальную доску.

В акции Федора Крыловича просматривается и знаковая сущность. Страшный по своим физическим характеристикам взрыв не повлек гибель людских масс. Наш герой обрубил одно из механических щупалец военной машины врага. Только лишь механическое. Супердиверсант, но не суперубийца. А это уже символ национального беларуского характера.

Могила Ф.А. Крыловича

ХЛОПЦЫ ПРОТИВ «ГЛУШИЛКИ»

Максим Петров

ОТ АВТОРА

Основная часть моей жизни (47 лет) пришлась на эпоху «простого», а затем «развитого» социализма. То есть на то время, когда КПСС, сама себя называвшая «умом, честью и совестью» нашей эпохи, «торжественно обещала» построить коммунизм в СССР «в основном» к 1980 году. Но все мы видели, что наша жизнь очень сильно отличается от того, о чем говорило советское радио, писали советские газеты, что показывало советское телевидение.

Только передачи зарубежных радиостанций помогали узнать то, о чем молчали советские СМИ. Они рассказывали о проблемах нашей реальной жизни. Однако качество приема в Минске и других больших городах было плохим, потому что эти передачи власти «глушили» с помощью специальных станций радиопомех. Пытаясь сквозь шум разобрать слова зарубежных дикторов, немало крепких слов адресовали слушатели тем, кто устраивал эти помехи.

Но кое-кто не ограничивался только словами. Трое беларуских хлопцев – Сергей, Виктор и Георгий – планировали вывести из строя ненавистную глушилку. В 1963 году они решили взорвать вышку специальной радиостанции № 3, находившейся на перекрестке Ленинского проспекта и улицы Долгобродской (ныне – проспект Независимости и улица Козлова).

«ДЖАЗ КГБ»

Вещание «вражеских голосов» на СССР началось одновременно с «холодной войной». Би-Би-Си, «Голос Америки», «Свободу», «Французское радио», «Немецкую волну» слушали и обсуждали миллионы жителей СССР – владельцев приемников с коротким диапазоном волн*.

Станции вещали на русском и национальных языках. В январе 1950 года в БССР впервые приняли радио «Ватикан» на беларуском языке. Пятнадцать лет, начиная с 1950 года, в БССР слушали Испанское Национальное Радио. Оно было создано по приказу Франко специально для антикоммунистической пропаганды в странах Восточной Европы. Беларуская редакция радио «Освобождение», позже переименованного в «Свободу», выходила в эфир с 20 мая 1954 года.

Радиостанция «Свобода» имела наибольший объем вещания. Созданная Американским комитетом освобождения от большевизма, она быстро приобрела популярность. Эксперты КГБ считали ее наиболее опасной. Но услышать ее было непросто: «Свобода» вещала в диапазонах 13, 16 и 19 метров, тогда как общесоюзный стандарт 1951 года для радиоприемников установил предел воспринимаемых диапазонов с 25 метров.

* Би-Би-Си – аббревиатура британской радиостанции British Broadcasting Corporation (BBC).

Еще 19 апреля 1949 года Совет министров СССР поручил Министерству связи организовать глушение зарубежных радиостанций, ведущих антисоветское вещание на СССР. К выполнению правительственного задания связисты подошли ответственно: по оценкам западных экспертов, в стране ежегодно тратили сотни миллионов долларов на радиоподавление.

Глушение представляло собой обычное радиовещание с той разницей, что вместо музыки и текстов станции передавали в эфир электронный шум, продуцируемый специальными генераторами. Шум транслировался на частоте запрещенных радиостанций, и вместо сообщений советские граждане слышали «джаз КГБ» – гул, свист и треск. По такому принципу в Минске работали две радиовышки в районе пересечения проспекта Сталина с улицей Долгобродской (специальная радиостанция № 3)*.

Существовали и другие способы «забивки» сигнала, например, вещание на частоте западной радиостанции отечественной передачи или музыки. В БССР на частоте «Голоса Америки» можно было услышать станцию «Маяк», а иногда в качестве помехи использовали музыку ансамбля Beatles.

С конца 70-х годов «джаз» изменил звучание: шум генераторов заменили «речеподобным сигналом». Так назвали монтаж коротких (по 0,5–5 сек.) произвольно перемешанных фрагментов мужских и женских голосов дикторов Всесоюзного радио. Его звучание напоминало громкое невнятное бормотание или рокот толпы. По сравнению с монотонным ревом глушилок «речеподобный сигнал» сильнее раздражал слушателей и не поддавался фильтровке.

Но 100-процентного глушения все равно нельзя было добиться. Помогали и западные радиостанции: выпуски новостей длились по часу и повторялись 6–8 раз в сутки. Западные радиоинженеры меняли частоту прямо во время передач, делали паузы в начале каждого часа, пытаясь создать у советских специалистов мнение, что данная частота не используется.

Непросто было купить и радиоприемник, способный принимать короткие волны: в магазинах это был редкий товар. Приемники «Минск» 1946 года выпуска и «Беларусь» 1950 года принимали сигнал на волне 19 метров, но их было немного.

В 1984 году ЦК КПСС и Совмин СССР издали совместное постановление о полном прекращении в XII пятилетке выпуска массовых радиоприемников с диапазоном коротких волн. Альтернативой для советских граждан должно было стать проводное вещание – проект дорогой и заведомо убыточный.

Но поздно они спохватились. В сентябре 1986 года, отметив, что мощностей для эффективного радиоподавления не хватает даже в крупных городах, секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев и председатель КГБ СССР Чебриков предложили не глушить «Голос Америки» и Би-Би-Си в обмен на более жесткое подавление сигнала радиостанций «Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна» и «Голос Израиля».

А затем министр связи СССР издал приказ № 38с («с» – значит «секретный») «О прекращении с 30 ноября 1988 г. глушения зарубежных р/с, ведущих вещание на Советский Союз».

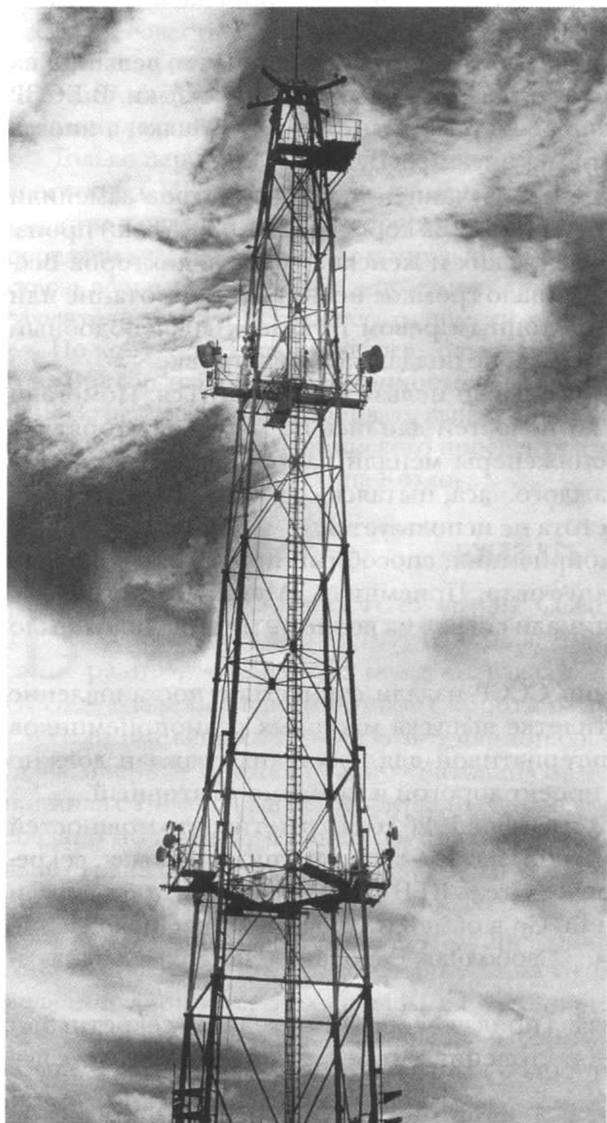
---

* Одна из вышек сохранилась, ныне она используется в системе мобильной телефонной связи.

«Главный подрывник»

«Ханженков Сергей Николаевич – организатор и руководитель молодежной антисоветской организации, которая действовала в Минске в 1962–1963 гг., сын репрессированного в 1935 году студента Московского института инженеров транспорта. Воспитывался в антисоветском духе. Как вспоминал сам С. Ханженков, он с детства понимал, кто главный виновник всех несчастий...

В 1955 году семье Ханженковых было разрешено покинуть Колыму, и вскоре она переехала в Минск, где отец Ханженкова нашел работу по специальности (инженера-автодорожника). С 1959 года студент политехнического института.

Вышка-глушилка в Минске

По данным следствия установлено, что с 1958 года С. Ханженков, систематически слушая по приемнику антисоветские передачи зарубежных радиостанций, попал под влияние буржуазной идеологии и весной 1962 года с помощью В. Храповицкого и Г. Серегина создал антисоветскую организацию. Группа добыла шрифт для печатания листовок и взрывчатку, чтобы подорвать в Минске радиоглушитель. 27 мая 1963 года Ханженков и его друзья арестованы. Вскоре он понял, что в КГБ знают все об их организации. Осведомителем и провокатором оказался школьный товарищ. В октябре 1963 года Ханженков был осужден за «попытку совершить диверсию» и «антисоветскую пропаганду» на 10 лет ИТК.

Этапирован в Дубровенский лагерь (Мордовская АССР). В разное время отбывал наказание вместе с известными диссидентами Галансковым, Гинзбургом, Даниэлем, Кузнецовым, Марченко, Синявским. Освобожден в 1973 году.

В интервью агентству «Associated Press» и газете «Le Monde» А.И. Солженицын сказал: «Вспоминается судьба Сер-

гея Ханженкова, который отсидел за попытку, или даже за намерение взорвать глушитель в Минске. А исходя из общечеловеческой заботы нельзя понять этого “преступника” иначе, чем борца за общий мир».

После освобождения вернулся в Минск. Работал инженером в Беларуском государственном институте проектирования дорог, затем на заводе имени Кирова. С 2002 года на пенсии. Не реабилитирован, и никогда этого не добивался».

(Л. Моряков. «Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі 1794—1991 гг.», с. 394—396).

«АНТИСОВЕТЧИКОМ Я БЫЛ С РОЖДЕНИЯ»

Старенький приемник «Минск-55» по размерам превосходит современный средний телевизор. Сегодня это антиквариат, способный украсить квартиру. А в прошлом ему были доступны многие зарубежные радиостанции. Именно «Минск-55» стоял в квартире Ханженковых. Советские передачи здесь не слушали: глава семьи Николай Ханженков приехал в Минск с Колымы, где отбывал срок по политической статье: готовя лозунги к годовщине Октябрьской революции в 1935 году, он «неправильно» выполнил задание комитета комсомола. Лозунг «Пусть дух интернационализма витает над нами» посчитали вредным, его исполнителя признали идеалистом и на 6 лет отправили на Колыму. Там он встретил будущую жену, отец которой был осужден за эсеровское прошлое.

Сергей Ханженков вспоминает:

«Я родился на Колыме, поэтому первые детские впечатления – лагеря, вышки, колючая проволока и заключенные. Можно сказать, антисоветчиком я был с рождения. Меня не агитировали: многое было понятно и без слов».

Из радио в лагере были только тарелки-громкоговорители, передававшие жизнерадостные марши и политические новости СССР. Первые зарубежные передачи Ханженковы услышали, вернувшись в Минск. Правда, не сразу.

«Полгода мы снимали комнату во дворе того самого перекрестка, где стояла радиостанция № 3. Название секретного объекта было первым, что я услышал от квартирной хозяйки. Мое внимание привлекли красные лампочки на вышке за окном, и она пренебрежительно махнула рукой в их сторону: «Это глушитель». Очень скоро я познакомился с его работой: слушать радио в комнате было невозможно».

Вскоре семья переехала в квартиру по улице Пулихова. Ирония судьбы: беларуский диссидент, планировавший подрыв радиостанции, жил на улице, названной в честь бомбиста*. Тогда и был куплен приемник с коротковолновым диапазоном. Сравнивать новости с публикациями в советских газетах оказалось делом увлекательным. Будучи еще школьником, Сергей вел конспект передач, отмечая наиболее важное из услышанного.

---

* Иван Пулихов (1879–1906) – бывший студент, боевик партии социалистов-революционеров. Вместе с Александрой Измайлович 14 (27) января 1906 года осуществил покушение на минского губернатора генерала Павла Курлова и полицмейстера Д. Норова. Был схвачен на месте преступления и через два месяца повешен в Минске по приговору военного суда. Тот же суд приговорил А. Измайлович (1878–1941) к пожизненным каторжным работам.

«После ареста конспект изъяли сотрудники КГБ и сравнивали записи со своими. Оказалось, что силовая структура тщательно отслеживала все зарубежные передачи. Говорят, советские спецслужбы и радиоинженеры, которые могли собрать приемник, слушали «чистое» радио, пользуясь частотами, которые не глушили».

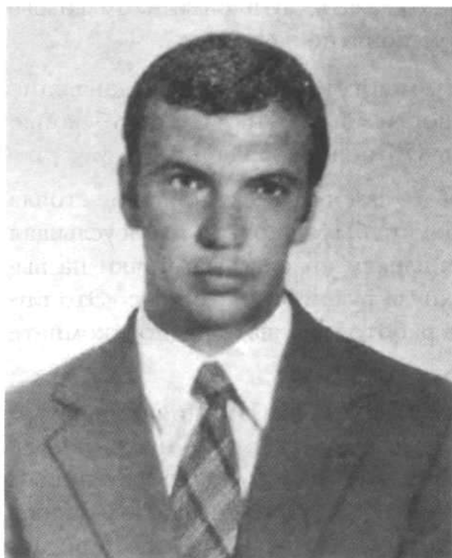
О рейтингах передач речь не шла: слушали все, что удавалось найти.

«Минут 15 надо было крутить ручку, чтобы отчетливо различить голос. Бывало, глушение почти не мешало – то ли мощностей не хватало, то ли техники спали. Достаточно было провести у радио час, который длилась передача, и ты узнавал много нового. Но иногда помехи были сильные».

«ХОТЕЛОСЬ ВСТРЯХНУТЬ СПОКОЙНУЮ ЖИЗНЬ»

Середина 50-х – 60-х гг. в СССР – время хрущевской «оттепели».

«Жить было свободно, а антисоветские разговоры вели даже в школах. Сталинские времена, когда разговоры на кухне «глушили» включенной водой, прошли. И все же гражданам БССР не хватало какого-то толчка, у нас не было сопротивления, как, скажем, в Москве или Ленинграде. «Акадэмічны асяродак» обсуждал вопросы возрождения языка и культуры – и только. А в это время знаменитые «шестидесятники» декламировали стихи у памятника Маяковскому в Москве, пытались бороться с режимом. У нас обсуждение западных передач уже считалось чем-то выдающимся».

Сергей Ханженков в 1973 г.

Окончив среднюю школу № 49, Ханженков поступил в политехнический институт. Обсуждение зарубежных радиопередач он продолжил и здесь. Показалось, что можно изменить жизнь в республике – стоит лишь привлечь внимание серьезным поступком.

«Тогда я и вспомнил о глушителе – символе советской эпохи. Его уничтожение заметили бы все. Разумеется, о том, что помехи в радиопередачах навсегда исчезнут, я даже не думал. Хотелось встряхнуть спокойную жизнь в БССР. Сам по себе взрыв – это было мальчишество. Но он мог решить многое».

К Ханженкову присоединились однокурсники Виктор Храповицкий и Георгий Серегин. У последнего было уголовное прошлое: в 1949 году Серегин отбыл лагерный срок за кражу лесоматериалов. Позже на суде Ханженков отметил:

«Я увидел, что у нас общие политические взгляды, что он настроен по-боевому и готов бороться против несправедливости».

В институте Ханженков изучал подрывное дело, поэтому смог рассчитать, сколько понадобится взрывчатки. Позже его преподаватель, вызванный свидетелем в суд, подтвердил правильность расчетов. Забравшись на территорию радиостанции, Ханженков измерил основание радиовышки. Как отметили следователи КГБ, был составлен «схематический и масштабный план расположения объектов радиостанции и окружающих ее строений», рассчитано «количество взрывчатого вещества, необходимого для подрыва радиостанции».

Съездив в деревню, где когда-то бывал Храповицкий, молодые люди нашли три артиллерийских снаряда и две минометные мины – источники взрывчатки. Их разобрали по домам. Взрывчатое вещество планировали заложить под одну из опор – так, чтобы место падения башни пришлось не на жилой дом, а на близлежащий пустырь.

Как отмечено в приговоре, «одновременно с подрывом радиостанции... Серегин, Храповицкий и Ханженков готовились к распространению антисоветских листовок». Первоначально для этой цели планировалось использовать печатную машинку, однако Ханженков неожиданно увидел у младшего брата типографские литеры. В стране, где каждая пишущая машинка была под неусыпным контролем милиции, а образцы отпечатков собирались в обязательном порядке, использованный типографский материал выбрасывали в ближайший мусорный контейнер. Бросовый материал пригодился для серьезного дела. Удалось собрать 5,84 кг типографского шрифта. Ханженков планировал напечатать листовку с обращением к соотечественникам.

> «Текста не существовало даже в черновом варианте, но было понятно, что в нем будет сказано: глушитель – символ советской власти, от которой надо избавиться. Я планировал рассказать, что в БССР существуют организации, которые способны с этим бороться. Но не успел».

Начинающих подрывников и пропагандистов «сдал» предатель.

ПРЕДАТЕЛЬ

Удивительно, что с доносом в КГБ обратился только один человек: ведь Ханженков никогда не скрывал своих взглядов, дискутируя на «запрещенные темы» со многими. Круг знакомых разделял опасные идеи. Не исключено, что тайная группа со временем стала бы более многочисленной.

«Сдал» свой – друг детства, курсант военного училища Валерий К. Он был четвертым членом группы, предлагал много интересных идей. Позже выяснилось, что все они принадлежали сотрудникам КГБ, пытавшимся дополнить уголовное дело «острыми» эпизодами. Например, К. предлагал связаться с иностранцами.

> «Он подал идею остановить на трассе Минск-Москва машину с зарубежными номерами, подсесть, рассказать о себе и что-либо передать. Это было глупо, и я отказался. Затем он предложил достать оружие – чтобы отстреливаться, когда будем убегать после взрыва. Эта идея показалась интересной – каждому мальчишке хочется иметь оружие. Воинская часть К. находилась в Риге. Собирались уже поехать, как вдруг К. дал отбой: белорусский КГБ не захотел делиться “достижениями” с латвийскими коллегами».

Однако последнее предложение К. все же было принято. Стоял май, в институте начиналась летняя практика. Чекисты решили не затягивать дело до осени: К. вызвался извлечь порох. 27 мая Ханженков положил один из снарядов в чемоданчик и на автобусе повез за город – в условленное место. Дальше – как в советском детективе: к нему подсел некий человек, представился милиционером и сказал, что в городе украли «точно такой же чемоданчик». Незнакомец предложил проехать в отделение милиции. Снаряд обнаружили, на Ханженкова надели наручники. В тот же день в «американку» привезли Храповицкого. Серегина задержали 28 мая.

> «В деле нет доноса К., поэтому о его предательстве мы догадались в колонии. Серегин и Храповицкий объяснили, что если из четверых на зону попадают трое, значит, один – предатель. Но на суде я радовался, что К. по каким-то причинам удалось избежать наказания – он проходил свидетелем».

ЗАКРЫТЫЙ СУД

«Антисоветская группа» в Минске стала подарком КГБ БССР, дала возможность показать, что комитетчики не зря «едят свой хлеб». Попытка взрыва радиостанции по политическим мотивам – такого в республике еще не было.

> «Следователи были первыми людьми, которые назвали меня по имени-отчеству. Чекисты всеми силами пытались подчеркнуть, что они – новое поколение, не бериевцы. После XX съезда силовые структуры с особой мягкостью относились к «политическим». Обычно допросы выглядели как душевный разговор следователя и обвиняемого, в чем-то со мной даже соглашались. Но к концу дня предлагали подписать протокол».

Студент четвертого курса Ханженков не скрывал своих взглядов:

> «Я рассказал все, что думаю, старался только отвести от возможного удара близких. Особенно сильно волновался за родителей: следствие не исключало возможности привлечения их в качестве обвиняемых. Но все обошлось, до суда дошли втроем».

Верховный суд рассмотрел дело за шесть дней. Процесс мог бы стать очень громким, если бы сограждане обвиняемых знали о нем хоть что-то. Но сообщать о существовании «антисоветчиков» в БССР не решились даже в назидательных целях. Разбирательства шли в закрытом заседании.

7 октября 1963 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР огласила приговор. Сегодня этот документ существует только в уголовном деле – по свидетельству Ханженкова, его не вручали обвиняемым. Но в колонии у него появилась возможность читать личное дело, где был приговор, и делать выписки. После возвращения он оформил документ на печатной машинке. В приговоре было сказано, что Ханженков, Серегин и Храповицкий

> «создали антисоветскую организацию и, являясь ее участниками, вели подготовку к осуществлению диверсионного акта, чем совершили преступления, предусмотренные ст. ст. 69 и 65 УК БССР. Они же виновны в организационной

деятельности с целью изготовления и распространения антисоветских листовок и подготовке к совершению этого преступления. Эти действия подсудимых должны быть квалифицированы по ст. ст. 69 и 67 ч. 1. УК БССР».

Наказание – 10 лет колонии Ханженкову и Серегину, 8 лет – Храповицкому, для всех – строгий режим и конфискация имущества. С несостоявшихся подрывников взыскали также судебные издержки на общую сумму 194 рубля.

Сергей Ханженков провел в 7-й зоне лагеря поселка Сосновка все 10 лет, т.к. в отличие от своих «подельников» не стал каяться и просить о помиловании. В 31 год вышел на свободу, получив при освобождении 700 рублей, заработанных в процессе «исправления трудом». Женился, вырастил дочь. Около 10 лет работал инженером в проектном институте «Белгипродор», затем устроился на завод имени Кирова. Увлекался походами по рекам на байдарках.

Сейчас он на пенсии. В числе увлечений – чтение книг. Радио осталось в прошлом, т.к. «сегодня много интересной информации можно получить с помощью книг, телевидения и Интернета».

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ «ПОДРЫВНИК — 2»

Студент Храповицкий

В том же справочнике Л.Н. Морякова на страницах 407–408 читаем:

«Храповицкий Виктор Иванович (г. р. 1937). С 1959 года студент Белорусского политехнического института. По данным следствия, весной 1962 года по инициативе С. Ханженкова вместе с Г. Серегиным вошел в состав антисоветской группы, которая имела проект программы и Устава. Группа добыла типографский шрифт для печатания листовок, оружие и взрывчатку с целью подрыва в Минске радиоглушителя.

Осужден по статье «Антисоветская агитация и пропаганда» на 8 лет ИТК. Этапирован в Дубровенский концлагерь МВД Мордовской АССР. После подачи заявления о помиловании срок заключения был сокращен до 5 лет».

Виктор Храповицкий в молодости

Отца Виктора звали Иван Николаевич, мать – Мария Николаевна. Они дали жизнь пятерым детям. Семья жила в Глубоком на Белостокской улице, которую потом переименовали в Низкую, теперь это улица Гагарина.

Семья была дружной и работящей. Во время Великой Отечественной войны дом сгорел, жить пришлось в погребе. После войны Иван Николаевич умер, вскоре ушла за ним и мать. Все заботы о младших детях легли на плечи старшей сестры Сони. Молодая привлекательная девушка

пожертвовала собой ради того, чтобы вывести «в люди» младших братьев и сестер. Ей было некогда обзавестись семьей. На месте сгоревшего родительского дома Софья Ивановна сумела построить новый, где живет и сейчас.

Виктор родился 10 июня 1937 года. Старшая сестра вспоминает, что он был очень способным. Когда пошел в первый класс, уже умел читать и писать. После окончания школы служил на Балтийском флоте радистом. Видимо, именно тогда он впервые услышал голоса зарубежных радиостанций*.

После демобилизации поступил в Минский политехнический институт. Там познакомился с Ниной и на третьем курсе вступил с ней в брак.

В.И. Храповицкий с женой и детьми

Вскоре Виктор познакомился с Сергеем Ханженковым, студентом того же института. Хлопцы решили бороться с социалистической идеологией. Чтобы наладить выпуск листовок, раздобыли рассыпной шрифт. Были и другие планы. Но в группе оказался предатель, который «сдал» всех в КГБ.

Виктор вел дневник, но о конкретных делах группы ничего не писал. Только последняя запись, датированная 17 мая 1963 года, свидетельствует о том, что он ощущал опасность. Утром того дня арестовали Сергея Ханженкова, затем Виктора, а на следующий день Георгия Серегина. Следствие тянулось долго. Все трое отбывали срок в Мордовской АССР.

Тогда среди осужденных было много неграмотных, поэтому в лагере работала вечерняя школа. Поскольку Виктор окончил 4 курса института, его назначили учителем физики и математики. Потом он работал в лагерной библиотеке и много занимался самообразованием.

* Когда я в 1963–66 гг. проходил срочную службу в армии, то нередко дежурил по штабу батальона. В каждое такое дежурство я, как и все другие дежурные, по ночам слушал «голоса из-за бугра». Наша часть дислоцировалась в лесу в 20 км от Лепеля, военная радиостанция обеспечивала идеальное качество приема. На кораблях в море и в портах было то же самое. – *Авт.*

Когда арестовали Виктора, Нина ждала второго ребенка. Об аресте мужа она какое-то время ничего не знала. Виктор вдруг бесследно исчез. Все стало понятным тогда, когда его привезли к родителям Нины и не позволили ему говорить с родственниками. «Люди в штатском» перевернули вверх дном весь дом, но не нашли ничего крамольного.

Нине настойчиво советовали отречься от Виктора, но она не изменила своему любимому. Много она пролила слез бессонными ночами, много выдержала издевательств, когда писала в разные инстанции просьбы о помиловании... Шли годы, а она ездила к мужу на долговременные «свидания», как только получала разрешение. Наконец, Виктору «скостили» три года.

Когда он в конце 1968 года вышел на свободу, никто не хотел брать на работу. Помогла встреча с бывшим однокурсником Сашей Субботиным. Виктор с семьей вернулся на родину. Устроился на асфальтовый завод в Шарковщине. Приют нашли сначала у Сони, старшей сестры Виктора.

С завода он перешел бригадиром в передвижную механизированную колонну мелиорации в деревне Шуневцы (недалеко от Глубокого). Здесь же работала укладчицей труб и Нина. В 1969 году у них родился сын Виктор, а через три года — Александр. Вскоре после этого семья получила четырехкомнатную квартиру. Виктор Иванович был ударником труда, не однажды его награждали почетными грамотами и ценными подарками.

О драматических обстоятельствах своей жизни он никогда никому не рассказывал. Никто, кроме Нины Алексеевны, не знал, что его обвиняли в покушении на вышку-глушилку. Сидел он, по мнению родственников, за листовки и сатирические частушки о тогдашнем руководстве государства.

Но прошлое иногда напоминало о себе. Например, дочь Галина мечтала поступить на факультет журналистики Белгосуниверситета, но ей однозначно сказали, что для нее «потолок» высшего образования — пединститут.

Виктор Иванович умер в 1992 году, в возрасте 55 лет. А дети выучились, давно имеют свои семьи. Нина Алексеевна живет у дочери в Крупках.

Из интервью с Ханженковым

Минский журналист Евгений Самсонов дважды встречался и беседовал с «создателем антисоветской организации» и «главным подрывником» Сергеем Николаевичем Ханженковым. Сначала в тубдиспансере (десять лет заключения не прошли бесследно). Потом у него дома. Вот запись этих бесед*.

Что для вас лично послужило толчком, чтобы начать борьбу с социалистической системой?

Мои взгляды формировала действительностью. Я родился в 1942 году на Колыме. Мой отец, будучи студентом 3-го курса Московского института транспорта, в 1935 году получил 5 лет лишения свободы по обвинению в антисоветской агитации. Кстати, во время учебы он был секретарем комсомольской организации факультета. После освобождения ему запретили покидать Колыму.

Кто жил в то время на Колыме? Бывшие «зэки». Дед по линии матери был эсером, сидел на Соловках. В 30-е годы освободился, но потом его снова аресто-

* Журнал «Абажур», 2009, № 3, с. 15–17.

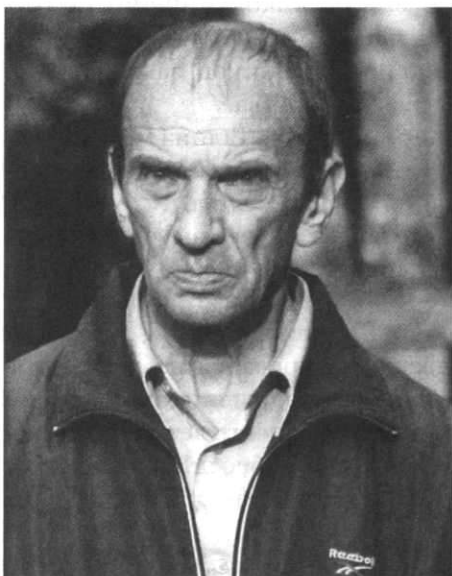
вали и расстреляли. Поэтому в семье была особая атмосфера и я, еще маленький мальчик, воспринимал все это. С десятилетнего возраста начал читать газеты и находил в них много противоречий и бессмыслицы. После того как наша семья переехала в Минск, я также много читал. И быстро уяснил, где правда, а где обман. Слушал зарубежные передачи и убеждался в верности своих взглядов. Поэтому и в школе и в институте умышленно отрекся от комсомола.

Методы вашей борьбы лояльными не назовешь. Подрыв вышки-глушилки мог повлечь человеческие жертвы, да и значительные экономические потери...

По нашим расчетам (подрывное дело мы изучали в институте), никто бы не пострадал. Существует версия, что во время следствия профессор, который рассматривал мои расчеты, отметил, что он бы поставил мне «пятерку»: исходя из места укладки и количества взрывчатки, вышка должна была «лечь», не повредив соседние здания.

С экономической точки зрения, действительно, потери были бы. Ведь на содержание всех вышек-глушилок (в СССР), по некоторым данным, расходовалось количество энергии, равное мощности ДнепроГЭС. Однако в те трудные времена руководство государства шло на это. Акция по уничтожению одной вышки имела чисто пропагандистский характер.

Не жалеете ли Вы о том, что произошло, изменились ли Ваши взгляды за 10 лет заключения?

С.Н. Ханженков в 2008 г.

Никогда ни о чем не жалел. И сейчас считаю, что я действовал в соответствии со своим пониманием действительности. Из лагеря я вышел с уникальным багажом знаний, в частности о переменах в скором будущем. Зона меня укрепила, ибо где еще можно встретить столько умных и интересных людей, живых свидетелей тех событий, которые у нас замалчивались.

Вы были организатором группы, создали проект программы и ее устав?

В группу никто никого не тянул. Каждый пришел к этому сам. А программу и устав разрабатывали совместно.

Что привело к провалу организации?

Мое доверие бывшему школьному другу. Я понял это после ареста. Он должен был быть арестован вместе с нами, а выступал как свидетель. Кроме того, он сделал так, что нас арестовали с вещественными доказательствами.

Встречались ли вы с ним потом, интересовались ли его судьбой?

Не встречался и не интересовался, слышал только, что судьба его была незавидной*.

* К. разорвал все контакты со знакомыми, был исключен из военного училища и спился.

А с друзьями, с кем отбывали наказание?

С Серегиным никогда не виделся, а с Храповицким была встреча, когда он привозил дочь поступать в ВУЗ. Из разговора я понял, что он отошел от политики*.

После освобождения трудно было найти работу?

Нет, тогда было не такое время. Легко устроился по специальности, и не было никаких препятствий.

А со стороны органов надзора?

Тоже преследований не было. Правда, бывали «визиты» на квартиру. Однажды забрали «Архипелаг ГУЛаг». Во время участия в массовых акциях замечал, что нахожусь в поле зрения «людей в штатском», но ни разу не арестовывался.

Как вы считаете, повлияла ли деятельность вашей организации на дальнейший ход политических событий? И чем занимаетесь теперь?

Безусловно, повлияла. Развитие политических событий подтвердило верность наших идей и намерений. Сбылось все, о чем мы говорили в начале 60-х...

Теперь я член организации политических узников. В объединении бывших политзаключенных я вижу некий морально-этический смысл для будущего союза искренних и порядочных людей. Нам есть что рассказать. Правда, сейчас некому слушать: такая жизнь, что не до идей и не до идеологии. Но рано или поздно мы начнем строить цивилизованное общество, и наши знания, наши моральные качества — мужество, самоотверженность, стойкость — будут востребованы.

ПРОГРАММА 47-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Во время обыска в квартире Ханженкова нашли программу организации, которая потом явилась вещественным доказательством на суде.

«Вот уже 45 лет наша страна идет по пути социализма к коммунизму. За эти годы социализм добился создания мощного лагеря, угрожающего всему миру. Великие достижения в технической отрасли имеются благодаря диктаторскому режиму, который выжал все из своего народа и уничтожил несогласных с «генеральной линией».

За счет того же народа обеспечивается всемирная поддержка дружественным социалистическим и несоциалистическим странам с целью пропаганды. Однако еще ни одна из стран, которым мы помогали, не встала на наш путь добровольно. Много средств идет также на содержание огромного партийно-управленческого аппарата. Наше государство представляет собой образец бесхозяйственности, бюрократизма. Следствием всего этого является низкий уровень (жизни — *Авт.*) всего народа, и никакого прогресса в этой области не наблюдается.

У нас полное отсутствие демократической свободы, и поэтому у нас безнаказанно чинится произвол. Уже давно уничтожены не только политические противники существующего порядка, но и люди, которые могли бы ими стать при определенных условиях. Мы имеем право лишь приветствовать решения партии и руководства. Если руководство сочтет необходимым, оно вообще может не со-

* Серегин был старше своих друзей, он 1928 года рождения. Он не являлся студентом, а работал шофером. Сведений о его судьбе после пребывания в лагере найти не удалось. — *Авт.*

общать о своих решениях. Власти заглушают радиопередачи на русском языке из-за границы, запрещают ввоз газет и журналов из капиталистических стран.

В результате всего этого наш строй владеет еще одним мощным недостатком: он беспомощен перед любым авантюристом, которому надо только взять власть в свои руки.

Может быть, люди, лишенные материального благополучия и свободы, верят в идеи марксизма, претендующего на решение всех противоречий и создание идеального общества? Нет! С каждым годом растет безразличие простого человека к этим идеям. Коммунизм опровергается простыми людьми повсеместно, где не видно личной выгоды. Весьма характерной для нашего строя является также незаинтересованность низов тем, что им навязывает верх. Большая часть людей не имеет никаких гражданских целей и стремлений. Вот тогда и проявляется самый главный недостаток строя: он не может дать людям идеи, которые бы вели их вперед. Он превратил человека в обывателя. Он развивает в человеке беспринципность, трусость, слепое подчинение. Исчезли такие понятия как честь, стремление к свободе, к правде. Короче говоря, человек перестал существовать как личность.

Все, о чем говорилось выше, не случайно и не временно, а вытекает из самой сути коммунистического учения и будет существовать, пока существуют страны, которые используют это учение. Поэтому мы хотим уничтожить этот порядок. Мы хотим видеть свободного человека в демократическом обществе. Наша цель – создание буржуазного демократического государства. Страна вошла в лабиринт, оканчивающийся тупиком. Мы предлагаем вернуться, а уже потом двигаться вперед, но не к утопии, а к прогрессу. Мы признаем прогресс, если:

1. Развиваются лучшие качества личности;
2. Улучшается общественный строй;
3. Неуклонно повышается материальное положение людей.

Путь к достижению цели – политический переворот. Здесь перед нами стоят две задачи:

1. Пробудить сознание людей, то есть превратить их пассивный протест в активный.
2. Уберечь себя от властей, а в дальнейшем преодолеть их сопротивление.

Первая задача требует создания организации.

Вторая требует организации вооруженной и на первом этапе строго секретной, учитывая, что у власти большой опыт подавления всякой оппозиции и замечательный аппарат, состоящий из преданных ей людей. Строгая секретность необходима еще и потому, что трудно найти человека, которому можно полностью доверять.

С другой стороны, успех дела зависит от массовости. Поэтому наша ближайшая задача – пробуждение гражданской сознательности людей, но осуществлять это придется путем диверсионных актов, распространения листовок. На втором месте будет стоять террористическая работа. Мы же надеемся, что в результате наших действий в революцию будет втянуто много людей, тогда станет развиваться теория».

VI. НАДО ПРОЧЕСТЬ

ОТ «ТУТЭЙШЫХ» — К ЛЮДЯМ, И ОБРАТНО

Александр Грицанов

АКТУАЛЬНОСТЬ ЗАТЕИ

Вопрос о механизмах трансформации населения в народ, а впоследствии – в нацию представляется сегодня для беларусов намного более важным, нежели может показаться в современный век глобализации. Сохранение собственной национально-государственной идентичности на фоне чудовищного по скорости процесса расслоения обитателей нашей планеты на нации «золотого миллиарда» и тех, кто в среднесрочной перспективе обречен торговать жизненно важными органами собственной молодежи, выглядит проблемой достаточно занимательной и даже волнительной.

Прецедент установления собственных правил игры в наличных условиях международного разделения труда недавно предъявил коммунистический Китай. И заслуга его элиты заключается в том, что она не раскололась (даже в период после смерти Мао Цзэдуна, когда это было проще простого) и сплоченно продолжала квалифицировать китайцев как подлинных людей, как особо благородное человеческое сообщество, располагающее – как минимум – 4-тысячелетней историей. На основании таковой внутренней и внешней политики Китай уже может позволить себе – устами собственного лидера – объяснять США и Европе (а также «до кучи» – России, Индии и прочим), как именно надо себя вести в условиях становящейся все более реальной второй волны глобального кризиса. И осуществляется этот демарш спустя всего каких-то полвека после тотального истребления воробьев на всей доступной территории этой страны в качестве общенациональной идеологической и просветительской кампании, имевшей целью всеобъемлющую общественную дрессуру.

В отличие от природных традиций, в подобных вопросах «размер не имеет особого значения»: сегодня именно существующие тенденции трансформации беларуской ментальности в решающей мере предопределят будущее уже нашей территории – поскольку «государством всерьез» она еще не стала.

Что особенно ценно в книге – это ракурс рассмотрения темы, предложенный автором: «Основой для создания идеального типа (подход немецкого социолога-классика Макса Вебера. – А.Г.) беларуского менталитета и особенностей этничности крестьян XIX – начала XX веков послужили социально-бытовые сказки; исследование беларуско-советского менталитета строится на материале личных писем беларуского советского интеллигента (в тексте книги обозначены как «кейс № 2». – *А.Г.*); анализ современной этничности – на материале интернет-блогов (особенно Живого Журнала)» (с. 9).

Рецензия на книгу Юлии Чернявской «Белорусы: От «тутэйшых» – к нации». (Под общ. ред. А.Е. Тараса). Минск: «ФУАинформ», 2010. – 512 с.

Метод постижения и реконструкции социального объекта через анализ его бытия в повседневности, самодостаточным образом преломляющим этот «объект» в «предмет», реализован весьма удачно и в полном объеме. Синхронное исследование сочетания элементов «публичной исповеди» (полагаю, что «белорусские советские интеллигенты» догадывались о цензурной перлюстрации писем), введенной в моду Жаном-Жаком Руссо, с одной стороны, и демонстрации собственных личных (зачастую и общественных) комплексов неполноценности и сверхкомпенсации, характерных для «ЖЖ», с другой стороны, позволило автору получить на выходе интереснейшие результаты. Даже банальная публикация собственно подборки отобранных фрагментов способна вызвать колоссальный интерес: здесь же все это сопровождено авторскими комментариями, исполненными с терпеливостью главы консилиума у постели смертельно больного пациента и с осторожным тактом подлинного патриота суверенной Беларуси.

ПОЛТОРЫ КНИГИ В ОДНОЙ: «ДВА В ОДНОМ»

Работе предпослано предисловие профессора Анатолия Тараса, известного своей выдающейся способностью доводить главные выводы редактируемого им текста до предела скандально-вменяемой однозначности.

Общий смысл его вступления (с. 3–6) правомерно усматривать в следующем: «...сказочный материал хорошо показывает, до какой степени мужичье трепетало перед панством. Дальше чувства ненависти и жалких попыток элементарного обмана панов крестьяне не смеют идти даже в своем воображении. Физическую расправу с угнетателями творят черти! Далеко не случайно молчаливое большинство нынешних беларусов – вчерашние крестьяне, нынешние горожане в первом или втором поколении – по-прежнему надеются, что вмешается кто-то со стороны и устроит им сапраўднае жыццё. Сами они не смеют» (с. 5).

И – здесь же: «Точно так же в сказках мужики смеются над попами и евреями, то есть над людьми книги... Сегодня мы тоже каждый день видим, как некоторые спрытныя хлопцы творят, что хотят, и успешно набивают свои карманы зеленью, а традиционные беларусы лишь открывают рот в немом изумлении, да еще сжимают кулаки в бессильном гневе. Но сделать ничего не могут. Многовековое презрение к навукам и скубэнтам дорого им обошлось» (с. 5).

Высочайшее совещание по зарубежным инвестициям, проведенное в РБ пару недель назад /в конце февраля 2010 г. – Прим. ред./ и выявившее профессиональную несостоятельность местечкового правительства в этом вопросе, завершилось открытой констатацией первого лица: «Местным здесь не достанется ничего, все будет отдано рачительным иностранцам». Стиль правления Петра Великого, неизменно стремившегося порадеть соплеменникам, явно не впечатлил здешнего владыку. Кого винить? Судя по предисловию А. Тараса, вполне понятно, кого. Не только и не столько действующего президента.

Подчеркивая, что данные квалификации являют собой лишь его персональный взгляд, А. Тарас пишет: «...все эти критические инвективы – сугубо мои. Автор более склонен восхищаться моральными достоинствами мужыкоў, чем видеть какие-то изъяны в их образе» (с. 5).

Тарас, правда, оказался еще более категоричен: «...в условиях научно-технической революции»... тем, «кто ментально застрял на стадии традиционного (крестьянского) общества», «абсолютно ничего не светит. Разумеется, это касается не только беларусов» (с. 5).

Одна из диспозиций издания на этом становится вполне понятной.

НАУЧНЫЕ ИННОВАЦИИ

Автор любой книги, предназначенной для прочтения широким кругом людей, обычно воздерживается от введения и обоснования неких научных инноваций, понятных исключительно узкому кругу специалистов. Тем не менее, даже при довольно строгом соблюдении создателем данного текста установки на занимательность можно оценить некие «изящные» (на первый взгляд) и глубокие находки, содержащиеся в работе. Отметим прямо: ряд сформулированных теоретических позиций может повредить идейно-идеологическую невинность многих отечественных искателей приключений, с упорством — достойным лучшего применения — именующих себя политиками.

Так, заявлено: «В этносе, тем более — в нации (в отличие от рода и племени) фактор культуры преодолевает фактор крови» (с. 16).

При этом «национальная идея... соткана из множества социальных, этнокультурных, политических и других задач, которые необходимо решить здесь и сейчас» (с. 439). В данном случае особенно самоуверенные «гуру» местного розлива, давно стремящиеся узурпировать право говорить от имени интересов всей нации, могут отдыхать. Недопустимо подгонять коллективные архетипы, предрассудки и — пусть даже — заблуждения беларусов (граждан нашей страны) под произвольные представления «особо одаренных» «национальных кадров» об устройстве окружающего мира.

Крайне важен в этом контексте следующий тезис: «Локальная социальная инженерия... не замахивается на все и сразу. Она исправляет... те сегменты действительности, где... появились поломки и прорехи. Так жил наш предок — белорусский крестьянин...» (с. 438). Именно пагубная установка на скорейшее достижение горизонта чуть ли не тотальной беларусизации, слишком рьяно реализуемая в конце 1980-х – начале 1990-х годов, обусловила тот избыточно легкий откат к советскому космополитическому прошлому, который был осуществлен в ходе культурных контрреформ администрации Лукашенко середины 1990-х.

В частности, ввиду неубедительности навязываемых беларускому обществу оценок были без особых напряжений и культурных шоков реанимированы мифы коммунистического прошлого. Автор, прекрасно сознавая это, вопрошает: «Существовала ли восточнославянская общность? Надо думать, существовала — правда, в относительном, а не в абсолютизированном качестве. А вот тождественна ли она пресловутой древнерусской народности — очень большой

вопрос. Этот советский термин – типичнейшая подмена, и научная, и идеологическая» (с. 18).

Венчает архитектонику работы итоговый раздел, где, в частности, дано развернутое авторское определение этноса, сформулированное без использования признаков кровнородственной связи («общего происхождения»), без привлечения параметров /единой/ территории, языка и религии (с. 466). Исполнено это весьма достойно и заслуживает самого пристального внимания.

«ТУДА»: ОТ «ТУТЭЙШЫХ — К НАЦИИ»

Автор вдумчиво и тщательно фиксирует соображения, свидетельствующие как в поддержку, так и в опровержение национально-государственного оптимизма применительно к суверенному будущему нашей страны.

Итак, что нас может обнадеживать?

> «Главным доказательством /возможного оптимизма/ является... /нечто/ – не из области субстрата (плоти и крови), а из сферы духа – самосознания и культуры: мы осознаем себя не русскими, а белорусами» (с. 16).

Хотя не так просто с готовностью отстаивать собственную самостоятельность любой ценой: наших соотечественников издревле характеризует «отсутствие (или весьма слабое развитие) свойственного другим восточно-славянским праэтносам стремления к территориальной экспансии и нежелание покидать пределы своей земли, что подтверждается практически полным отсутствием у прабелорусского населения оригинального богатырско-героического эпоса» (с. 20).

Дискуссионный и перессоривший многих национальных подвижников вопрос о существовании некоей (пра)беларуской нации в ВКЛ решается автором так:

За этот тезис – правовое наполнение понятия нации, а именно – феномен гражданства, без которого нация невозможна: самосознание литвинов имело, главным образом, государственно-политический, а не этнический... характер.

За свидетельствует язык документации, – и что еще более важно – наличие конституции (Статутов).

За – наличие политонима «литвины»... не следует путать его с современным этнонимом «литовцы» /.../

За – полиэтнический состав ВКЛ, ибо нация чрезвычайно редко возникает из однородного этнического материала...

Против – то, что гражданскими правами (т.е. правами представителя нации) в ВКЛ обладали далеко не все (большинство населения даже не подозревало о существовании таких прав)...

Против – то, что политоним «литвины» (и соответствующий тип самосознания) был распространен только в верхушке социума, этноним же «белорусы» не сложился еще долгое время...

Против и то, что критерий конфессии – во многом потерявший остроту сейчас, но важный в историческом становлении наций, долгое время оставался «размытым», несмотря на православие большинства населения /.../

Главное против... не фактологическое, а научно-теоретическое. Все большее число исследователей... склоняется к мысли о том, что понятие «нация» применимо к общностям людей лишь начиная с конца XVIII века (с. 22–24).

Но вовсе не все настолько не определено и не однозначно: в начале XVII века «самоназвание белорусцы и представление об особой земле – Белой Руси – существуют уже не только для внутреннего потребления: они распространились и за пределы Речи Посполитой... Для самосознания любой общности значимо не просто осознание собственной особости, но и признание такой отличительности со стороны других» (с. 36–37).

При этом «тогдашние белорусцы и сегодняшние беларусы – далеко не одно и то же. Однако именно этому самоназванию суждено было превратиться в этноним, а затем и в название национального сообщества» (с. 37).

Здесь имеет смысл вспомнить идею живого классика беларуской философии В. Акудовича, которая звучит так: «...пространство, теперь обозначаемое этнонимом Беларусь, сакрально востребовано, а значит и дальше не станет пассивно ждать для себя хоть какого-нибудь местечка в будущем, а будет требовать и занимать его сама для себя» («Код адсутнасці»).

Ю. Чернявская оборачивает близкую мысль следующим образом: для самосознания беларусов «оставалось цельным во все времена»:

«1) этнический самообраз (комплекс представлений о типичном белорусе, его характере, ценностях и антиценностях);

2) менталитет, подспудно диктующий выбор сценариев и стратегий поведения;

3) этос – особая конфигурация, увязывающая ценности, сценарии, практики, элементы культуры и прочее в одно своеобразное целое» (с. 448).

«ОБРАТНО»: ОТ НАЦИИ — К ТОЛПЕ

Что может нас устрашать в нашем среднесрочном будущем?

После «неизвестной войны» 1654–1667 гг. культура «могла сохраниться» «только на уровне повседневности ее главного выразителя – фольклора. Эта ситуация растянулась на столетия» (с. 41).

При этом для «менталитета крестьянского населения беларуских земель» (после 1863 года), или «менталитета крестьянского населения Северо-Западного края» было свойственно следующее:

- самоидентификация себя на бытово-психологическом уровне как особого социально-этнического целого – «мужиков-беларусов».
- тутэйшасць как глубинная привязанность к малой родине... /которая/ в эпоху начала европейского нацстроительства обернулась... социально-политической и национальной... индифферентностью...
- симбиоз двух... качеств – жизнестойкости и покорности обстоятельствам, фатализма...
- упорство и трудолюбие...
- часто пассивное по форме, но стойкое неприятие перемен, даже если они (не только внешне, но и по сущности) предполагали улучшение жизни в будущем...
- недоверие проповедям... агитации и в целом предложениям со стороны внешних людей...
- слабая выраженность личной и коллективной инициативы...

- терпимость /автор далее уточняет: каковая «нередко переходила (и до сих пор переходит) в общественный конформизм». — *А.Г.*/ и толерантность...
- идеал равенства, присущий всем культурам бедности, и в то же время недоверие к большим, искусственно созданным коллективам, руководимым некоей глобальной идеей...
- при сохранении в массах народной культуры и языка — упрочившаяся в XIX веке тенденция к заниженной самооценке, что стало тягчайшим фактором, мешающим оформлению национально-культурной самоидентификации» (с. 55–57).

Не все так просто и с преобладающим языком «внутринационального общения»: «Трасянка — не пиджин и даже не креольский язык /.../ — хотя бы потому, что пиджины возникают сугубо для общения и не превышают 1000–1500 слов, а креольские языки служат инструментом коммуникации смешанного по происхождению населения. Но по переписи 1985 года число белорусов составило превалирующее число среди населения республики (более 80%): следовательно, функция трасянки не была внешней: она не служила для установления контактов. Трасянка примиряла два языка не в условиях общения белорусско- и русскоязычных (они поняли бы друг друга и без языка-посредника), а в сознании человека, преимущественно жителя окраин и деревни. Но сумятица в языке — симптом сумятицы в голове...» (с. 81).

Во многом отсюда берет начало неоднократно зафиксированное среди уже современных блоггеров следующее жесткое рассуждение:

> «Я сильно не люблю людей, которые опираются на деревню. Например, на привозные запасы бульбы, сала и т.п. — потому, что этот уровень их устраивает, в случае чего они прицепят к своим москвичам прицепы и повезут с дач и деревень печки-буржуйки, дрова, бульбу и сало. Зачем им развивать страну? Для них страна и так достаточно развита. По сравнению с деревней. Основная задача — абы хуже не стало» (с. 357).

Очень точно: культурный разрыв между различными слоями беларуского населения зачастую превосходит (учитывая стремительное формирование в окружающем мире информационного общества) дистанцию между видами «человек разумный» и «динозавр».

И здесь крайне важно избегнуть того, что автор именует как «семь соблазнов нациостроительства». Эти угрозы таковы:

1) Идея «закрытой двери», призывающая принципиально закрыться от внешних посторонних влияний — особенно от российского.

2) Стремление педалировать якобы позитивную однородность «национально-гражданского тела» (надо всегда помнить о наличии в стране 20% представителей небеларуских национальных диаспор).

3) Желание отождествлять беларуское с беларускоязычным... «Речь должна идти о том, как повысить культурный рейтинг белорусского языка, но не разбрасываться достижениями, которые создаются в современной Беларуси на русском языке /.../ Николай Гусовский писал на латыни, а Ян Борщевский — на польском».

4) Настаивание на отождествлении «беларускости» лишь с одной ее гранью (или с одним периодом) – язычеством или христианством; литвинством или, напротив, с «крестьянской нацией».

5) Двусторонняя угроза: а) тезис о том, что истинным народом являются только «простые люди»; б) веру некоторых фанатиков в то, что истинный народ – это «я» и такие, как я.

6) Тяготение к прошлому, восприятие Беларуси в архаических тонах. «Невозможно построить новую Беларусь исключительно на старой культурной закваске» – так понял автор данной рецензии пафос этого хода.

7) Давний и привычный для беларусов «соблазн невыпячивания» (с. 458–464).

Упомянуты почти все болевые точки. Кроме, разве что, одной: иногда народ должен тяжко переболеть избыточной верой во власть и сопряженной с ней убежденностью в собственную достаточную адаптивность. Вряд ли ситуация прокатит и на этот раз без потрясений.

ИТОГИ

Автор пишет, что основные историко-культурные парадоксы беларуской этничности таковы:

«1) Белорусы в своем большинстве говорят по-русски, а не на родном языке.

2) Предпочитая в быту и на производстве русский язык, они устойчиво идентифицируют себя как белорусов и отделяют от русских.

3) В силу полиэтнического и поликонфессионального состава населения протобелорусских территорий идентичность населения возникла не на однородном этническом материале, а на основе локальной идентичности масс (понятие малой родины), а также на основе гражданской идентичности (среди образованной части общества).

4) Долгие десятилетия на территории Беларуси отсутствовал единообразный общеупотребимый этноним (литвины, русины, белорусцы, западные русские, белорусы).

5) Меры, предпринимаемые Российской империей по обрусению беларусов, не достигли своей цели, а напротив – вели к усилению взаимопонимания между разными сословиями белорусского общества (в первую очередь между шляхтой и крестьянством).

6) Национальная идея белорусов исторически строилась на факторах гражданства и локально-местной идентичности, а также на идее мультикультурных контактов – в большей мере, чем на факторе этнической принадлежности.

7) Маргинальное положение Беларуси, в истории часто негативно воздействовавшее на идентичность и менталитет белорусов, в наши дни может стать конструктивным фактором развития Беларуси современной» (с. 93–94).

Попытаемся поверить в это и мы.

БЕЛАРУСКАЯ ПРАВДА СПУСТЯ ШЕСТЬ ВЕКОВ

Александр Грицанов

ИСТОРИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Тот давно известный факт, что история представляется «политикой, обращенной в прошлое», до сих пор не находил достаточного освещения в отечественной традиции постижения и осмысления течения минувших столетий. Можно по пальцам пересчитать наших профессиональных историков, всерьез уделяющих внимание этой – идеологической – составляющей собственных работ. Применительно к проблематике не самых простых взаимных отношений Тевтонского ордена и союзнической коалиции тех лет, концентрировавшейся вокруг двух державных центров (Польша – ВКЛ), единственным прецедентом действительно современного подхода к проблеме можно считать небольшую брошюру доктора исторических наук А. Кравцевича**.

В случае книги А. Тараса мы имеем дело с серьезной попыткой обрисовать ход боевых действий под Танненбергом – Грюнвальдом не столько в контексте «объективного соответствия исторической правде», сколько в ракурсе обозначения соответствующей позиции именно современного суверенного беларуского государства. В тексте, в частности, отмечается:

> «В результате нашего безразличия одну из самых значительных побед средневековья «разобрали» по частям и «прихватизировали» поляки, летувисы, россияне, украинцы, татары» (с. 125).

На фоне вала публикаций, посвященных данной битве в Литве и Польше (десятки книг), те две брошюры, которые были исполнены на эту тему за 70 лет советской власти и 18 лет независимости в Беларуси, демонстрируют, что задача конструирования национального самосознания отдана незадачливым руководством идеологического корпуса страны реальной «воле волн». В результате тот – довольно редкий для написания исторических произведений – случай, когда банальное восстановление точности описания событий само по себе равнозначно созданию новаторского героического экскурса в отечественное минувшее, оставлен местечковым официозом безо всякого внимания.

Показательно то, что автор конкретизирует ряд в прошлом спорных моментов, проясняя их:

1) О числе «русских» («смоленских») «хоругвей» (полков), принимавших участие в противоборстве. Любопытно следующее: в современном российском

Рецензия на книгу А.Е. Тараса «Грюнвальд, 15 июля 1410 года». Минск: «ФУАинформ», 2010. – 160 с. Сайт «Наше мнение», 21 июня 2010 г.

** Краўцэвіч А. Тэўтонскі ордэн. Ад Ерусаліма да Грунвальда. Мінск: «Навука і тэхніка», 1993.

издании «100 великих битв» мы обнаруживаем статью о грюнвальдском сражении, в которой констатируется, что «русские полки были выставлены княжествами, входившими в состав Литовского государства*. Так, боеспособными из них являлись смоленские полки». Как отмечает Тарас, «число упоминаний разных наций в этом тексте [таково]: поляки – 26 раз, литовцы (под которыми имеются в виду жамойты, предки нынешних летувисов) – 20, русские – 17, татары – 6, немцы – 4. Беларусы – ни разу!» (с. 129).

Если взять за основу вполне очевидный факт, что наши предки стали именно «белорусами» в XIX веке – в ходе «просветительской миссии» царского самодержавия на этих территориях, то надо признать, что даже в те времена к отечественному военному прошлому было несравненно более уважительное отношение, нежели у властей Беларуси сегодня. Так, в статье об этом же сражении, помещенной в «Энциклопедическом словаре» Ф. Брокгауза и И. Ефрона (том IXА, Санкт-Петербург, 1898, с. 822), констатировалось:

> «...войско, состоявшее из полков литовско-польских, *белорусских (в том числе смоленские полки...)* и многих малороссийских отрядов. Было привлечено и татарское войско /выделено мной. – *А.Г.*/» (с. 130).

2) О соотношении слова «русские» в начале XV века и термина «российские» – в начале XXI века. В данном контексте важно лишь то, что к «Москве» «смоленские» вооруженные подразделения не имели никакого касательства.

3) Непосредственно «смоляне» (в ВКЛ – «русины») сражались, безусловно, героически, но не могли одной хоругвью решить боевые задачи, в конечном счете, решенные в ходе вооруженных действий более чем 90 сопоставимых подразделений союзных войск.

В качестве основного результата данной системы рассуждений предъявлена следующая мысль:

> «На битву к Грюнвальду шли виленцы, полочане, новогородцы /жители Новогородка, нынешнего Новогрудка – *Ред.*/, витебчане, гродненцы, могилевчане, пинчуки, а с битвы возвращались беларусы. Ничто так не объединяет людей, как победа... Слава Грюнвальда – такое же достояние беларуского народа, как и победа в Великой Отечественной войне!» (с. 150).

ВКЛ: ЧЬЕ НАСЛЕДСТВО?

Автор жестко и ответственно ввязывается в полемику по поводу «литовской первоосновы» ВКЛ.

То, что эта проблема отнюдь не является второстепенной и в начале XXI века, можно уяснить по статье из газеты «Московские новости» (2006 г., № 41), обращенной российским демократом к своим *литовским* (!) оппонентам. Осмысливая то, как на постсоветских просторах «национальные интеллигенции создают ксенофобские настроения», автор из «МН» пишет:

> «В еще советской Литве прославлялось Великое княжество Литовское, включавшее в себя в годы расцвета кроме территории нынешней Литвы зем-

* Мячин А.Н. 100 великих битв. М.: «Вече», 2000.

ли нынешней Белоруссии, почти всю Украину, берег Черного моря. Западная граница княжества проходила около Можайска. С удовольствием обсуждались документы, доказывающие, что Московское государство признавало верховную власть Литвы.

Мог ли народ с такой историей быть частью страны, управляемой русскими? Но дело в том, что могучее средневековое государство называлось великим княжеством литовцев и русских, глава его именовался русским словом *князь*, а не европейским аналогом *герцог* или литовским *кунигас*. Языком летописей и двора был русский, по-русски пели колыбельные матери будущим великим князьям (все их отцы были женаты на русских). Русские составляли около 90 % населения государства. Можно говорить о неравноправии литовцев – ведь выходец из коренной Литвы не мог сделать карьеру без знания русского языка. Князья не завоевывали русские земли – они сами присоединялись, сплачиваясь против общих врагов – рыцарских орденов и татар. И Москвы. Тогда она не была центром всего русского...

Не могли сражавшиеся за независимость с Москвой Новгород, Тверь и Рязань знать, что Русское государство сложится вокруг Москвы. Не знали этого и жители Смоленска и Полоцка, погибавшие за право жить в государстве литовцев и русских, не желавшие идти под Москву. Не было русско-литовских войн – сражались два русских государства, претендовавших на власть над всеми русскими. Литовцы были меньшинством в том, которое проиграло...».

Как видим, современная Москва не считает население «соседней страны с центром в Минске» потенциальным партнером в дележе культурного и цивилизованного наследства ВКЛ. Вильнюс же начал эту игру немедленно после обретения суверенитета. Литву воспринимают на этом ристалище всерьез: согласно современной «Британской энциклопедии», геополитическую и цивилизационную принадлежность ВКЛ правомерно ассоциировать с современной Литвой. А отнюдь не с нынешней РБ, стремительно утрачивающей все – в высшей степени дорогостоящие – культурные бренды. Крайне важна в этом контексте следующая мысль, вполне оправданно сформулированная «на грани фола»:

«Победа при Грюнвальде – это победа в несопоставимо большей степени литвинов (беларусов), чем жамойтов (летувисов), которых в войске ВКЛ было всего три хоругви... Жамойты стали подданными великого князя Литвы лишь в 1422 году. Специально для того, чтобы подчеркнуть свое отличие от литвинов, они вытребовали у Витовта особое название для своей Жамойтии (Великое Княжество Литовское и Жамойтское). Но, не имея никакого отношения ни к образованию ВКЛ, ни к его развитию в первые 170 лет существования, современные летувисы вместе с нашей древней столицей (Вильней) и гербом (Погоней) присвоили и выдающиеся события нашей истории.

В отличие от беларуских властей и большей части рядовых граждан Беларуси, которым история своих предков что называется «до лампочки», они ценят

то, что украли. Например, свою лучшую баскетбольную команду летувисы еще в советское время назвали *Жальгирис*, что на их языке означает *зеленый лес* – дословный перевод слова Грюнвальд. Они и тогда гордились победой под Грюнвальдом – Жальгирисом. А мы?» (с. 140).

Вопрос здесь отнюдь не в межнациональной розни. Думать подобным образом – форменный бред. Проблема коренится в следующем: в условиях, когда российско-беларуские отношения (видимо, надолго) «отравлены газом» (А. Лукашенко), ресурс национального выживания коренится не столько в объеме этого самого газа, сжигаемого на «душу населения», сколько в общенародной убежденности в собственном историческом достоинстве.

УРОВЕНЬ АРГУМЕНТАЦИИ

Отечественный историк продолжает исполнять работу нескольких академических институтов, которые пока ориентированы исключительно на написание гладких отчетов для администрации, а также на изготовление книг, читаемых исключительно в рамках школьной программы.

В книге наглядно показано, что «среди 42 хоругвей ВКЛ беларускими (литвинскими и русинскими) были 31, украинскими (русинскими) – 7, жамойтскими – 3, и одна – новгородская /т.е. с «территории будущей России». – *А.Г.*/».

Кроме того, оригинальная трактовка хода событий позволила Тарасу сделать важный вывод: реально под Грюнвальдом в тот день произошло два вполне самостоятельных и автономно протекавших сражения, одно из которых вел князь ВКЛ Витовт, другое – король польский Ягайло. При этом расклад динамики противостояния, скрупулезно осуществленный в работе, неумолимо свидетельствует: именно глубокий, затейливый и многоходовый маневр боевыми частями, осуществленный князем Витовтом, позволил союзникам добиться решающего перевеса. Естественно, отдать должное необходимо и полякам, главная задача которых свелась к простой (хотя и не самой легкой) программе: удерживать занятые позиции и не позволить разорвать собственный строй.

«Победа достигается на маршах» – говорил Наполеон. Наши предки, как прояснила книга, и ранее были об этом неплохо осведомлены.

ВЫВОДЫ

На первый взгляд, данная работа являет собой еще одно изложение хода известной в Европе битвы*, уже не раз осмысленного на протяжении минувших 600 лет. Даже учитывая то обстоятельство, что издание приурочено к очередному юбилею сражения, выигрышные особенности данного текста не слишком бросаются в глаза. Тем не менее, появление этого формально рядового и не слишком объемного исторического исследования может и должно квалифицироваться как социальное и культурное явление общенационального масштаба.

* Не удивительно, что разгром немцами в 1914 году двух корпусов русской армии Самсонова именуется в немецкой историографии «второй битвой под Танненбергом» (Танненберг – наименование населенного пункта, привязка к которому сражения 1410 года «при Грюнвальде» является более точной).

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 4

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем: А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь

Электронный адрес: **aetaras@tut.by**

Подписано в печать 28.09.2010.
Формат 70 х 100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 150 экз.

Издатель А.Н. Вараксин.
ЛИ № 02330/0131774 от 6.03.2006 г.

Издательский проект «Неизвестная история»

Изданы

А.Е. Тарас. **Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV—XVII веках.** (800 стр., 197 илл., 37 карт и схем). Издательство «Харвест».

А.Е. Тарас. **Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII-XX вв.** (800 стр.; 57 цвет, репрод., 340 ч/б илл., 25 карт и схем). Издательство «Харвест».

А.П. Грицкевич. **Западный фронт РСФСР 1918-1920: Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию.** (592 стр., 12 карт). Издательство «Харвест».

В.В. Деружинский. **Тайны беларуской истории.** (560 стр., 220 илл., 13 карт). Издательство «ФУАинформ».

Коллектив авторов. **История имперских отношений: беларусы и русские. 1772-1991.** (608 стр.; 64 илл., 7 карт). /Издание 3-е/ Издательство «ФУАинформ».

Ю.В. Чернявская. **Белорусы: От «тутэйших» — к нации.** (512 стр., 148 илл., 5 карт). Издательство «ФУАинформ».

И.Л. Солоневич. **Россия в концлагере.** (592 стр.; 44 фото, 2 карты). /Издание 2-е/ Издательство «Современная школа».

А.А. Грицанов, А.Е. Тарас. **Научный антикоммунизм и антифашизм: Популярный компендиум.** Издательство «ФУАинформ».

А.Е. Тарас. **Грюнвальд, 15 июля 1410 года.** Издательство «ФУАинформ».

Зм. Сасноускі. **Гісторыя беларускай музычнай культуры ад старажытнасці да XVIII стагоддзя.** Издательство «Харвест».

Коллектив авторов. **Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века.** Издательство «Харвест».

А.Е. Тарас. **Костёл в нашей жизни.** (192 стр., 104 ил.) Издательство «ФУАинформ».